ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1977

Тула. 18 января 1977 года. На торжественном заседании в городе-герое.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Во время посещения Тульского машиностроительного завода.

НА ЗНАМЕНИ ТУЛЫ

Дорогому гостю — символический ключ от города.

«...НАШЕ НАСТОЯЩЕЕ ОПИРАЕТСЯ НА ТО, ЧТО СОЗДАНО, ЗАВОЕВАНО И ЗАЩИЩЕНО ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном вручению городу-герою Туле медали «Золотая Звезда».

17 января Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отбыл в город-герой Тулу. На вокзале товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, член ЦК КПСС Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС А. М. Александров, С. К. Цвигун, министр путей сообщения СССР И. Г. Павловский и другие.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев 17 января прибыл в город-герой Тулу.

13 часов дня. К перрону вокзала подходит поезд. Товарища Л. И. Брежнева радушно встречают первый секретарь Тульского обкома КПСС И. Х. Юнак, первый секретарь Тульского горкома КПСС В. А. Пастухов, члены бюро обкома и горкома партии, члены областного и городского исполкомов, участники обороны Тулы в 1941 году, передовики труда, руководители делегаций городов-героев и делегаций городов Калуги и Рязани, соревнующихся с Тулой.

Председатель Тульского горисполкома Л. Н. Дагаев преподнес товарищу Л. И. Брежневу символический ключ от города.

Пионеры вручили Леониду Ильичу букеты цветов.

На площади Восстания к памятнику Владимиру Ильичу Ленину, вождю мирового пролетариата, основателю Коммунистической партии и первого в мире Совет-

ского государства, Леонид Ильич Брежнев возложил алые гвоздики.

Генеральный секретарь ЦК КПСС возложил цветы у Вечного огня, который горит около обелиска, сооруженного на площади Победы.

В тот же день товарищ Л. И. Брежнев посетил родину великого русского писателя Л. Н. Толстого — музей-усадьбу «Ясная Поляна».

Директор музея С. Г. Бунин познакомил товарища Л. И. Брежнева с домом, в котором жил и работал писатель, с подлинными экспонатами мемориала.

Леонид Ильич Брежнев побывал на могиле Л. Н. Толстого, возложил на нее цветы.

В Книге почетных посетителей дома-музея Л. И. Брежнев оставил запись.

Во второй половине дня Л. И. Брежнев посетил крупнейший Тульский машиностроительный завод.

Директор предприятия Герой Социалистического Труда Е. Н. Сабинин ознакомил Леонида Ильича Брежнева с производством и с лучшими образцами выпускаемой заводом продукции.

Товарищ Л. И. Брежнев побывал в механическом цехе. Здесь его тепло и радушно встретили рабочие. Во время беседы с ними Л. И. Брежнев интересовался организацией производственного процесса, путями роста производительности труда и повышения качества продукции, темпами комплексной механизации и автоматизации процессов, условиями быта и отдыха.

Товарищ Л. И. Брежнев имел беседу с руководителями предприятия, членами парткома, инженерно-техническим персоналом, рабочими — передовиками производства. От имени всего коллектива директор завода поблагодарил Леонида Ильича за большую и постоянную заботу, которую он проявляет о рабочем классе.

Генеральный секретарь ЦК КПСС пожелал машиностроителям дальнейших успехов в их работе.

18 января в здании Драматического театра имени М. Горького состоялось торжественное заседание, посвященное вручению городу медали «Золотая Звезда».

В зале собрались партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, передовики промышленных предприятий, колхозов и совхозов, творческая интеллигенция, активные участники обороны города от немецко-фашистских захватчиков, воины Советской Армии, многочисленные гости.

В президиуме занимают места первый секретарь Тульского обкома КПСС И. Х. Юнак, председатель облисполкома Н. Т. Синегубов, члены бюро обкома и горкома КПСС, знатные люди промышленности и сельского хозяйства, ветераны Великой Отечественной войны, руководители делегаций городов-героев Москвы, Ленинграда, Волгограда, Севастополя, Одессы, Киева, Минска, Новороссийска, Керчи, Брестской крепости, руководители делегаций городов Калуги и Рязани.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Все встают. Под сводами зала звучат бурные, долго не смолкающие аплодисменты.

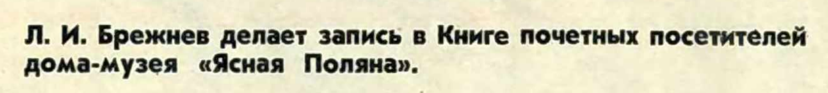
В конце своей яркой и глубокой по содержанию, неоднократно прерываемой аплодисментами речи товарищ Л. И. Брежнев сказал:

— Товарищи! Знамя Тулы вот уже более десяти лет украшает орден Ленина. Теперь мне доверена почетная и приятная миссия — прикрепить к вашему знамени Золотую Звезду, символ геройства, стойкости и мужества, символ всенародного признания выдающегося подвига защитников Тулы.

В память об этом торжественном дне товарищ Л. И. Брежнев передал в дар жителям Тулы бронзовую скульптуру выдающегося советского художника И. Д. Шадра «Рабочий со знаменем».

На торжественном заседании выступили: первый секретарь Тульского горкома КПСС В. А. Пастухов, слесарь Тульского оружейного завода П. И. Маркин, бывший первый секретарь Тульского обкома партии и председатель городского комитета обороны В. Г. Жаворонков, секретарь МГК КПСС В. Н. Макеев, командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник В. Л. Говоров, председатель колхоза имени Ленина Новомосковского района Герой Социалистического Труда В. А. Стародубцев, закройщица швейного объединения «Чайка», ударник коммунистического труда Тамара Пронюшкина, первый секретарь Тульского обкома КПСС И. Х. Юнак.

С большим воодушевлением участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.



Л. И. Брежнев делает запись в Книге почетных посетителей дома-музея «Ясная Поляна».

Товарищ Л. И. Брежнев осматривает знаменитые тульские самовары.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2585)

22 ЯНВАРЯ 1977

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

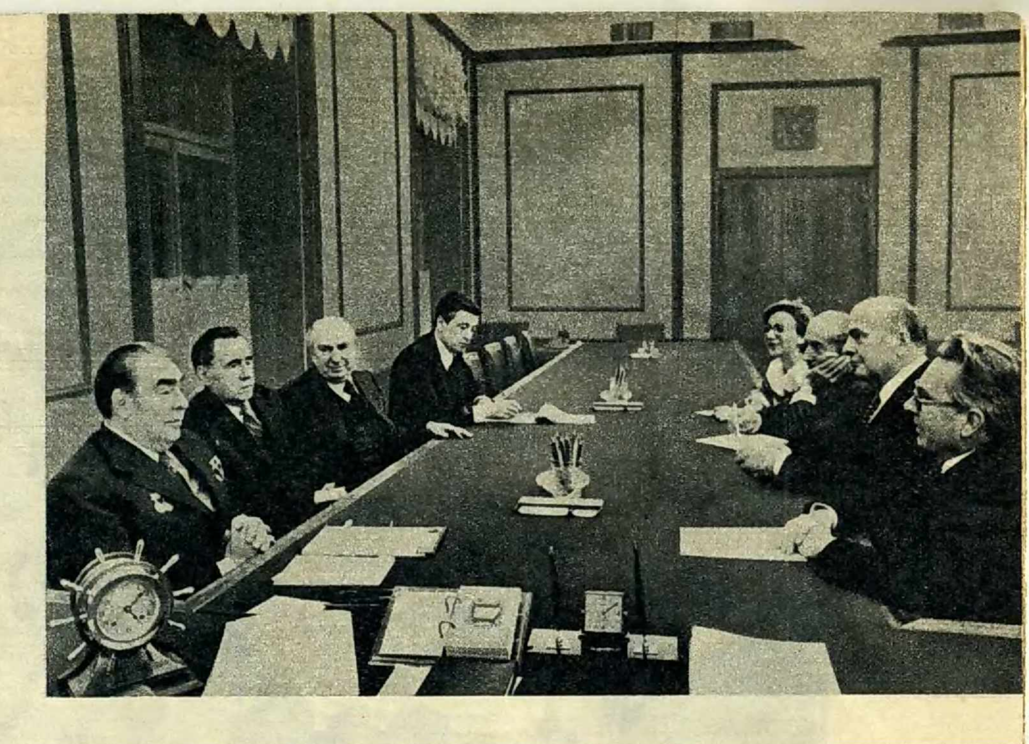
10 января в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Италии А. Форлани.

11 января начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел Италии А. Форлани. В ходе переговоров были обстоятельно обсуждены вопросы советско-итальянских отношений и перспективы их развития в различных областях. Был рассмотрен широкий круг международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Переговоры проходили конструктивно, в атмосфере взаимопонимания.

12 января Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле министра иностранных дел Италии А. Форлани. Между Л. И. Брежневым и А. Форлани состоялась беседа, носившая деловой, дружественный характер. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

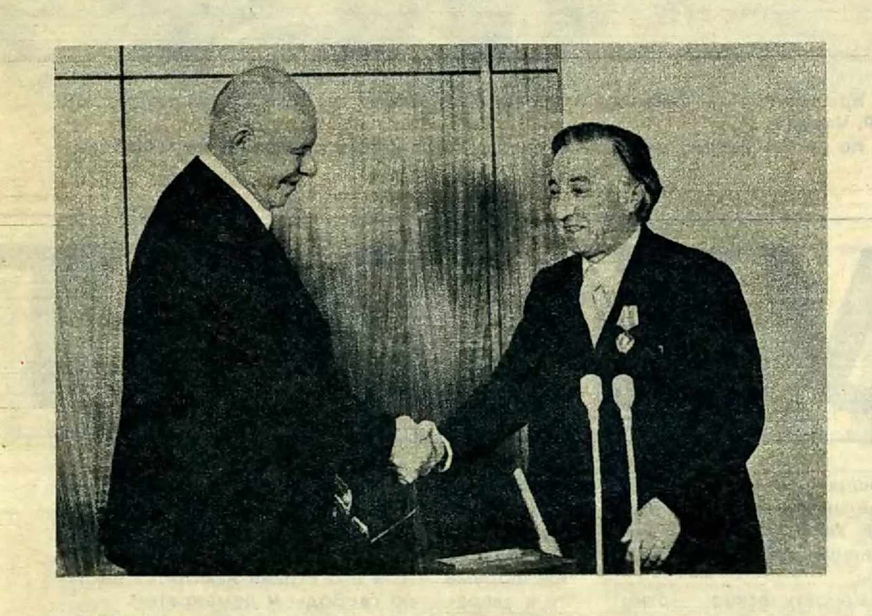
В ходе обмена мнениями о состоянии и перспективах отношений между СССР и Италией было подтверждено намерение обеих стран расширять взаимовыгодное сотрудничество в различных областях, укреплять дружбу между советским и итальянским народами. Были также обсуждены крупные международные вопросы, представляющие взаимный интерес.



Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ И ВЫСОКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ



14 января в Кремле член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил орден Ленина Генеральному секретарю Коммунистической партии Чили Луису Корвалану.

Этой высокой награды товарищ Л. Корвалан удостоен за выдающиеся заслуги перед международным коммунистическим движением, активное участие в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, против империализма и фашизма, большой вклад в укрепление дружбы между советским и чилийским народами и в связи с шестидесятилетием со дня рождения.

При вручении ордена выступил тов. Н. В. Подгорный, который отметил, что освобождение товарища Корвалана с искренней радостью, огромным удовлетворением встречено советскими людьми, его друзьями и единомышленниками, всеми, кому дороги идеалы социального прогресса, демократии, справедливости, гуманизма.

С ответной речью выступил тов. Л. Корвалан. «Эта высокая награда,— сказал он,— лучшая почесть всем тем, кто, как Сальвадор Альенде, отдал свои жизни в борьбе за подлинную национальную независимость, за демократию и социализм... Награждение орденом Ленина — это ни с чем не сравнимая честь для революционера, но еще большей она является для коммуниста».

На вручении награды присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. С. Баркаускас, Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, другие официальные лица.

Фото А. Гостева

ИНИЦИАТИВА КРАСНОПРОЛЕТАРЦЕВ

Ускоренное оснащение всех отраслей народного хозяйства современной передовой техникой — это важнейший рычаг, обеспечивающий значительный рост эффективности общественного производства, решение социальных задач по дальнейшему улучшению условий труда миллионов советских людей, повышению благосостояния нашего народа.

Из приветственного письма Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова.

В просторном, залитом солнечным светом третьем механическом цехе московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» отыскать бригаду Николая Ильичева было не трудно. Точный ориентир, подсказанный одним из рабочих: «Возле станка их бригадира целый букет красных вымпелов и «молний»,— был виден издалека.

— Только что всей бригадой прочитали письмо Леонида Ильича Брежнева краснопролетарцам,— здороваясь, сказал Николай.— Всем захотелось трудиться с еще большей отдачей сил и энергии. Мы уверены, что инициатива нашего завода: «Пятилетке эффективности и качества — первоклассное оборудование», которую отметил товарищ Л. И. Брежнев, станет девизом каждого машиностроителя. Потому-то мы и решили подкорректировать принятые нами социалистические обязательства. Если первоначально планировали «закрыть» второй год пятилетки к шестидесятилетию Великого Октября, то теперь постараемся завершить его в канун Дня машиностроителя, то есть на полтора месяца раньше.

В новом социалистическом обязательстве бригады есть и другие пункты, которые подтверждают отличное рабочее настроение коллектива. Все единогласно обязались выполнить полторы нормы в день рождения Владимира Ильича Ленина, освоить новые станки с программным устройством, продолжать учебу в техникумах, школах рабочей молодежи. Ну, а сам бригадир обязался к Первомаю начать трудиться в счет 1978 года.

В завкоме «Красного пролетария» нам показали пачку новых социалистических обязательств ударников коммунистического труда, отдельных бригад, целых участков. Обязательства эти рождались под воздействием добрых слов и высокой оценки, которую высказал Генеральный секретарь ЦК КПСС в адрес краснопролетарцев.

Об этом на общезаводском митинге, состоявшемся по случаю получения приветственного письма Л. И. Брежнева прославленному коллективу, говорили руководитель бригады коммунистического труда И. Мальцев, контролер ОТК комсомолка Ольга Ширшова, главный конструктор завода Ю. Жедь, директор предприятия О. Королев, заместитель министра станкостроительной и инструментальной промышленности Д. Поляков. Все они в один голос заявили, что станкостроители отдадут свои силы, весь свой опыт и знания для дальнейшего роста эффективности общественного производства.

В. САДОВСКИЙ

Бригада коммунистического труда Николая Ильичева: В. Слепцов, С. Терещонков, Ф. Осташевский, Н. Ильичев, А. Ахмеджанов и В. Котов.

Фото А. Бочинина

Москва. 14 января. Открытие Всемирного форума миролюбивых сил. В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Р. Чандра.

Открывает форум заместитель председателя Международного совета по продолжению действий и связям Всемирного конгресса миролюбивых сил Ш. Макбрайд.

ДУХ ОПТ

В. МАТВЕЕВ,
член президиума Советского комитета защиты мира

Фото А. ГОСТЕВА

Как быстро летит время! Ведь, кажется, еще совсем-совсем недавно мы вместе со многими из этих людей находились в зале Кремлевского Дворца съездов на Всемирном конгрессе миролюбивых сил поздней осенью 1973 года, а теперь снова встретились с ними под сводами конференц-зала здания СЭВ в нашей столице на Всемирном форуме миролюбивых сил, увидели их такими же подвижными, энергичными, как и прежде!

И сколько новых, незнакомых лиц! Это сразу бросается в глаза. Борьба за мир — самая широкая платформа, на которой сходятся представители самых разных организаций, групп, партий, отражающих всю пестроту политического облика земного шара. Состав форума отразил именно такое многообразие сил, участвующих в активных поисках путей и средств укрепления мира.

Почти все социал-демократические партии Запада послали на форум своих делегатов или наблюдателей. От одной лейбористской партии Великобритании в Москву приехало пять депутатов парламента, член ее исполкома и другие видные деятели. Среди более 70 международных организаций, представленных на форуме,— посланец от так называемого Римского клуба, членами которого являются ведущие дельцы и социологи Запада, собирающиеся регулярно для порой взволнованных дискуссий о том, куда движется наша планета. От этой группы не раз исходили мрачные версии о «глобальных катастрофах» — сырьевых, энергетических и других, угрожающих человечеству.

Проклятый гамлетовский вопрос — быть или не быть?— не мучает сторонников мира. Не потому, что они идеалисты, принимающие желаемое за действительное. Среди более чем пяти сотен участников Московского форума немало тех, кто с оружием в руках сражался за неотъемлемые человеческие права: быть хозяином собственной судьбы, обрести свободу от колониального гнета, сбросить ярмо фашизма и расизма.

Бурными аплодисментами встретили участники форума появление в президиуме Луиса Корвалана. Недалеко от него сидел в президиуме А. Амбателос, проведший не один год в застенках хунты греческих полковников. Некоторых участников нынешнего форума не могло быть на Всемирном конгрессе в Москве в октябре 1973 года потому, что тогда они боролись в джунглях Анголы, саваннах Мозамбика против карательной армии фашистского диктатора Каэтану.

Нет сейчас ни этой армии, ни самого Каэтану в качестве правителя Португалии, ни его тиранического режима, ни португальской колониальной империи. На ее обломках возникли новые, независимые государства Африки. Изменение политического облика Португалии не единственный сдвиг на Пиренейском полуострове. Представитель Испании заявил с трибуны форума, что и его страна находится на пути к завоеванию свободы и демократии.

Многие оплоты врагов мира и демократии рухнули на земном шаре за последние годы, но самый мощный и разветвленный в организме капиталистического общества комплекс, откуда исходит главная угроза для мира и безопасности народов, еще незыблем. В недрах его безостановочно крутятся жернова зловещей машины фабрики вооружений, поглощающие в своей бездонной утробе средства, использование которых в гражданских целях превратило бы пустыни в цветущие сады, положило бы конец нищете, голоду, неграмотности, эпидемиям, еще свирепствующим на больших пространствах Азии, Африки, Латинской Америки.

Четверть потенциала всех человеческих ресурсов, сил на земле идет на цели вооружений, отметил с трибуны форума представитель Франции Р. Мэйо.

«Положение дел таково: либо гонка вооружений поставит под вопрос дальнейшее продвижение человечества по пути прогресса, либо объединенные усилия народов разорвут нынешнюю опасную спираль гонки вооружений, остановив тем самым материальную подготовку войны». Это предостережение, высказанное Л. И. Брежневым в его послании участникам Всемирного форума миролюбивых сил, вызвало широкий резонанс далеко за стенами зала форума, в разных столицах мира. Оно означает, что мы не тешим себя иллюзиями относительно несовместимости разрядки и гонки вооружений. Разрядка — это еще не полное устранение угрозы разрушительной войны. Это лишь подступ к самому главному, серьезному, чем является борьба за разоружение.

На пути к завоеванию редутов, траншей, бойниц зловещего комплекса, каким является гонка вооружений, стоят и преграды, так сказать, морально-политического характера, ко-

ГОВОРЯТ ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧАСТНИКИ ФОРУМА

Фам Хюи ТХОНГ,
член президиума Комитета защиты мира Вьетнама

Поднимаясь на трибуну Всемирного форума миролюбивых сил в Москве, я вспомнил первый конгресс сторонников мира в Париже в 1949 году, в котором принимал участие. С тех пор мне не раз приходилось бывать на различных встречах борцов за мир. В Советский Союз я впервые приехал в 1958 году, на конференцию писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. А последний раз был в Москве в 1973 году, на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. Какие огромные изменения международного климата произошли за это время! На смену «холодной войне» пришла разрядка международной напряженности. Это не случилось само собой. Народы всего земного шара приложили немало сил, чтобы в атмосфере межгосударственных отношений наступило потепление. Особенно большую роль сыграли социалистические страны во главе с Советским Союзом.

Политика мира — это государственная политика Советского Союза. Приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам форума — новое тому подтверждение. С первого ленинского Декрета о мире и кончая решениями XXV съезда партии, в центре внимания Советского государства всегда был вопрос о мире.

Советский Союз придает первостепенное значение разоружению, реальному разоружению, как сказал товарищ Брежнев, которое откроет человечеству огромные возможности.

По профессии я историк. Радостно сознавать, что мне довелось быть свидетелем и в какой-то мере участником больших политических изменений в мире за последнее время. Моя родина Вьетнам стала свободной и единой. Одержала победу над колонизаторами независимая Ангола. На свободе славный сын чилийского народа Луис Корвалан. Между этими событиями я вижу закономерную связь. Все они результат победы солидарности прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты.

Мы, коммунисты, с оптимизмом смотрим в будущее, хотя предстоит еще немало сделать, чтобы достигнутая разрядка продолжала углубляться, чтобы остановить гонку вооружений. Основа нашего оптимизма — решимость народов отстоять мир.

Елена ХИЛЬ,
член ЦК Коммунистической партии Кубы, заместитель председателя Кубинского комитета движения за мир и суверенитет народов

Посланцы ста пятнадцати стран приехали в Москву, на Всемирный форум миролюбивых сил. Представляется символичным, что эта встреча происходила именно здесь, на родине Октября. Мне было двенадцать лет, когда я узнала: в России революция. Конечно, я не могла тогда осознать в полной мере значение великого события, но помню хорошо, что известие это буквально потрясло нашу семью, хотя среди моих родных не было коммунистов. Рано пошла работать, поступила машинисткой в телефонную компанию. Восемнадцати лет участвовала в первой забастовке.

Тот, кто борется за интересы трудящихся, за свободу и равенство, неизбежно приходит к коммунизму. Это закономерно. В 1945 году я стала членом коммунистической партии.

После победы революции мне поручили руководить педагогическим институтом имени Макаренко. Это была первая на Кубе школа, которая готовила учителей. Республике требовались люди, способные нести в массы новую психологию, новые политические взгляды. Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. Это глубоко верно и в применении к борьбе за мир. Общественность может оказывать очень большое влияние на судьбы мира. События последних лет показали это.

Сейчас мы много работаем над тем, чтобы самые широкие массы людей отчетливо представляли себе все значение борьбы за мир, за разрядку международной напряженности. В этом году, когда исполняется 60 лет Великого Октября, на Кубе проводится конкурс. Тема его — мирная политика Советского Союза. В нем примут участие рабочие, крестьяне, пропагандисты, учителя. Каждому кубинцу есть что написать об этом в своей конкурсной работе. Советский Союз был и остается нашим надежным другом, другом всех народов, борющихся за мир, свободу и независимость.

Мне особенно хотелось бы подчеркнуть вклад Коммунистической партии Советского Союза и лично товарища Брежнева в дело мира. В его приветствии участникам форума содержится конкретный план дальнейших действий для всех миролюбивых сил. Добиться реального прогресса в разоружении, сделать разрядку необратимым, все углубляющимся процессом, добиться, чтобы в мире царил климат доверия и сотрудничества,— вот благородные задачи, которые стоят сегодня перед нами.

ИМИЗМА

ренящиеся в настроениях неверия, апатии в определенных слоях общества относительно возможности эффективных мер для решения кардинальных проблем — таких, как разоружение, обращение средств и ресурсов целиком на мирные цели, ликвидация ядерного оружия, полное устранение угрозы войны. Об этом говорили на форуме в Москве многие ораторы.

Такие настроения возникают не сами по себе, не стихийно. Они возбуждаются, подогреваются теми же силами, которые строят свое материальное благополучие, процветание на гонке вооружений. Дюпоны производят не только средства уничтожения. В их распоряжении находится мощный аппарат постоянного воздействия на широкие массы населения. Выпады, атаки против разрядки нацелены на общественность, на массы этими пропагандистскими службами.

Еще не столь давно само слово «мир» отождествлялось ярыми антикоммунистами с чем-то зловещим, конспиративным, несущим для общества угрозу. Ниагары брани извергались по адресу организаций сторонников мира.

Многому надо было произойти в мире, чтобы в диалог по вопросам войны и мира стали включаться на Западе представители социал-демократических, католических, либеральных и других групп, организаций, которые, не разделяя взглядов воинствующих кругов реакции, тем не менее с большой опаской относились к возможности диалога и сотрудничества с движением сторонников мира.

Член исполкома лейбористской партии Австралии и секретарь одного из ее профсоюзов Джон Глиб, выступая на нынешнем форуме, сказал, что поехал на Всемирный конгресс в Москву в октябре 1973 года не без колебаний. Но то, что он услышал и видел, настолько вдохновило его, что сердцем, душой он был все время в Москве, пока снова не оказался здесь на нынешнем форуме.

Людей, включившихся за последнее время, под влиянием живительных сдвигов в международной атмосфере, в активную деятельность на поприще защиты и упрочения мира, немало. Изыскиваются и новые, соответствующие меняющимся условиям формы диалога между различными представителями групп, организаций, выступающих под девизами прочного мира. В рамках нынешнего форума в Москве работало 13 дискуссионных групп, обсуждавших многие аспекты активизации деятельности, усиления воздействия со стороны общественности на правительства в целях более уверенного и быстрого движения к желанной цели.

Автору этой статьи довелось работать в группе, занимавшейся вопросами воздействия общественности на мировую политику. Восемь часов, в течение которых мы в общей сложности обсуждали эти вопросы, не так много, но и не так уж мало, учитывая небольшой состав таких дискуссионных групп. А в нашей группе были и члены парламентов, специалисты, занимающиеся проблемой разоружения, журналисты, ученые, представители международных организаций. В центре обсуждения стоял вопрос о том, как наиболее действенно стимулировать заинтересованность и активность широких слоев общественности в деле разоружения. Были высказаны конкретные идеи и предложения. Они войдут в общий фонд тех идей, рекомендаций, которые рождены, вызваны работой участников этой встречи и могут со временем быть частью фундамента, на котором будет сооружено здание прочного мира.

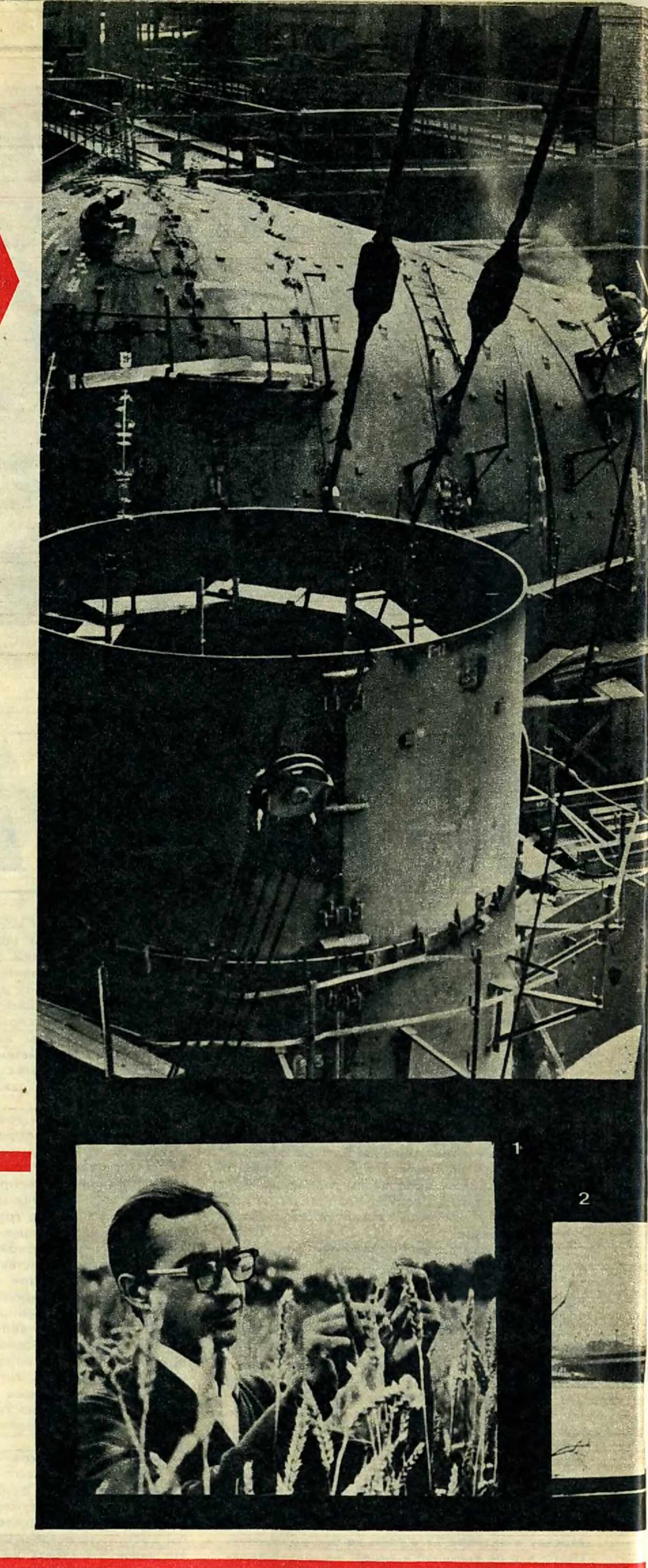
Никто из участников форума, разумеется, не надеется на какие-то магические решения и сдвиги. Все отдают отчет в том, что потребуется большая напряженная работа, преодоление многих трудностей и препятствий, чтобы достигнуть осязаемых сдвигов, результатов. Но важно не стоять на месте, не сидеть сложа руки. Дух энергии, творчества, подвижничества в самом хорошем смысле этого слова — в работе, плоды которой видны, ощущаются, оказывают свое воздействие,— царил на этой встрече и отметил ее как важную веху в усилиях по созиданию лучшего будущего.

УКРАИНА

В СЖАТЫЕ СРОКИ

На Коммунарском металлургическом заводе, который недавно отпраздновал свое 80-летие, вступила в строй доменная печь № 1-бис. Агрегат объемом три тысячи кубических метров заменил старую печь, построенную еще в тридцатые годы, и дает возможность выплавлять два миллиона триста тысяч тонн чугуна в год. Проектом было предусмотрено усовершенствовать технологию производства, повысить экономические показатели работы, улучшить условия труда металлургов. Это самая крупная в Донбассе домна. Сжатые сроки ее строительства определяли и темпы работ. На помощь коллективам «Коммунарскстроя» прибывали отряды строителей, прошедших хорошую школу на сооружении крупнейшей в мире домны № 9 в Кривом Роге.

Фото А. Афанасьева



ХАКАСИЯ

САЯНСКИЙ КАРАВАЙ

1

В нашей стране самое большое в мире пшеничное поле — на десятки миллионов гектаров. Произрастает на нем свыше 180 сортов озимой и яровой пшеницы. А недавно в хлебную семью была принята Саянская-55. Место ее рождения — Восточная Сибирь, Хакасия, а еще точнее — сельскохозяйственная опытная станция.

Ее «мать» — сортообразец монгольской пшеницы К41422, «отец» — Альбидум-73 селекции нашей станции. Именно эти формы впервые скрестил почти двадцать лет назад Иван Федорович Деморенко, заведующий отделом селекции. Сначала он получил гибрид, выделил из него несколько линий. Но до искомого образца было еще очень далеко. Труд селекционера измеряется долгими годами — десятилетиями.

В 1967 году к Ивану Федоровичу присоединился молодой научный сотрудник Рентген Петрович Машанов. Каждый год он высевал на опытном поле станции ровные рядочки.

Саянская-55 испытывалась в различных зонах страны — Кемеровской, Кустанайской, Омской, Целиноградской, Иркутской, Тюменской и других областях и, конечно, в Красноярском крае и соседней Бурятии. Конкурс наша пшеница выдержала с честью и рекомендована для юга Красноярья.

Чем отличается новый сорт? Он высокоурожайный, превзошел такие известные стандартные сорта, как Саратовская-29 и Мильтурум-553, особенно на орошаемых землях. Однако Саянская-55 менее требовательна к влаге, чем, например, Скала. В то же время она более устойчива, чем районированные сорта, к болезням и вредителям. И, наконец, последнее и очень важное достоинство нового сорта: у него короткий и жесткий стебель, не поддающийся полеганию.

В Новоенисейском совхозе в этом году были засеяны 10 тысяч гектаров Саянской-55, а с 1977 года на нее перейдут все хозяйства Бейского района. А какие же есть новинки на наших опытных полях сегодня? Авторы Саянской-55 вывели новую пшеницу. Это гибрид, полученный от скрещивания Саянской-55 с образцом Опал, привезенным из ГДР. По предварительным данным, урожайность его еще на 2—3 центнера с гектара выше. Поиск продолжается.

Я. БЕРСЕНЕВ,
заместитель директора Хакасской опытной станции, кандидат сельскохозяйственных наук

На снимке: Р. П. Машанов на опытном поле.

Фото А. Гостева

ЛАТВИЯ

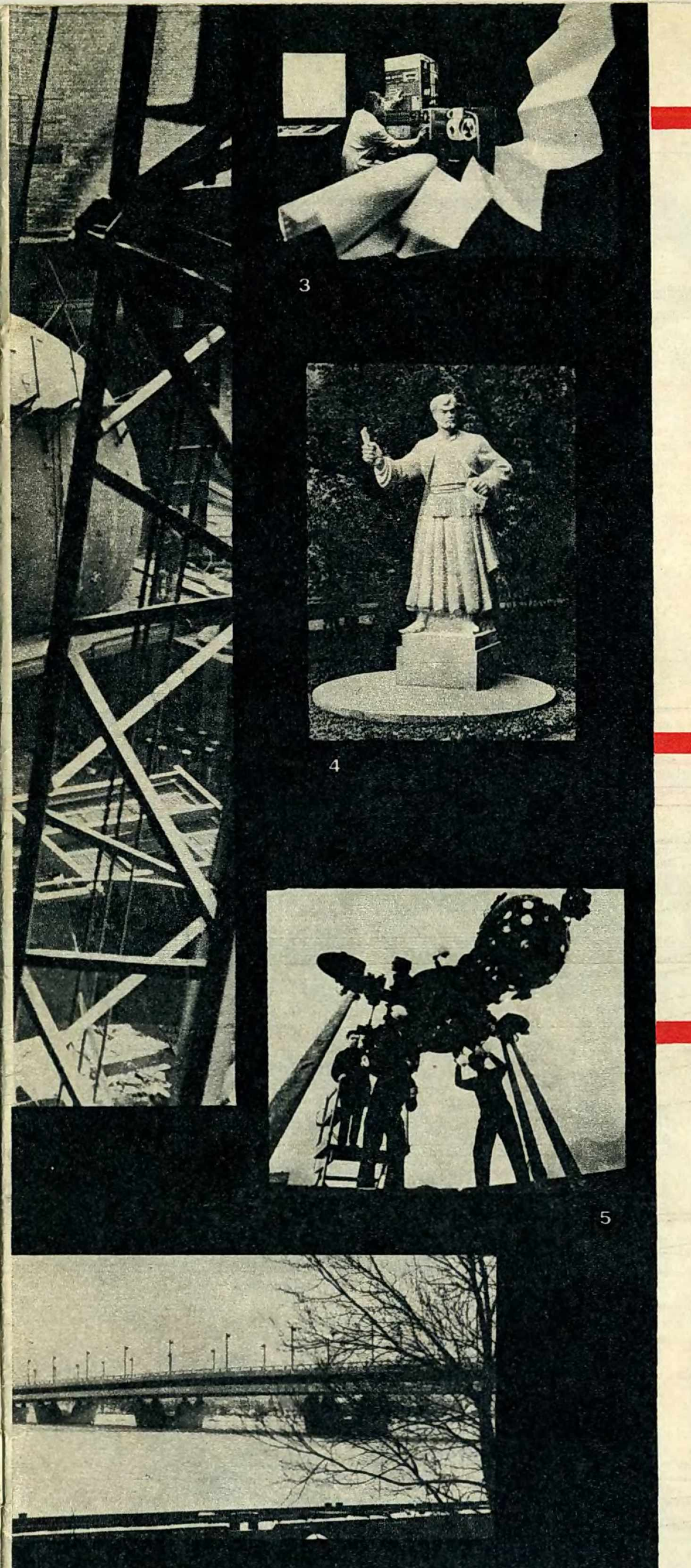
МОСТ НАЗВАЛИ МОСКОВСКИМ

2

Те, кто бывал в Риге, знают, как трудно в часы «пик» перебраться на другой берег Даугавы. Сооружение нового моста стало для столицы Советской Латвии жизненной необходимостью: на левом берегу возникли районы массового жилищного строительства, расширились радиозавод имени А. С. Попова и многие другие предприятия, сдан в эксплуатацию аэропорт «Рига». И вот в канун Нового года крупнейший в Прибалтике транспортный комплекс вступил в строй. Протянувшийся на три с половиной километра двухъярусный (верхний ярус — для автомобилей, нижний — для пешеходов) мост связал прямой скоростной магистралью густонаселенные Московский и Ленинский районы. В сооружении путепроводов, эстакад, транспортных развязок участвовали не только латвийские предприятия. Большую помощь строителям оказали братские республики — РСФСР, Украина, Белоруссия и другие. И как нельзя лучше символизирует дружбу народов нашей страны имя, данное новому мосту,— Московский.

А. ГРЕЧУХИН

Фото Эгона Раценеса



3

4

5

МОСКВА

КАК САМОЧУВСТВИЕ, ДОРОГА?

3

Мощный двигатель быстро набирает обороты. Стрелка спидометра показывает, как нарастает скорость: 20, 40, 60 километров... С пульта управления видно, что происходит за бетонной стеной: там движется тележка, у которой нагрузка на каждое колесо — 3,5 тонны. При надобности ее можно увеличить до пяти тонн.

Мы присутствуем при испытании покрытия дороги на прочность. Стенд, который мы видим, единственный в стране, и находится он в Государственном всесоюзном дорожном научно-исследовательском институте. Будущая дорога должна выдержать в стенах его лабораторий самые строгие экзамены.

У каждой дороги — своя одежда. И рождается она в лаборатории дорожных одежд. Возглавляет лабораторию кандидат технических наук Лев Алексеевич Марков.

— Качество дороги,— рассказывает он,— зависит от многого. Нас интересуют различные характеристики: прочность каждого слоя отдельно и в комплексе, деформация в процессе эксплуатации, поведение материалов, из которых выполнена одежда дорог, под нагрузкой, истирание асфальта и так далее. В лабораторных условиях подобные исследования проводить сложно, строить же натуральную дорогу дорого. Это и привело к созданию стенда.

Трек, по которому движется тележка,— продолжает Марков,— состоит из многочисленных экспериментальных участков дорог самых различных конструкций: из укрепленных грунтов (земля, обработанная цементом, золой или полимерными материалами), с однослойным и двухслойным цементобетонным, бетонным, асфальтовым и другими покрытиями. Десятки датчиков сообщают на пульт сведения о влажности и температуре каждого слоя, специальные устройства регистрируют давление транспорта на грунт, его деформацию. Все это значительно ускоряет испытания: то, на что ушло. бы лет десять, делается за месяц с небольшим.

Леонид РЕПЕЦКИЙ,
Лимарий СЕМЕНОВ

На снимке: и при рождении дороги не обойтись без электроники... Старший инженер В. К. Беляев.

Фото И. Гаврилова

АРМЕНИЯ

ПЭПО

4

В сквере театра, носящего имя классика армянской драматургии Габриела Сундукяна, недавно открыт памятник герою его пьесы «Пэпо». Армянский народ воздвиг памятник литературному герою, выходцу из народа, труженику, чей страстный монолог, обличающий буржуазную мораль, лицемерие и ханжество сильных мира сего, вот уже более столетия звучит со сцены.

Автор трехметровой базальтовой фигуры Пэпо — старейший скульптор республики, народный художник Армении Григор Агаронян.

Фото Г. Багдасаряна

МОСКВА

СТАРТ С САДОВОГО КОЛЬЦА

5

Скоро в часовое путешествие по необъятным просторам Вселенной смогут отправиться сразу 500 человек. И увидеть небо таким, каким его можно наблюдать только с Луны, Венеры, Марса или с борта космического корабля. А звезды — так они, звезды, даже в цвете: красноватая Антарес, желтая Капелла, голубая Вега...

«Космодром», с которого можно стартовать в такое путешествие, расположен в столице. Это Московский планетарий, где завершается реконструкция.

Вместе с директором планетария К. А. Порцевским проходим в звездный зал.

— Прежнее «небо» было из ткани, это ухудшало акустику зала,— рассказывает он.— Теперь купол сделан из алюминия. Пятьдесят четыре миллиона мелких отверстий, а также специальный акустический слой позволят отчетливо слышать голос лектора в любом уголке зала.

В центре помещения — огромный цилиндр с двумя шарами на концах. Это и есть тот «космический корабль», с помощью которого москвичи и гости столицы смогут наблюдать любые астрономические явления.

...Быстро сгущаются сумерки, высыпали звезды, черный диск Луны надвинулся на Солнце и закрыл его, оставив только сияющую корону. Такую картину москвичи смогут увидеть через 150 лет или когда придут в планетарий.

По плану, реконструкции рядом с существующим зданием будет построен новый корпус, где расположатся лекционный зал, коперниканский планетарий, демонстрирующий расположение планет на любой день и час, административные помещения. На территории планетария появится новая обсерватория с солнечным телескопом и телескопом-рефрактором для наблюдения светил.

А. СТРОГАНОВ

На снимке: новым аппаратом фирмы «Цейс» будет управлять электроника.

Фото А. Бочинина

В ЗАБОТАХ ОБ УРОЖАЕ

В. КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Хлопок, белое чудо земли... Он под стать хлебу насущному. И ныне, в год 60-летия Великого Октября, вспоминается тот факт, что в ряду первых декретов В. И. Ленина стоит и декрет об ассигновании пятидесяти миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане — по существу, декрет о хлопке.

Пушистые, почти невесомые белые комки с коричневым зернышком внутри... Это прежде всего, конечно, одежда и хлопковое масло, конкурирующее с подсолнечным. Но созревшие кусты хлопчатника — это еще и целая кладовая кислот, жиров, спиртов, белков, из которых производят более сотни материалов и изделий. В последнее время выяснилось, что хлопок может стать добрым помощником и для самого хлеба. Экспериментально доказано, что его белки придают пшеничному караваю особо ценные качества.

Специалисты обычно говорят об этом удивительном растении, как о капризном, привередливом, но исключительно одаренном ребенке. Ему, видите ли, по вкусу, когда ноги в холодной воде, а голову нещадно палит солнце!.. Зато на отдачу он щедр: каждое доброе усилие оплачивает чистым «белым золотом».

Красноречива притча о хлопке, бытующая в предгорьях Тянь-Шаня. Жил-был в незапамятные времена охотник по имени Узбек — а это значит «Сам хозяин»,— промышлял зверей и птиц, пока они почти вовсе не вывелись. Задумался охотник, невеселые мысли рождались в его голове. Как-то поутру проснулся он и видит: стоит парочка кудрявых овец — баран и ярочка. Стал их пасти Узбек и вскоре развел целую отару. Но приспела беда: трав поблизости все меньше и меньше... Зимой начался падеж. В тревоге корил себя пастух Узбек: надо о кормах с лета заботиться... На следующий год, осматривая выпасы, он среди трав обнаружил наливающийся хлебный колос. С того колоска и пошло по предгорью хлебное поле. Исподволь созревало и решение пастуха Узбека стать земледельцем. Но вскоре выдался засушливый год, неистовое солнце сожгло хлеб, и дехканин совсем отчаялся, потерял сон, поседел, и борода его побелела.

Солнечным зимним днем вышел он на поле и подивился обилию снега, будто упало с неба белое покрывало и устлало землю до самых вершин Тянь-Шаня. Каждой весной этот снег привычно таял и бесполезно тек мимо поля бурным речным потоком. А что, если проложить арыки-канавки к полям, прямо к растениям?

И в первый же день оттепели дехканин Узбек взялся за мотыгу-кетмень. Вскоре свершилось удивительное... В дни бабьего лета зеленые поля Узбека обрели цвет его бороды — цвет мудрости. Это был хлопок. С тех пор здесь никогда не выгорает хлеб, трижды за лето поднимаются травы, а в горах снова во множестве водятся и зверь и птица...

Право же, неспроста в этой притче именно с хлопком накрепко связаны мудрость и трудолюбие крестьянина. Как ни богат энерготехнический арсенал хлопкороба, но именно капли его трудового пота, бесценные, самоотверженные усилия спасли хлопчатник от жажды в маловодном 1975 году. А в году только что минувшем, 1976-м, тоже исключительно трудном по погодным условиям, хлопкоробы, согревая заиндевевшие волокна своим горячим дыханием, бережно пронесли сквозь октябрьско-ноябрьские снега почти треть урожая, причем весьма обильного. В Узбекистане — главной хлопковой базе страны — этот урожай составил 5 миллионов 330 тысяч тонн. В поздравлении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева трудящимся республики сказано: «Узбекские хлопкоробы хорошо начали десятую пятилетку... Это крупный вклад в дело претворения в жизнь решений XXV съезда партии и задач, поставленных октябрьским (1976 г.) Пленумом ЦК КПСС».

И вот что примечательно: некоторые хозяйства сумели завершить уборку еще в сентябре, до дождей и снегов. А это значит, что весь хлопчатник был сдан первыми сортами. Пример тому — колхоз «Политотдел», Верхнечирчикского района, Ташкентской области.

Герой Социалистического Труда Тимофей Григорьевич Хван, председатель колхоза «Политотдел», убежденно рассказывает:

— Настало время всем хозяйствам вести дело так, чтобы «октябрьский» хлопок все больше становился «сентябрьским». А уж о «ноябрьском» и говорить нечего. Ведь качество хлопка находится в обратной зависимости от его себестоимости!.. Вот где таится один из главных резервов эффективности.

— Что для этого необходимо?

— Прежде всего надо строить отношения с хлопчатником, как с добрым и отзывчивым другом,— подчеркнул Тимофей Григорьевич.— Кормить-поить специально, я бы сказал даже: для каждого поля нужно свое меню. И выполнять каждое требование растения, не считая его капризом... В минувшем сезоне, в конце июля — начале августа, был момент, когда от адской жары мог погибнуть весь верхний ярус плодоэлементов — считайте, тысячи центнеров... Мы не стали ждать, когда кусты хлопчатника попросят помощи, дали дополнительный полив по первому их шепоту: «пить»... Или вот еще. Применение загущенного посева. Благодаря ему, когда настала пора прореживания посевов, мы получили возможность отбирать самые качественные растения. Было разработано больше сотни шаблонов на прореживание с учетом особенностей поля, проведен семинар с помощниками бригадиров, приезжавшими к нам из всех хозяйств района... И наконец уборка. Голыми руками в срок управиться невозможно. Руки сборщика должны держать штурвал машины.

Две недели понадобилось для выполнения плана Верхнечирчикскому и Нижнечирчикскому районам, девять десятых урожая было снято машинами. По 250—300 тонн хлопка собрали в 1976 году бригады механиков-водителей Ташкентской области — Сервера Усеинова, Туркара Рахимбердыева, Саттара Худайбергенова, Валижана Маматова, Пулата Асрарова, Сабира Кадырова, Ульбусин Тешабаевой и многих других.

Новые резервы белого золота открыли хлопкоробы-целинники. Здесь на одного человека приходится по 10—12 гектаров земли вместо обычных трех-четырех. От имени преобразователей Джизакской степи первый секретарь Дустликского райкома партии Худжам Исраилович Исраилов сказал:

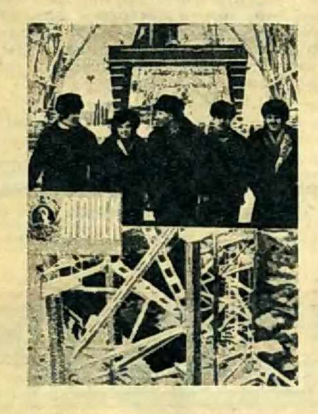
— Прекрасны просторы целины, ее молодая почва — настоящий курорт для хлопчатника. Так что будем наращивать достигнутое, плюсовать прибавки по своим меркам. Чтобы, скажем, по району получили на пять тысяч тонн больше, чем в прошлом году... Готовим семена, ремонтируем технику к севу, проводим «яхоб» — зимнюю зарядку почвы влагой, чтобы дружные всходы не зависели от весеннего дождика. Целинники готовы делом ответить на недавнее письмо ЦК КПСС, в котором партия призывает постоянно наращивать производство сельскохозяйственной продукции. Ныне все помыслы хлопкоробов — об урожае юбилейного года.

●

В совхозе имени Ленина, Дустликского района, Джизакской области, почетное право снять последнюю коробочку хлопка нового урожая представили старейшему механизатору, трактористу 30-х годов, наставнику молодежи Байсуну Карабаеву.

●

Сегодня хлопок убирают комбайны.



ГОРЯЧИЕ ЗИМНИЕ ДНИ

На первой странице обложки: члены бригады М. М. Васильева (в центре); внизу — участок стройки.

Фото А. Гостева

В разгаре сибирская зима. Скована льдом Ангара, а в Усть-Илиме горячие дни: гидростроители обязались вывести станцию на проектную мощность к шестидесятилетию Великого Октября. Это значит пустить к 7 ноября 1977 года все пятнадцать агрегатов. Сроки жесткие, намного короче запланированных. И уже сейчас темп работ на стройке чрезвычайно высок.

Комплексная бригада Героя Социалистического Труда Михаила Васильева ведет бетонирование блоков и носка водосливной части плотины. Тут повышенные требования к качеству. Шероховатость поверхности, например, должна быть не более одного миллиметра. Достаточно мысленно представить себе громадный, величиной с дом блок, чтобы понять, как трудно «поймать» эти миллиметры. Обычно такие работы ведутся летом с помощью нестандартной опалубки. А тут морозы. Как быть? Бригада нашла выход из положения. Соорудила специальный тепляк, и работа пошла полным ходом. Качество отличное. В результате коллектив, как сообщил нам секретарь парткома Н. И. Мальцев, выполнил план 1976 года ко Дню Конституции.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Оранжевая папка

К. ЧЕРЕВКОВ

Она могла бы быть и не оранжевой, а голубой, белой или еще какого-либо цвета. Это уже дело случая. О существовании этой папки и содержании ее знали очень немногие. Сам хозяин — Михаил Александрович Шолохов да еще трое — пятеро. Среди них и Константин Иванович Прийма, исследователь творчества Шолохова. Он рассказывает:

— Михаил Александрович Шолохов, с которым я много общался по вопросам зарубежных изданий его произведений, в процессе работы над книгой «Тихий Дон» сражается» и сбора материалов о творческой истории бессмертного романа счел возможным передать мне «Оранжевую папку», в которой хранились уцелевшие автографы «Тихого Дона». Произошло это летом шестьдесят восьмого года в Москве, в присутствии Марии Петровны — супруги писателя и его секретаря П. Е. Чукарина.

— Здесь есть кое-что для тебя любопытное и ценное,— вручая папку, сказал Михаил Александрович.—Даю тебе для ознакомления и использования в научных целях. Даю на временное хранение. А куда это все определить на постоянно, решим позднее...

Известна печальная участь, постигшая архив писателя. Осенью сорок первого года Шолохов приехал с Западного фронта в станицу Вешенскую, чтобы эвакуировать жену и детей. Тогда же он занялся своим архивом. В железный ящик он сложил автографы «Тихого Дона», «Поднятой целины», переписку с Серафимовичем, Островским, Фадеевым и другие бумаги. Ящик Шолохов сдал в одно из районных учреждений.

Летом следующего года фашистские полчища прорвали фронт в верховьях Дона. Война докатилась и до станицы Вешенской. В ночной спешной эвакуации ящик куда-то исчез. Утром неизвестный офицер-танкист увидел на улице разметанные ветром исписанные листы. Поднял с земли один, другой, посмотрел, прочитал несколько строк и удивился: страницы рукописей «Тихого Дона». Собрал, положил в машину и исколесил с ними, наверное, не одну тысячу километров, но сберег до самого конца войны.

Когда листки из рукописей вернулись к автору, он взял первую попавшуюся под руки папку, сложил в нее черновики романа. О судьбе рукописей Шолохова в свое время писал «Огонек». После публикации очерка редакция получила много писем от тех, кто оборонял Вешенскую. Солдаты и офицеры сообщили немало подробностей о том, как были обнаружены листы, исписанные рукой М. А. Шолохова. Но фамилию того танкиста так и не удалось установить...

Время шло. Бумага пожелтела, стала расслаиваться, кое-где тускнели чернила. Надо было принимать какие-то меры. Михаил Александрович Шолохов пригласил к себе в Вешенскую Константина Ивановича Прийму и попросил его передать автографы в Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Константин Иванович уведомил институт о решении Михаила Александровича и поехал с «Оранжевой папкой» в Ленинград.

В рукописном отделе института К. И. Прийма написал на имя директора, члена-корреспондента Академии наук СССР В. Г. Базанова «дарственную», в которой перечислялось самым подробнейшим образом все, что сдается на вечное сбережение. «Выполняя указание М. А. Шолохова,— говорится в начале этого документа,—

Профессор К. Д. Муратова знакомится с рукописями М. А. Шолохова.

Фото Н. Ананьева

о передаче временно хранящейся у меня «Оранжевой папки» с черновиками «Тихого Дона» (I и IV тома романа) на вечное хранение в Пушкинский дом, я прилагаю упомянутую папку, все автографы и машинописные тексты, содержащиеся в ней...» Когда непременные формальности были завершены, рукописи Шолохова отнесли в особое хранилище, туда, где находятся архивы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского.

...Терпеливо жду, когда принесут «Оранжевую папку» и я смогу взглянуть на шолоховские страницы. Наконец, входит заведующая рукописным отделом доктор филологических наук, профессор Ксения Дмитриевна Муратова. Немало автографов, черновиков, документов великих русских писателей прошло через ее руки. Без ее ведома никто не может прикоснуться к этим реликвиям.

— Садитесь рядом со мной, будем смотреть,— говорит она.

На обложке «Оранжевой папки» М. А. Шолоховым написано: «Черновики «Тихого Дона», вверху, в правом углу, — «137 листов».

137! Это все, что удалось в годы военной бури спасти из рукописи «Тихого Дона».

Но хотя это лишь разрозненные страницы, их научное значение огромно, они дают возможность заглянуть в творческую лабораторию писателя.

Особенно велика ценность листов с авторской правкой. Некоторые эпизоды Шолохов переделывал по два и три раза. Это прослеживается на многих страницах. Там, где рассказывается о выздоровлении Аксиньи и возвращении ее домой в хутор Татарский, о помолвке Мишки Кошевого с Дуняшкой Мелеховой, о первых днях Кошевого на посту председателя ревкома, о жизни Григория Мелехова после возвращения с фронта...

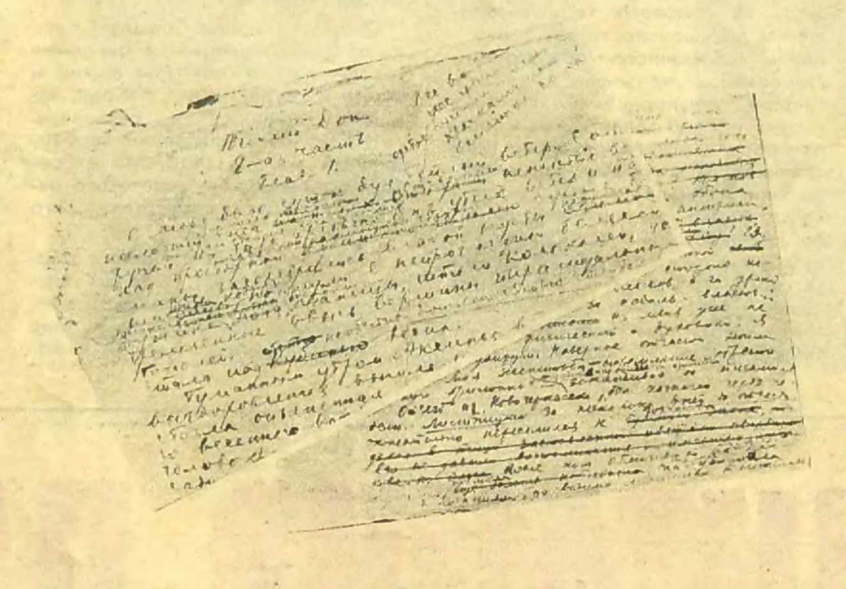
Бережно, неторопливо смотрю, вчитываюсь в каждую строку. Почерк писателя ясный, четкий, разбирается легко. Виден огромный труд Шолохова, его высокая требовательность к своему слову. Отдельные страницы исписаны с обеих сторон. Видимо, бывали такие моменты, когда в доме не было чистой бумаги, а писать требовалось с ходу, без промедления.

Вот еще один лист—это не оригинал, а фотокопия двух страниц автографа из третьего тома «Тихого Дона». Где же подлинник?

— В Стокгольме,— пояснила Ксения Дмитриевна.— Михаил Александрович отослал его в дар Королевской библиотеке. Ученый секретарь Стаффани Дали ответил писателю благодарственным письмом и сообщил, что страницы помещены в зале лауреатов Нобелевской премии.

Профессор Муратова посматривает на часы... Мое знакомство с рукописями затянулось.

— Вы еще сможете вернуться к «Оранжевой папке», только несколько позднее,— говорит она.— Сейчас мы передаем рукописи в реставрацию. Нам важно сберечь бесценные автографы Михаила Александровича Шолохова на века!



Несколько страничек рукописей «Тихого Дона».

◀ Праздник урожая. ● На заготовительном пункте.

23 ЯНВАРЯ — 50 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ДОСААФ СССР

А. ПОКРЫШКИН,
маршал авиации,
трижды Герой Советского Союза,
председатель ЦК ДОСААФ СССР

Партия неустанно заботится о том, чтобы заветы В. И. Ленина о всенародном характере дела защиты социалистического Отечества, об укреплении нерушимого единства армии и народа воплощались в конкретных делах, широком привлечении советских людей к участию в военном строительстве. Важное место в решении этой задачи КПСС отводит общественным организациям и прежде всего Всесоюзному добровольному обществу содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ СССР. В этом благородном деле ДОСААФ продолжает замечательные традиции, которые зародились в первые годы Советской власти.

Одной из первых добровольных оборонно-патриотических организаций трудящихся было Военно-научное общество, созданное в ноябре 1920 года и в 1926 году переименованное в Общество содействия обороне (ОСО).

Несколько позже появились Общество друзей Воздушного флота и Общество друзей химической обороны и химической промышленности, объединившиеся в 1925 году в Авиахим СССР.

23 января 1927 года оба Общества слились в одно, которое сокращенно стало называться «Осоавиахим».

Так возникла единая массовая военно-патриотическая организация трудящихся, с 1951 года широко известная как Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ СССР. Оборонное общество вписало яркие страницы в развитие советской авиации, парашютизма, массовой работы по подготовке населения к защите страны. С Осоавиахимом была связана жизнь легендарного летчика В. П. Чкалова, конструктора космических кораблей С. П. Королева. Авиаконструкторы А. С. Яковлев и О. К. Антонов — тоже осоавиахимовцы.

Представители моего поколения и сейчас помнят, как по призыву IX съезда ВЛКСМ «Комсомолец — на самолет!» тысячи юношей и девушек поступали в аэроклубы оборонного общества и становились летчиками, парашютистами, планеристами. Из них вышло немало талантливых конструкторов, инженеров, известных летчиков. И в грозные годы войны они, не жалея жизни, умело и мужественно защищали Отечество. Каждый третий летчик, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза,— воспитанник оборонного общества. Родина гордится трижды Героем Советского Союза И. Н. Кожедубом, дважды Героями Советского Союза Б. Ф. Сафоновым, Т. Я. Бегельдиновым, А. И. Молодчим, В. А. Алексеенко, Д. Б. Глинкой, А. Н. Ефимовым, Героями Советского Союза М. П. Чечневой, А. П. Маресьевым, Л. М. Павличенко и многими другими питомцами Осоавиахима.

На фронте встретить воспитанников оборонного Общества можно было не только в каждом авиационном полку, но и в каждой эскадрилье. Приведу пример из личного опыта: большинство летчиков соединения, которым я командовал во время Великой Отечественной войны, воспитывались в аэроклубах. И это закономерно: к концу 30-х годов в аэроклубах Осоавиахима было подготовлено более ста тысяч пилотов.

Уже в первые дни войны по мобилизации или добровольно ушли на фронт семь миллионов двести тысяч осоавиахимовцев. Это были уже обученные бойцы, которые, как правило, владели той или иной военной специальностью.

За успешную работу, за патриотическую деятельность оборонное Общество было награждено орденом Красного Знамени.

Много славных дел у ДОСААФ и в послевоенные годы. Первый из землян, шагнувший в космос, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова и некоторые другие космонавты начинали свой путь на орбиты с грунтовых летных полей наших аэроклубов.

Вся деятельность оборонного Общества постоянно находится в поле зрения Коммунистической партии, направляется ею. На IV Всесоюзном съезде ДОСААФ выступал товарищ Леонид Ильич Брежнев. Он, в частности, сказал: «Призванное всемерно укреплять военное могущество нашего государства, его оборону от возможного вражеского нападения, оборонное Общество не только готовит боевые резервы для Советских Вооруженных Сил, но и всей своей деятельностью способствует дальнейшему сплочению трудящихся вокруг Коммунистической партии, воспитывает их в духе советского патриотизма, беззаветной преданности великому делу строительства коммунизма в нашей стране.

Общество играет большую роль в деле укрепления и развития связей между воинами армии и флота и трудящимися фабрик, заводов, колхозов и совхозов». Л. И. Брежнев указал на необходимость сделать ДОСААФ массовой организацией советского народа, улучшить содержание его работы.

В годы девятой пятилетки оборонное Общество выросло численно, окрепло организационно, обогатилось новым опытом. Оно сделалось заметной силой в общественно-политической жизни страны. В ДОСААФ сейчас состоит около восьмидесяти миллионов человек, то есть больше половины всех трудящихся и учащихся страны.

Наибольших успехов добились организации ДОСААФ Белорусской и Украинской ССР, Татарской АССР, Волгоградской, Куйбышевской, Ростовской и Тульской областей. Они во Всесоюзном социалистическом соревновании за 1975 год заняли первые места и награждены переходящими Красными Знаменами ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и ЦК ДОСААФ СССР.

Основой нашего оборонного Общества являются первичные организации. Они имеются почти на каждом предприятии, в совхозах, в колхозах, в учреждениях и учебных заведениях. Многие первичные организации работают активно и плодотворно.

Так, на заводе имени Ленинского комсомола в Комсомольске-на-Амуре большой популярностью пользуются лекции и доклады о наших Вооруженных Силах, сотни рабочих занимаются военно-техническими видами спорта, в кружках и на курсах изучают основы военного дела. Усилия организаций ДОСААФ направлены на формирование у трудящихся, молодежи высоких политических, психологических и морально-боевых качеств, необходимых для выполнения задач по защите социалистического Отечества. Этому служит работа пропагандистов Общества, на это направлена деятельность его печати. Общим тиражом свыше 4-х миллионов экземпляров выходят газета «Советский патриот», журналы «Военные знания», «Радио», «За рулем» и «Крылья Родины». Популярны также литература и изобразительная продукция, выпускаемые Издательством ДОСААФ.

Оборонное Общество является надежным помощником и резервом Вооруженных Сил СССР.

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» ДОСААФ активно участвует в осуществлении начальной военной подготовки молодежи.

Сейчас каждый третий призывник получает военно-техническую специальность в ДОСААФ. В наших многочисленных технических, автомобильных, радиотехнических и морских школах, авиационно-спортивных клубах и аэроклубах будущих воинов обучают по стабильным программам опытные руководители. Здесь же ведется и большая политико-воспитательная работа. Придя в воинские части, на боевые корабли, наши питомцы быстро входят в строй, становятся отличниками боевой и политической подготовки.

Хочу назвать и еще одно важное направление в деятельности ДОСААФ — за минувшее пятилетие им подготовлено народному

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИО

хозяйству около 8 миллионов специалистов, в том числе два миллиона восемьсот тысяч для работы в совхозах и колхозах.

Много труда и внимания уделяет оборонное Общество развитию военно-технических видов спорта, которые стали важной составной частью общей системы подготовки молодежи к защите Родины. Ныне ими занимаются многие юноши и девушки.

Славные страницы в историю военно-технического спорта вписали чемпионы мира летчики Игорь Егоров и Светлана Савицкая; парашютисты Николай Ушмаев и Наталья Сергеева; мотоциклисты Геннадий Моисеев и Сергей Тарабанько; вертолетчики Александр Капралов и Тамара Егоркина; стрелки Зинаида Симонян и Валерий Постников; авиамоделисты Виктор Чоп и Валерий Крамаренко.

Большую роль в делах Общества играют те, кому доверено стоять во главе организаций, руководить комитетами ДОСААФ. Как правило, это люди авторитетные, прошедшие школу армейской закалки. Многие из них бывшие фронтовики, отмеченные высокими правительственными наградами. Назову некоторых из них.

В Грузии, например, широко известен Владимир Николаевич Джанджгава, генерал-лейтенант в отставке, в прошлом командующий армией, министр. Герой Советского Союза Джанджгава уже многие годы — председатель ЦК ДОСААФ республики.

В центре Уфы стоит бронзовый бюст прославленного летчика-штурмовика, дважды Героя Советского Союза Мусы Гайсиновича Гареева. А неподалеку новое красивое здание областного комитета ДОСААФ, где многие годы проработал его председателем М. Г. Гареев.

Передовую Тульскую областную организацию ДОСААФ возглавляет Герой Советского Союза полковник Л. П. Тихмянов, человек, имя которого носит одна из безымянных в прошлом высот на Витебщине, а первичную организацию ДОСААФ Тульского оружейного завода — А. Рогожин. Он комсомольцем окончил аэроклуб и вернулся с войны Героем Советского Союза.

В заключение должен сказать, что сила оборонного Общества, главный источник тех положительных результатов, которых оно достигло,— в партийном руководстве. Повседневное внимание к делам ДОСААФ со стороны ЦК КПСС и Советского правительства, забота о соответствующих организациях ДОСААФ ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов партии делают реальными и осуществимыми наши планы, принимаемые нами меры по дальнейшему совершенствованию оборонно-массовой работы.

1

1 На параде—оборонное Общество.

2 По тяжелой трассе.

3 Авиамоделисты.

4 Комсомольцы-осоавиахимовцы Краснохолмской фабрики. Фото 1932 года.

2

3

4

ТИЗМА И МУЖЕСТВА

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Как мы уже сообщали («Огонек» № 28 за 1976 г.), московский автозавод имени Ленинского комсомола совместно с журналом «Огонек» организовал испытательный автопробег на «Москвичах» новой модификации 2140. В путь через Каракумы, высочайшие перевалы Памира отправились две машины. За рулем одной находился водитель-испытатель АЗЛКа Сергей Герасимов, другую вел специальный корреспондент «Огонька» Виталий Засеев. В начале осени минувшего года обе машины благополучно вернулись в Москву, преодолев 25 тысяч километров.

Сегодня мы публикуем заметки из дневника нашего корреспондента.

На высоте 4655 метров.

Каракумы — это песок, солнце и верблюды.

С пробитым картером далеко не уедешь.

НА «МОСКВИЧАХ» — ВЫШЕ

Утро в Красноводске выдалось сравнительно прохладное. Термометр в тени показывал... плюс 29. Надо спешить. Впереди 600-километровая трасса через Каракумы.

Пока прогревается двигатель, слушаю «Маяк». «В заключение сводки новостей — о погоде. Самая высокая температура в нашей стране на западе Туркмении. Здесь воздух прогреется до 43—45 градусов...»

Ничего не скажешь, сообщение ободряющее.

Первый участок трассы — широкая асфальтированная магистраль. Ни единого закрытого поворота, ни одного светофора на протяжении 150 километров. Ну что же — более подходящую автостраду для испытания скоростных качеств машины отыскать трудно. К тому же здесь можно будет проверить надежность системы охлаждения двигателя.

Скорость нарастает молниеносно. Красная стрелка спидометра, перешагнув цифру «100», уверенно ползет вправо: 110, 120... 130. За 15 минут пройдено 28 километров. Еще через четверть часа позади остается километровый столб с указателем «59». То и дело поглядываю на температуру жидкости в радиаторе. Неизменные 90 градусов. Может быть, прибор вышел из строя? Еще больше вдавливаю акселератор. Стрелка передвинулась к отметке «140». Чуть правее сдвинулся и указатель на шкале градусника. Значит, все в порядке. И в этот момент кто-то со свистом обгоняет меня и уходит вперед. Не сразу понимаю, в чем дело. Потом вижу знакомый московский номер. Это Сергей решил выжать из двигателя максимум возможности. Судя по тому, как он стремительно удаляется, скорость не меньше 160 километров. Фарами показываю, чтобы он сбросил газ. На горизонте показался встречный грузовик.

В Небит-Даге — зеленом оазисе среди сыпучих песков — пополняем баки горючим. Впереди — Кизыл-Арват. Более двухсот километров через пески.

Прямо над головой, в безоблачной выси, широко распластав крылья, парит беркут. Машины идут довольно резво, а он, не шелохнув крылом, все время висит над нами. То ли принял малолитражку за животное, то ли за птицу, низко летящую над землей. Еще, чего доброго, решит атаковать. Ведь был такой случай под Душанбе, когда орел набросился на машину. Ударился незадачливый охотник о кабину и угодил в зоопарк. Но этот, кажется, благоразумней. Покружил, покружил и удалился в сторону барханов. И снова мы остались в обществе песка, ветра и одногорбых верблюдов-арванов.

За поворотом еще одно небольшое стадо арванов. Они пасутся у самого края дороги. И в тот миг, когда до животных остается метров сто, не больше, голенастый верблюжонок с завидной резвостью выскакивает на дорогу и останавливается посредине. Успеваю резко нажать на педаль и тут же на клаксон. Визжат тормоза, синие струйки дыма вздымаются из-под колес — горят скаты, а верблюжонок, как завороженный, стоит — и ни с места. 50, 30, 10 метров отделяют его от «Москвича». Машина уже давно не катится, а со змеиным шипением ползет на него. На мгновение отпускаю и снова вдавливаю педаль тормоза. Еще есть в запасе метров пять, метр, полметра... Наконец машина замирает перед самым животным. Любопытный верблюжонок бархатными ноздрями обнюхивает радиатор, долго смотрит на нас немигающим, влажным, как спелая слива, глазом и ни с того ни с сего — опасность-то миновала — пускается наутек. И только после этого я чувствую, как взмокли ладони, обхватившие баранку, как дрожит нога, все еще вдавливающая тормозную педаль.

— Вот вам лучшее доказательство надежности дисковых тормозов,— приближаясь к машине, говорит как ни в чем не бывало Сергей.

В Ашхабаде мы были засветло, преодолев за день свыше 600 километров. И, что самое удивительное, не ощущали никакой усталости. Удобные, не жаркие сиденья (здесь мы по достоинству оценили специальную вельветовую обивку кресел), легкий руль, изысканная отделка салона и, несомненно, способствующая высокой работоспособности климатическая установка. При ее работе воздух в салоне за одну минуту обновляется четырежды.

Устроившись в гостинице и разложив карты, мы принялись изучать маршрут нашего дальнейшего путешествия. Больше всего нас страшила ярко-желтая полоска, соединявшая небольшой поселок Равнина с областным центром Туркмении — Чар. .оу. Именно где-то здесь лежали непроходимые каракумские пески. Нас ждали 42 километра тяжелой проселочной дороги по барханам.

Мы запаслись водой, оптимизмом и двинулись навстречу пескам. В 10 часов передние колеса зеленого «Москвича» простились с асфальтом и погрузились в зыбкую колею. Пришлось сдать назад и приспустить скаты.

С первых же метров стремимся набрать побольше инерции. Узкая, как желоб для бобслея, колея, «вспаханная» тяжелыми грузовиками, магнитом прилипает к колесам. Оторваться от нее можно только за счет скорости. 70—80 километров — это минимум, на который стоит рассчитывать.

Начальные 500 метров пройдены сравнительно легко. Подъем на бархан — первая скорость, спуск — вторая. Техника не сложная, если не брать во внимание, что руль постоянно норовит вырваться из рук, машину все время заносит, как воднолыжника на крутом вираже. Чуть отвлекся, растерялся, и радиатор тут же окажется погребенным под зыбучим телом бархана.

Через три километра, выскочив на макушку затяжного подъема, останавливаюсь и жду Сергея. Он идет, как мы и договорились, с небольшим интервалом, дабы избежать столкновения, и я ничего не знаю о его судьбе. Может быть, он давным-давно засел и ждет помощи. Напряженно вслушиваюсь в тишину пустыни. Барханы великолепно поглощают шум, и лучшую звукоизоляцию, чем песчаные холмы, найти трудно.

Наконец-то из-за поворота вылетает оранжевый «Москвич». Не дожидаясь его приближения, бросаюсь за руль и стремглав мчусь вниз. Где-то колеса нащупали участок такыра, и стрелка спидометра тотчас подскочила до цифры «90». Это помогло мне без особого труда перевалить еще через один затяжной подъем.

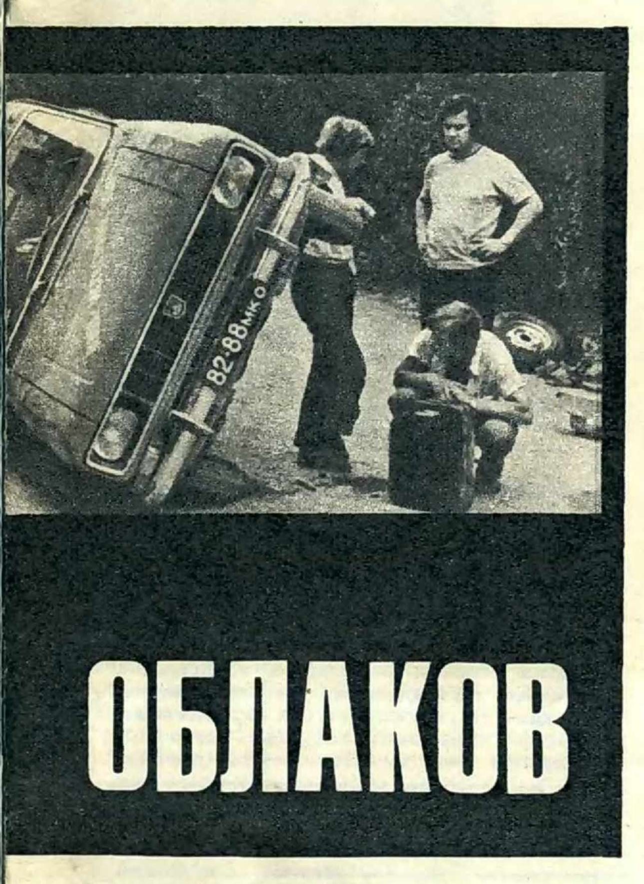
Езда по пескам настолько увлекает, что совершенно не обращаешь внимания на жару. А ведь солнце снова в зените, и на забортном термометре плюс 72° по Цельсию.

...Пройдено еще три километра, еще километр. На верхушке очередного бархана вновь дожидаюсь Сергея. Он выныривает с включенными фарами. Это значит, я должен подождать. Чуть съезжаю вниз. Улыбающийся, счастливый (такая езда может доставить наслаждение только истинному водителю), Сергей вылезает из машины и издали кричит: «Я, кажется, закипел!» С этими словами он поднимает крышку капота. Клубы пара вырываются из бачка с жидкостью для охлаждения двигателя. Я несу канистру с питьевой водой, и мы долго поливаем радиатор. Жемчужные капли с шипением скачут по шероховатой поверхности металла.

И снова езда напоминает аттракцион американские горы: на полном ходу вираж влево и вниз, потом вверх и снова вниз. И чем быстрее, тем лучше, надежней.

Позади уже более 20 километров. Через час мы будем на «том берегу», и тогда все трудности останутся позади. И вдруг за поворотом вижу три доверху груженных машины. Они стоят посреди дороги, полностью перегородив ее. В тени одной из них, по-восточному поджав под себя ноги, сидят водители и пьют чай. Надо тормозить. Двигатель все еще продолжает работать, но я чувствую, как машина плавно погружается в песок.

«Черт бы вас побрал, нашли, где гонять чаи»,— с этой мыслью я выскакиваю из кабины и бегу к ним. И только приблизившись, понимаю, что их чаепитие вынужденное. Все три



ОБЛАКОВ

машины увязли в песке. И, судя по всему, давно.

Ни слова не говоря, мне протягивают наполненную пиалу. Машинально принимаю ее, а сам смотрю на бархан, откуда сейчас выскочит оранжевый «Москвич» Сергея. Вот он показался на гребне, оставляя за собой песчаный вихрь.

— Красиво идет,— восхищенно говорит один из водителей.— Такому автомобилю пески не страшны. Жаль, что мы оказались на его пути...

На лице Сергея — досада, разочарование. Он резко тормозит и прямо на глазах зарывается в песок. Теперь долго придется «загорать», а мы так безрассудно лили на радиатор последнюю воду.

Всего метров 40—50 надо преодолеть, чтобы вырваться из плена. Но откапываться бессмысленно.

С тоской поглядываем туда, где скрывается дорога. Остается только ждать вездехода. Он может появиться через час, через сутки, через неделю...

Но, видимо, мы родились, как говорят на востоке, в ночь предопределения. Через несколько часов видавший виды вездеход вызволил нас из плена. Отдохнувшие двигатели заработали с такой мощью, что уже спустя час мы оказались на асфальте. А к вечеру на пароме перебрались через Амударью.

Когда хотят высоко отозваться об альпинисте, говорят, что на его пути не осталось ни одной непокоренной вершины. То же можно сказать и о «Москвичах» — участниках этого автопробега. Все самые труднопроходимые, самые высокие горные перевалы, имеющиеся в нашей стране, были пройдены ими с завидной легкостью. А началось их покорение с сурового и хмурого Анзоба.

Анзобский перевал, как утверждают таджики, открывается только в «арбузное время». А с появлением первых желтых листьев вновь закрывается. Причина — снежные заносы, лавины. И хотя высота его не столь внушительна, всего 3372 метра над уровнем моря, водители без особого удовольствия включают Анзоб в свои путевые листы. Узкая, ничем не огороженная дорога, свирепый нрав ветра, неожиданно, по-пиратски налетающего на путника, вечная поземка, слякоть делают и без того скользкую трассу и опасной и ненадежной. И все же Анзоб — это не Памир. Нашей же конечной целью было преодоление одной из самых высокогорных трасс мира: Душанбе — Хорог — Ош.

От Душанбе до Хорога 540 километров. Те, кто ездил по этой дороге, вспоминают о ней как о труднейшей, опаснейшей.

Без сомнения, есть на этом участке памирского тракта «узкие» места, есть пропасти и обрушивающиеся, как снег на голову, горные водопады, селевые потоки, камнепады. И все же дорога здесь имеет четкий контур, в наиболее опасных местах — надежные ограждения, в ютящихся под самой скалой и напоминающих пешую тропинку переездах — предусмотрены каменные «карманы», где встречная машина переждет, пока вы будете осторожно выруливать на прямую. Так что ездить здесь одно удовольствие. А если и переворачиваются машины, то виной всему ротозейство водителя, его наплевательское отношение к техническому состоянию машины или обычное лихачество.

Итак, рано утром, в который раз проверив тормоза, отправляемся в путь.

Тот, кто мечтает побывать наедине с прошлым Земли, должен ехать на Памир. Ибо где еще можно увидеть столько гигантских каньонов, в каждом из которых легко разместится миллион человек, и тесно никому не будет? Где можно проехать вдоль стольких вершин, составив которые, легко образовать постамент для... Луны? И походить по дну Мирового океана, собирая пригоршнями на каждом шагу гладкие камешки, дожидавшиеся прикосновения руки человека с начала третичного периода, можно только здесь.

15 219 километров показывал счетчик на зеленом «Москвиче», когда приключилось первое ЧП — лопнула трубка сцепления. И надо же было случиться этому за 300 метров до вершины одного из сложнейших памирских перевалов — Хабурабатского. На крутом повороте, когда пришлось переходить со второй скорости на первую, педаль сцепления неожиданно провалилась. Машина еще по инерции продолжала идти в гору, а потом заглохла.

— Шесть секунд — и все будет в порядке,— узнав о случившемся, повторяет свою любимую прибаутку Сергей.— Только все же лучше подняться на вершину, а то...

Крутой подъем и мокрый асфальт грозят мгновенно скатить оба наших «Москвича» с высоты 3250 метров. На секунду я представил, как, соскользнув с узкой дороги в обрыв, обе машины летят в пропасть, ударяясь о выступы скал и разваливаясь на лету. Нет, на вершине перевала все же лучше смотреть не вниз, а вверх...

При выключенном двигателе рычаг передачи легко занимает положение первой скорости. Остается запустить мотор и убрать ручной тормоз.

— Вперед! — командует Сергей.

Зажигание включено, и «Москвич», словно крохотный трактор, уверенно преодолевает подъем. Что ни говори, а двигатель у московской малолитражки отменный. В этом мы убеждались не однажды.

Только на Памирском тракте можно увидеть столбик, на котором красуется целая гроздь предупреждающих дорожных знаков. Три треугольничка в ряд — крутой спуск, опасный поворот, падение камней — встречаются так же часто, как перекрестки в большом городе. Вот и сейчас, едва мы миновали такой указатель, а за поворотом уже другой. Рядом можно было бы повесить еще одно предупреждение: «Внимание, туман!» — да, наверно, места на столбике не хватило.

...Лобовое стекло неожиданно запотело. Очертания гор растворились в белой мгле. Ближе к повороту туман начал рассеиваться. Но что это?! Пересекая узкое ложе дороги, вприпрыжку, прямо под колеса мчатся гладкие, как головки снарядов, камни. Останавливаться нельзя. Только что сзади пронесся и со стоном ушел в пропасть увесистый кругляш. Другой в это же время чуть не угодил в радиатор. Надо, лавируя, уходить. Удар в дверцу, в заднее колесо, по бамперу. Настоящий обстрел.

Но вот уже выглянуло солнце. Асфальт сухой, чистый. Ни единой пылинки, ни единого камешка на нем. Выхожу посмотреть на прямые попадания. На дверце только небольшая вмятина (не зря металл, из которого делают кузов «Москвича», считается надежным и прочным), вмятина и на колпаке. А бампер как новенький. Должно быть, камень срикошетило.

Через минуту из-за поворота выскакивает «Москвич» Сергея. Один из «снарядов» угодил в лобовое стекло, и миллион паутинок разбежался по нему в разные стороны. Но это не страшно, у нас есть запасное. Все остальное, кажется, цело. Однако что это? За минуту стоянки под радиатором оранжевого «Москвича» образовалась черная лужица. Неужели картер? Так и есть, один из камней пробил резервуар с маслом. Теперь его хватит только на то, чтобы спуститься вниз. А дальше? Можно ехать без переднего стекла, без трубки сцепления, без запасного ската. Но с пробитым картером далеко не уедешь.

В условиях современной станции технического обслуживания такая поломка — отнюдь не бедствие. А когда вокруг только горы, а до ближайшей мастерской несколько сот километров — это ЧП.

Но свет не без добрых людей. Нам снова повезло. В Калаи-Хумбе, небольшом памирском поселке, нашелся мастеровой человек Махмадкасым Давлятов, который раздобыл эпоксидную смолу. Все остальное было делом техники. Положенная в три слоя смола намертво «запаяла» трещину в картере. И уже через несколько часов оба «Москвича» въехали в столицу Горно-Бадахшанской автономной области город Хорог.

В последний раз я был здесь три года назад. Сколько разительных перемен, сколько новостроек появилось: почтамт, универмаг, жилые дома. Да и легковых машин прибавилось на дорогах Хорога.

— Три года назад у нас не было ни одного собственного «Жигуленка»,— рассказывает начальник ГАИ майор Д. Афзунов.— Теперь их около ста пятидесяти. Столько же зарегистрировано «Москвичей», «Запорожцев», «Волг». Приезжайте к нам годика через два, думаю, каждый третий памирец будет ездить на собственном автомобиле...

Недавно социалистический Горный Бадахшан отпраздновал свое 50-летие. До революции это был край сплошной неграмотности. Ныне по числу лиц с высшим образованием на каждые 10 тысяч жителей он занимает одно из первых мест в нашей стране.

...728 «отчаянных» километров, как говорят памирские шоферы, отделяют Хорог от Оша. Плюс «частокол» перевалов, большинство из которых пробито на высоте четырех с лишним тысяч метров над уровнем моря. Как поведет себя «Москвич», не «задохнется» ли мотор на этой поистине «аэрофлотской» высоте?

Полтора часа едем по отличной асфальтированной магистрали. Вот и знакомый поселок Джиланды. Здесь для памирских асов построена удобная гостиница, столовая, автозаправка. А дальше начинается Памир Памира, как называют горную страну, лежащую к востоку от Джиланды, ее обитатели.

Первый перевал-гигант Койтезек «катапультирует» нас на высоту 4271 метр. Ровно на столько мы выше Ленинграда и Балтийского моря, от уровня которого идет отсчет всех горных вершин. Следом — Курук (4190 метров) и тут же Хар-Гуш (4106 метров). Еще дальше Найзаташ (4137 метров). Местами дорога разбита, перегорожена каменными обвалами, осыпями. Но обе машины идут розно, двигатели работают ритмично. Значит, и патриарх памирских перевалов — Акбайтал будет не страшен московским малолитражкам.

Солнечным утром проходим Мургаб — сердце Памира. В небольшой столовой впервые за долгие недели пути едим отменный украинский борщ, сибирские беляши. О восточной кухне напоминает только зеленый чай. Идем «за кулисы» столовой поблагодарить повара. Высокий, стройный Хамид Назаров смущен. По национальности он узбек. Борщ и беляши не его амплуа. Когда-то служил в армии, научился

готовить украинские и сибирские блюда. Отсюда и широкий их ассортимент в меню. Как истинный профессионал Хамид сокрушается, что мы не попробовали его фирменных блюд.

За Мургабом нас ждали новые серьезные испытания. Пересекающая высокогорную пустыню дорога в этих местах напоминает стиральную доску. Десятки километров машина подпрыгивает и сотрясается, словно ее поставили на дно гигантской камнедробилки. Скрежет, лязг, град ударов камней в днище продолжаются около двух часов. И после всего этого, когда кажется, что машина вот-вот рассыплется на части, на ее пути вырастает Акбайтал. Этот перевал по высоте — второй в мире: 4655 метров. Здесь надо быть особенно осторожным. Из-за недостатка кислорода в атмосфере каждое движение может привести к обмороку. Мне доводилось бывать здесь, и я показываю Сергею, как следует ходить, как поднимать и опускать руки. Все это напоминает замедленную съемку, и Сергей по-мальчишески заразительно смеется, приседая и похлопывая себя по колену. А потом в один миг лицо его делается серым, глаза тускнеют. Я бросаюсь к машине за минеральной водой, поспешно открываю багажник... Но, видимо, движения мои слишком резки. Земля уходит из-под ног. Покорно опускаюсь на корточки, прислоняюсь к теплому подрагивающему радиатору машины. Постепенно жизнь возвращается ко мне: сначала оживают звуки, потом ощущается жесткое прикосновение ветра и, наконец, голубизна медленно проявляющегося горизонта.

— Акклиматизация,— слышу над самым ухом знакомый голос Сергея.— А ведь кто-то советовал не делать резких движений...

Еще минуту назад над Акбайталом голубело небо, потом темная тучка закрыла вершину, и по капоту забарабанили мутные литые стекляшки града. Затем вновь выглянуло солнце, и тотчас весь горизонт наискось перечертили серые липкие снежинки... Явления, обычные для Акбайтала.

Надо спешить вниз. И хотя впереди ждет нас долина Маркансу, прозванная местными жителями «Долиной смерти» (здесь ничего не растет, а земля напоминает пепел), не менее грозный, чем Акбайтал, перевал Кызыларт (4282 метра), но за всем этим нас снова встретит жизнь, вечнозеленая листва, цветы. И дышать будет легко, как на земле.

И вот мы уже въезжаем в Ош, с облегчением оглядываемся на Памир, укрытый от наших глаз величественными снежными шапками семитысячников.

• • •

Когда репортаж был подготовлен к печати, наш корреспондент встретился с главным инженером АЗЛКа Виктором Тимофеевичем Поздеевым и попросил его прокомментировать эти испытания.

— Испытания «Москвичей» новой модификации, проведенные «под флагом» АЗЛКа и журнала «Огонек», по существу, явились уникальными. И не только в техническом отношении. Нам удалось еще раз, что называется, в жизни проверить двигатель и кузов машины, новую переднюю подвеску и амортизаторы, дисковые тормоза и рулевую колонку и многое, многое другое. К тому же мы узнали некоторые слабые места «Москвича», в частности, оказалась несовершенной трубка привода сцепления. Сразу оговорюсь: учитывая опыт этих испытаний, уже в первом квартале 1977 года на заводе решено усовершенствовать эту деталь, заменив часть металлической трубки на резиновую и тем самым полностью исключив возможность неисправности. Ряд усовершенствований будет введен и в другие узлы машины.

Но главное, что хочется особо отметить здесь: впервые в истории АЗЛКа были проведены столь масштабные испытания комфортабельности «Москвича» — вопроса вопросов в современном отечественном автомобилестроении.

Более двух месяцев провели оба водителя (испытатель и журналист) за рулем автомобиля. Бывали дни, когда им приходилось преодолевать до тысячи километров в сутки, по неделе жить в машине. А ведь известно, что длительное путешествие человека в автомобиле да еще в трудных условиях бездорожья и высокогорья может отрицательно сказаться и на его физическом состоянии и на моральном. К чести новой отечественной малолитражки надо сказать, что ни усталости, ни подавленного состояния оба испытателя не ощущали за все время поездки. И все это благодаря тому, что заводские конструкторы и дизайнеры нашли новую облегченную форму рулевого устройства, удобную форму кресел, рациональное «всевидящее» расположение приборов на щитке, ненавязчивый интерьер салона, хорошо продуманную систему вентиляции и звукоизоляции и многое другое. Все это дает право считать, что коллектив завода правильно решает проблему комфортабельности «Москвича». Несомненно и то, что поиски, совершенствование этих решений будут продолжены заводскими специалистами. Это даст возможность коллективу АЗЛКа делом ответить на призыв партии, прозвучавший с высокой трибуны XXV съезда КПСС, превратить десятую пятилетку в пятилетку эффективности и качества. Это поможет заводу продолжить борьбу за присвоение государственного Знака качества новой модификации «Москвича».

ПОЗДН

Исполнилось 100 лет со дня рождения известного русского советского писателя Ивана Алексеевича Новикова. Он был современником А. П. Чехова, В. Г. Короленко, В. В. Вересаева, И. А. Бунина, встречался с Л. Н. Толстым, А. А. Блоком. Первые книги И. А. Новикова появились еще до революции, а в золотой фонд советской литературы вошли его романы о Пушкине, работе над которыми отдал писатель многие годы жизни.

И. А. Новиков был другом и частым автором нашего журнала. Сегодня мы публикуем впервые одну из последних новелл И. Новикова, предоставленную «Огоньку» М. Н. Новиковой-Принц.

Место действия — Нальчик, где Иван Алексеевич находился в начале войны в эвакуации вместе с артистами МХАТа и другими деятелями искусства.

Иван НОВИКОВ

Я сижу на лавочке под старой, развесистой грушей. Она усеяна золотыми плодами, по форме похожими на огромные капли, вот-вот готовые упасть. Целое лето под солнцем копили они чудесную влагу, и вот уже клонит к земле... Тишина, и время от времени слышно — там, сям — упала: срок пришел.

Чудесные грушевые сады, выросшие дико, заполняют собою всю эту долину, с трех сторон окаймленную горами; отсюда и название города — Нальчик, что по-кабардински значит «подкова». Дни стоят ясные и золотые. Первая паутина легла на низких кустах. У нас на севере это поздняя осень; поздняя осень и здесь, но какая другая! Точно бы время замедлило ход в этом тихом затоне, и август еще не умирал, он вместе с людьми эвакуировался в мирные эти края.

И люди, попавшие в эту долину, в дом отдыха «Золото — платина», тоже под стать этому грушевому созревшему царству. И они в свое долгое лето, во всю свою солнечную жизнь также копили чудесную влагу искусства и, зачем не признаться, также порою теперь близки к тому, чтобы капнуть, упасть на вечно гостеприимную землю.

Звали еще прибывших сюда в соответствии с названием дома, где они поселились, да и в соответствии с истиной, по отношению к некоторым, «золотым фондом искусства», однако ж снаружи все были, несомненно, скорее серебряными, чем золотыми. Снежок откровенно и уже давно посыпал все эти маститые головы, а кому из них было всего лишь немного за шестьдесят, те еще ходили воробушками. Да и то сказать, искусство — волшебная вещь: этот живой огонек никогда не стареет!

И, однако ж, об этих трех месяцах в Нальчике можно было бы написать и сатиру, очень веселую, а не то, пожалуй, и злую, и для нее материала нашлось бы с избытком: уж такова диалектика жизни! Но сейчас, издали, все это подернуто легкою синеватою дымкой осени, все обнимающей, со всем примиряющей.

Когда, бывало, сидишь в этом затихшем саду и глядишь через кружево ветвей и листвы на неизменные первозданные очертания снежной цепи вдали, то становишься сам гармонически слитым со всем этим величием — кусочком бессмертной природы. Эти минуты законны всегда, в них человек обретает новую силу для совершения своих человеческих дел.

Но где же рассказ?

Рассказ очень короток. Он лишь только подслушанный на соседней лавочке коротенький разговор. Это между собой говорили поздняя осень и поздняя осень. Но нечасто доводится услышать такой разговор.

Женщину звали, быть может, Матильдой, а быть может, Татьяной, это неважно. Важнее другое: что хотя она не была уж воробушком и хотя кисти рук ее пребывали в непрестанном движении, как дрожит осенняя листва на робеющей перед близкими холодами осинке, а вот когда-то звали ее, малютку на быстреньких ножках, маленькой Тильдой иль Танечкой, и это

ДУМА О ЗЕМЛЕ

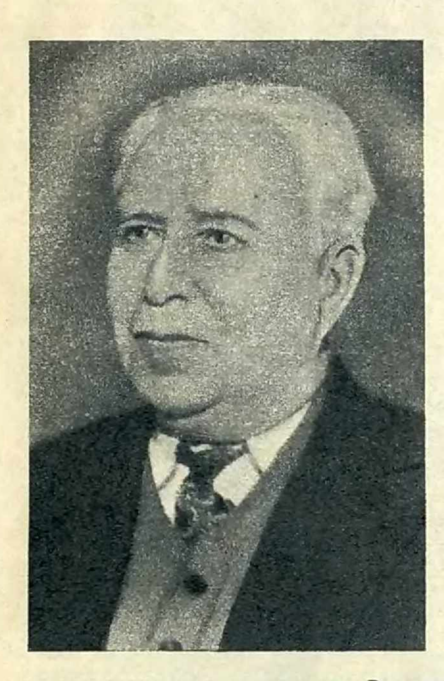
Давно замечено, что действительность не представляется нам полной и законченной, если она не нашла еще своего воплощения в художественном слове. Не поэтому ли, вспоминая, например, о событиях Великой Отечественной войны, мы одновременно думаем о «Теркине», а перелистывая страницы недавней истории, зримо видим «духовными очами» героев Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Вячеслава Шишкова, Алексея Новикова-Прибоя, Ефима Пермитина?

Думается, что галерея литературных образов, не оставляющих равнодушным сердце, теперь пополнится и персонажами романа «Бессмертник» Леонида Корнюшина — прозаика, работающего последние годы много, сосредоточенно и плодотворно. В предисловии к книге, выпущенной издательством «Молодая гвардия», Михаил Алексеев справедливо пишет: «Страницы романа наполнены многоцветными красками родимой русской земли, живыми и прекрасными, которые отзовутся в сердце читателя звуками рвущейся в будущее жизни».

«Бессмертник» посвящен малоисследованной

Леонид Корнюшин. Бессмертник. Роман. М., «Молодая гвардия», 1976, 544 стр.

...Я Я ОСЕНЬ



не умирает, это живо доселе. Все живо, чему есть живой отголосок в душе. Разве не так же светило солнце между ветвей и тогда, когда, молодой уже девушкой, под липой у дяди в имении читала она с биением сердца объяснение Лаврецкого с Лизой Калитиной? И не подобным ли снежным сиянием блистали когда-то и Альпы во времена молодого ее победного турне по Европе, когда газеты, превознося ее колоратуру, называли ее «соловьем из Московии»?

А солнце так мягко омывает ее и так весело золотит спицы в руках. Кому-то она вяжет свой нескончаемый шарф? Не так он уж длинен: петли часто спускаются, рвется беглая нить, и клубок то и дело исчезает из глаз — покататься себе на свободе. Да и не такая это простая вещь — справляться с непокорными петлями и возвращать убежавший клубок к повиновению. Когда вы достигнете возраста нашей певицы, сделайте одолжение: проверьте мои слова.

Но Татьяна моя сегодня была в чудесном расположении духа. По дорожке меж тем возникла мужская фигура. Да, это тоже была поздняя осень. Но очень прошу мне поверить: он был еще строен, почти как молодой человек. Палочка, впрочем, в руках была, очевидно, не лишней.

И у него была своя судьба. И на родине и в Европе. Он был художник. Академия. Рим и Париж. Командировки. Заказы от императора. Но, сдавая заказы, он сам не пошел во дворец, а послал с картинами денщика знакомого офицера. Этот бравый, усатый солдат ухитрился остаться при осмотре картин государем, и как потом он благодарил живописца за то, что тот дал ему случай так близко улицезреть его величество!

Когда листья с дуба спадают, мы явственно и обнаженно видим перед собою основные его очертания: они благородны, в них своя строгая красота. Так и работа любимая, горение чувства, поиски мысли — конечно, все это уже затихает, не громыхая, как некогда летние грозы, блиставшие от горизонта до горизонта. Но в ровном осеннем сиянии видны узловые скрещения и линии жизни. И когда определяющей линией жизни является честность и честь, то это лучшая палочка для опоры стариковского возраста. Тогда и внутри человек, обремененный десятилетиями, строен и прям, как молодой человек.

А Иван Христофорович (кажется, так его звали; фамилию-то помню я хорошо, и вы ее знаете, да не хочу называть), ну, словом, наш художник, как раз ведь и был из этой не слишком распространенной породы.

Он подошел к нашей даме, раскланялся вежливо. Сел. Матильда слегка отодвинулась. Вы улыбнетесь, конечно, ну что ж, улыбайтесь, но для нее это было самым естественным, привычным жестом стыдливости, впрочем, отчасти и с легкою примесью самого настоящего кокетства: греха не утаю. Пальцы ее еще сильней задрожали, петли, конечно, спустились, клубок укатился за клумбу. Она осторожно вздохнула, но легкие ее не очень-то слушались, и вздох этот вышел отчасти воображаемым вздохом, никто его не услышал.

— Вы что же, гуляли? — спросила она.

— На почту ходил. (А почта, заметим, за два километра.)

— Не было писем?

— Писем нет никогда,— отвечал он спокойно со стариковским юмором.— Но вот ни одной интересной женщины даже не встретил.

— И поделом вам. Может быть, вовсе и не надо было так далеко ходить.

Последняя фраза была и длинна и трудновата, но желание пококетничать оказалось сильней, и оно-то придало сил.

Художник слегка к ней повернулся, и я увидел его профиль: чистый лоб без морщин, хороший крупный нос и немного усталый подбородок. Он поглядел на нее и ничего не ответил. Она немного была смущена. Я подумал издали: да уж не ему ли вяжется шарф?

— Я видел,— закончив минуту молчания, сказал Иван Христофорович,— между кленовой листвы, знаете там... боковая дорожка... (она утвердительно закивала головой, как если б действительно знала; давайте простим ей эту маленькую слабость: за границу усадьбы она никогда не выходила).— Между опавшей кленовой листвы цветущие анютины глазки. Это было очень красиво. Это весенний цветок.

Татьяна взглянула на него с обожанием: Лаврецкий в саду и Лиза Калитина; липы и белое платье. «И он, как Лаврецкий, также женат!» Она подавила в себе еще один воображаемый вздох.

Но, однако же, сколько им лет? Как-то я слышал, он вспоминал о крепостной своей няне. И вот отважная женщина сама задала деликатный этот вопрос.

— Я давно у вас собиралась спросить... Сколько вам лет? Вы выглядите так молодо.

— Нет, в мои годы трудно выглядеть молодо.

— Ну, однако же, сколько?

Он ответил спокойно:

— Мне восемьдесят семь лет. (И, очевидно, это было по честному мужскому счету.)

— Ну, это что еще за возраст! — с изумительным легкомыслием встрепенулась она.— Мне и самой семьдесят семь. (Здесь за точность летосчисления мне уже поручиться было бы трудно. Очень возможно, что вместе с клубком скатились куда-то еще два-три годочка, но разве каждому из нас запрещено при случае помолодеть?)

Хотелось бы мне быть любезным по отношению к нашей певице и сказать, что она сама походила на северную нашу фиалку, которую так мило зовут по-домашнему анютиными глазками, но она не походила на нее.... И, однако же, этот разговор двух стариков, по поводу которого можно было бы и грустно улыбнуться, не был смешон, и оба они так для меня и остались неотделимыми от ровного, чуть замирающего дыхания той осени: поздняя осень на юге.

Она еще попросила что-нибудь ей рассказать об Италии. Он отозвался, но скоро она задремала на солнце. Художник не сразу это заметил; заметив, умолк, но остался сидеть. Он молча смотрел теперь прямо перед собою. Глаза его были серые, светлые. Честное слово, это были молодые глаза.

Январь 1942 года.

Тбилиси.

в литературе теме. Леонид Корнюшин пишет о смоленских крестьянах, пытавшихся в пору гражданской войны переустроить деревенскую жизнь, создать сельскохозяйственную коммуну — одну из первых в стране. Перед нами не историческое обозрение, а смелая художественная попытка воссоздать былое во всей его полноте, в диалектике развития, в поисках, в показе противоречий, примирить которые нелегко, а порой просто невозможно.

Символично название романа — «Бессмертник». На одной из первых страниц писатель рассказывает сельскую притчу о «бессмертной траве», которая вечна: «как росла, так и растет, тысячу лет расти будет», ее не выдерешь и огнем не сожжешь, ее корни живучи, как народная жизнь, она нетленна. Роман многонаселен. Героев не спутаешь, ибо каждый молодец на свой образец. Особенно любит автор воспроизводить лица — они возникают перед глазами во всех подробностях. «Лучина озарила широкое, плохо бритое лицо Бучкаря с крупно выступающими скулами и просторным, с нависшими дугами бровей лбом, четко высветился поперечный шрам на левом виске, где крупчатой солью сквозила седина. Он снял кожанку, буденовку; слипшиеся клочки седых волос обнажили неровности просторной головы; широкие плечи и грудь производили впечатление большой силы. Сел, спокойно положил громадные кисти рук на стол...» Этот портрет не написан — он нарисован. Мы видим во всех подробностях и Максима Золотухина, и Феклу Косухину, и Кондрата Стрекалина, и Марфу Нифедкину,— они живые люди, которых мы долго будем вспоминать. Красочен и эстетически уплотнен пейзаж, играющий существенную роль в повествовании. Вид окружающей местности эпичен, ибо пронизан токами истории.

Особенно выразителен в романе образ Московского Кремля первых революционных лет, имеющий символический смысл: «Белоголовым стражем в сером рассвете вздымался Иван Великий... Звонко и радостно пробили часы на Спасской... Это был новый и громадный, не вмещающийся в его сознание мир, где жизнь шла по особенному ритму... Величественные колокольни кремлевских соборов, белокаменные дворцы были так прекрасны, что Егор не в состоянии был спокойно смотреть на них. Самое же дорогое для него — деревня, родительский двор и в особенности мать — как бы лежало в каком-то тайнике, до которого он боялся прикасаться. Это было слишком дорогое ему».

Прозаик любит диалог, как наиболее естественную форму речи. Великолепное знание диалектных богатств помогает ему воссоздать образы героев, живших в сравнительно недавнюю, но уже бесконечно удаленную от нас эпоху. Идея непрерывности времени занимает в романе важное место. От того, что происходило в двадцатые годы, так легко перекинуть связующую цепь событий к нашим дням. В самом деле, ведь сегодня живут и действуют дети, внуки и правнуки тех, кто бок о бок с Максимом Золотухиным являл пример истинного служения народным интересам.

Не много в нашей богатой литературе произведений, в которых с такой пронзительной силой была показана взаимосвязь героев с землей, их породившей. В этом смысле персонажи Леонида Корнюшина родственны образам, созданным Леонидом Леоновым в «Барсуках», Николаем Виртой в «Одиночестве», в недавнем произведении Валентина Распутина — «Прощание с Матёрой». С названными художниками романиста роднит и доподлинное знание народной жизни, и владение словом, и умение за малым увидеть большое, то, что определяет действительность на долгие годы. Его героям свойственна спокойная уверенность, которой обладают люди, делающие главное дело в своей жизни.

Евгений ОСЕТРОВ

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

Георгий ГУЛИА

Каких бы чудес ни добилось человечество, наверное, искусство так и останется первозданным чудом. Мертвый холст, мертвый набор красок в тюбиках и несколько кистей, чудодейственным образом объединившись, порождают жизнь во всем ее блеске и неповторимости. Но мы с вами знаем уже с самого детства, кто этот кудесник, оживляющий серый холст. Конечно же, художник.

Среди многочисленных живописных произведений Дмитрия Налбандяна есть одно, глядя на которое я не перестаю удивляться глазу и кисти художника. Если бы он воспроизвел виденное в точности, наверное, об этом и не стоило бы говорить. «Точность», как мы это понимаем в обыденной жизни, никогда и никого удивить не может. Искусство совсем иначе интерпретирует «точность». И это блестяще показал Дмитрий Налбандян, изображая кусок моря, кусок неба и небольшие кораблики на Каспии близ Баку...

Каждый из нас знает, что вода отражает небо. Что нет воды без неба и нет неба без воды. Но так чудесно их слить в одну потрясающе близкую и дорогую нам стихию, как это сделал Налбандян,— просто удивительно! Может быть, именно в этом этюде лучше всего отразились лучшие грани мастерства художника: точность глаза, уверенный мазок и мгновенное увековечение чудесного! И все находится в движении в этот предзакатный час: небо, на котором плывут тучки, и вода, колеблемая ветерком, и кораблики — эти милые детища моря.

Чего здесь больше: врожденного таланта, благоприобретенного мастерства, внезапного всплеска художнического прозрения? Наверное, и того, и другого, и третьего.

Дмитрий Налбандян поражает меня в этюдах. Он здесь — я это утверждаю — в родной стихии. Здесь проявляется мастерство в его самом «взрывчатом» состоянии. Примером тому масса пейзажей, цветов, натюрмортов, набросков.

Но, видимо, даже одних этих исключительных качеств мало, когда дело доходит до сложных композиций, до огромных обобщений исторического процесса. Широко известные полотна Дмитрия Налбандяна, рассказывающие о революционных событиях в нашей стране, его Лениниана, придавшие таланту художника огромную общественно-политическую значимость, неизменно сопровождаются талантливыми находками. Многие из этих работ стали буквально хрестоматийными. Они крепко врезались в нашу память и связывают нас со славными страницами прошлого.

Самая последняя из монументальных работ Дмитрия Налбандяна — «Вернатун. (Групповой портрет выдающихся армянских просветителей)», репродукция с которой печатается на вкладке.

Мне пришлось наблюдать за тем, как работал художник. И тут с новой силой проявилась одна из главных черт Дмитрия Налбандяна: его трудолюбие, доскональность, придирчивая дотошность ко всем материалам, которые собирал для картины, и особенная требовательность в выборе натуры.

Рядом с огромным мольбертом были в мастерской и другие — поменьше, на которых стояли подрамники с холстами, начатыми и неоконченными. Таким образом, шла параллельная работа, сразу писалось несколько картин. Но это ничего общего не имело с «потоком». Мне кажется, обращение от одной работы к другой было своего рода отдыхом, передышкой, применением кисти в «другой» области, чтобы она не «привыкала» к одному материалу, чтобы письмо все время трепетало, не успокаивалось. Поэтому, вероятно, художник от большого полотна переходил к портрету, от портрета к натюрморту, от натюрморта к пейзажу, к цветам. Если учесть, что художник трудился весь день, а день часто начинался и в семь утра, то можно вообразить себе, какая же потребовалась энергия, чтобы сделать столько, сколько сделал Дмитрий Налбандян...

Об этом и о многом другом думал я, осматривая залы Академии художеств СССР, где была организована юбилейная выставка Дмитрия Налбандяна в связи с его семидесятилетием.

Конечно, трудолюбие в искусстве, как и во всяком деле, много значит. Но при одном условии, притом непременном: если есть талант. На выставке больше всего думалось о таланте Дмитрия Налбандяна, о его умении увидеть то и так, как не умеют это сделать другие, то есть по-своему.

Талант Дмитрия Налбандяна, его окраска разнообразны: он то суров, то гневен, то нежен, то бережен, то зол, то добр. Все зависит от того, к чему и к кому обращен взгляд художника.

Особое место в творчестве художника занимают портреты. Именно в этой области с большой яркостью проявляются его творческие возможности. И это, наверное, закономерно: сколько людей, столько характеров. И в соответствии с этим меняются и чисто живописные приемы и световые решения. Разумеется, в пределах художнического видения Дмитрия Налбандяна.

Глядя на любой портрет, я не только узнавал, кто изображен на нем, но живо чувствовал его духовный мир. Мы знаем, что чисто внешнее сходство — еще не все. Большой художник ставит перед собой более сложную задачу — проникновение в духовный мир. Без этого портрет предстанет перед зрителем крайне обедненным.

Дмитрий Налбандян не выбирает каких-либо особых ракурсов. Он не ищет необыкновенных поворотов. На вас глядит человек, и вы за короткое время многое узнаете о нем. Без каких-либо объяснений: художник все это уже сказал своей кистью. Однако сходство с оригиналом не добывается скрупулезным, дотошным выписыванием отдельных деталей. Нет! Мазок остается свободным, ясным, броским, лепка объемов в значительной степени достигается игрой светотени, которая строго подчинена общей цели — выявлению внутреннего мира, духовного склада, душевной доброты, целеустремленности.

Не скрою одного: очень мне нравятся как бы незавершенные этюды Дмитрия Налбандяна, которым иногда будто бы недостает нескольких мазков для того, чтобы картина обрела полную завершенность. В Подмосковье или на Кавказе, в Индии или Италии, в Москве или Испании — повсюду, где бывает художник, делаются этюды. Их много. На них Дмитрий Налбандян особенно щедр. В них есть особая прелесть, как в приятной недомолвке. Если в этюдах из Индии и Италии ярким пламенем горит солнце, то пейзажи Оки предстоят мягкими, умиротворяющими, чарующими своими бескрайними просторами.

Дмитрию Налбандяну семьдесят...

Он уже у мольберта с утра...

Он пишет весь день — по обыкновению несколько картин, то у одного, то у другого мольберта. И на холстах рождается жизнь!

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: ГЕРОЙ ТЕЛЕФИЛЬМА

Сережа — Леня Рисов.

Двенадцать лет, прожитых человеком,— много это или мало? Родители двенадцатилетних ребят, не задумываясь, ответят: «Мало»,— и никто, наверное, не станет им возражать. Но все согласятся и с тем, что в этом возрасте можно уже сознательно любить свою Родину.

О любви двенадцатилетнего мальчишки Сергея Щербачова к Родине, о становлении характера — повесть Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика».

Теперь она ожила на телеэкране сызнова.

Режиссер телефильма А. Игишев, следуя замыслу Гайдара, создает детскую постановку. Но ведет с юным зрителем серьезный разговор о долге, чести и совести. Разговор на равных. Авторы фильма не «опускаются» до уровня ребенка, а, напротив, поднимают его до своего, взрослого уровня.

Далеки уже от нас радостные и трудные предвоенные годы, но документальные кадры, как и бодрые, звонкие песни того давнего времени, включенные в фильм, очень точно передают дух времени, его героику. И когда на экране появляется милое, доброе лицо мальчишки (это главный герой — Сережа, и его непринужденно, легко, искренно играет Леня Рисов), невольно начинаешь волноваться за него.

Мы видим, как меняется его лицо. Он взрослеет у нас на глазах. Перед ним — в его воображении — в самую опасную минуту всегда стоит образ барабанщика революционных французских войск: это его ровесник, его помощник — брат по духу. Тут в фильме все по Гайдару: «Это я, то есть это он — смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою Родину, опозоренный, одинокий, всеми покинутый, с опасностью для жизни подавал тревожные сигналы...».

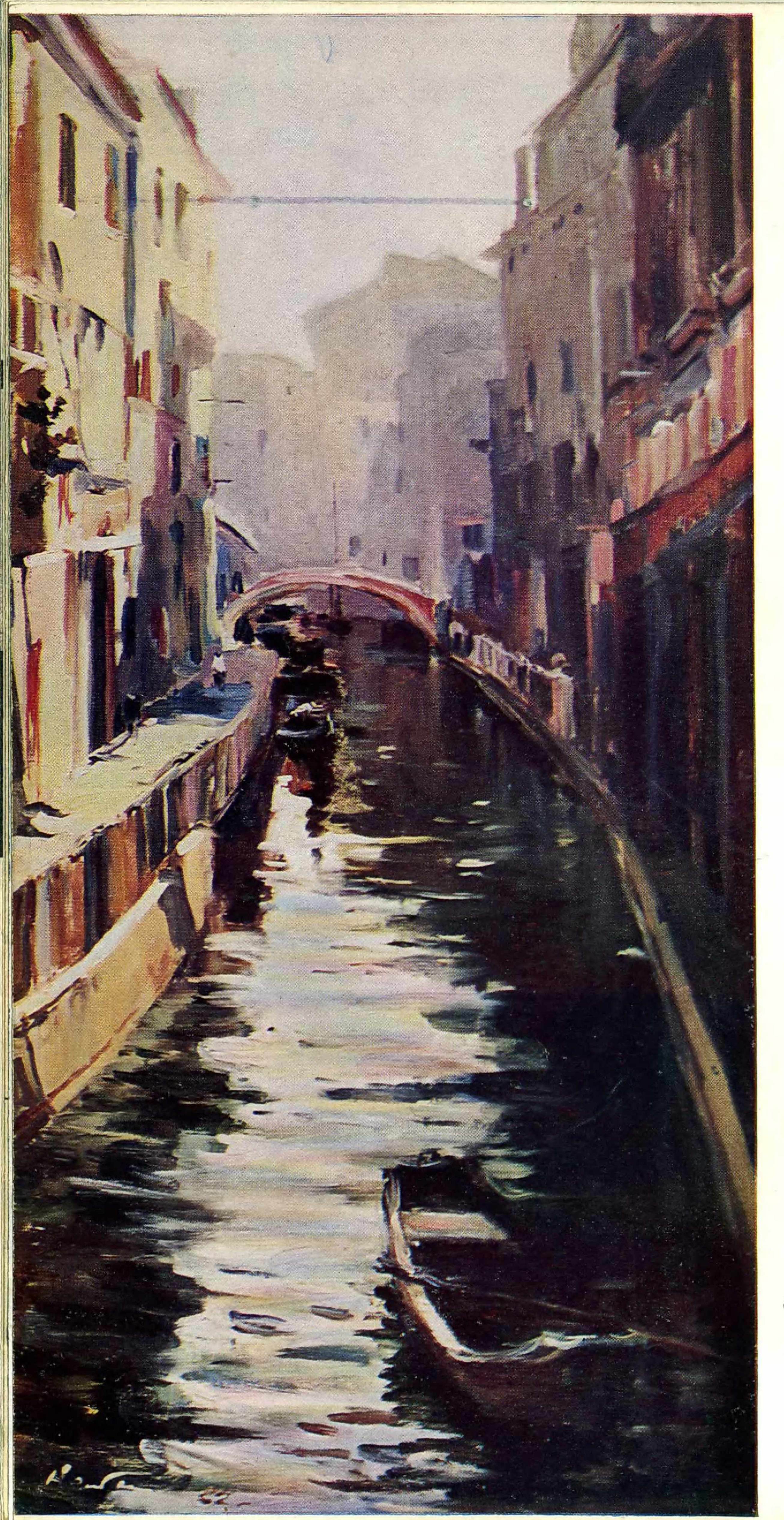
Умный и серьезный фильм, сделанный ТВ на высоком художественном уровне, патриотичен; он доставляет радость и заставляет о многом думать и детей и взрослых.

А. ЗВЯГИНА

Д. Налбандян. Род. 1906. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА П. А. РАДИМОВА. 1954.

Брянский областной музей советского изобразительного искусства.

Д. Налбандян. ВЕРНАТУН. (Групповой портрет выдающихся армянских просветителей). 1976.



Д. Налбандян. ВЕНЕЦИЯ. УТРО. 1968.

Орловская картинная галерея.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Через неделю он принес Анисиму выправленные рукописи. Тот посмотрел страниц пять и объявил:

— По-моему, недурно. Кажется, у нас с вами дело пойдет. Кстати, и рассказ ваш неплох.

Храмов рос в собственных глазах. Со злорадством вспомнил забракованную диссертацию.

— Будете печатать? — спросил он.

— Заслали в набор. Посмотрим. Вы запишите, пожалуйста, мой домашний телефон и адрес.

Храмов записал.

— Скажем... скажем, встретимся через два дня. После восьми.

Через два дня Храмов в девять часов вечера звонил в квартиру дома на Беговой улице. Дверь еще не открылась, а он уже обонял какие-то вкусные запахи, сочившиеся из этой квартиры.

Анисим был в жемчужного цвета шелковом халате до пола, под халатом рубаха с галстуком. Видно, пришел совсем недавно.

— Прошу. Снимайте пальто.

Посреди большой светлой комнаты стоял круглый стол, на котором были разбросаны журналы, ярко раскрашенные консервные банки, три трубки с длинными прямыми мундштуками.

— Располагайтесь, Евгений,— сказал Анисим, показывая на кресло.— Курите?

— Нет.

— Сейчас сварим кофе. Прошу, будьте как дома.

Анисим ногтем открыл крышечку одной из банок, набил трубку, закурил и пошел на кухню. Храмов понял, что так вкусно пахнет: табак и кофе. Но что это за табак? Он никогда не видел его в такой упаковке... Храмов не удержался, взял открытую банку, понюхал. За этим и застал его Анисим, вошедший с двумя чашками кофе. Храмов смутился. Но Анисим, поставив перед ним чашку и лукаво поглядев поверх очков, легко снял неловкость:

— Что, хочется закурить?

— Это, по-моему, можно и есть.

— Не устроить ли вам жевательный табак?

— Ну что вы, не надо!

Анисим показал ему трубкой на чашку, сам сделал несколько глотков.

— Могу я вас звать просто Женей?

— Конечно.

— Я ведь намного старше... Да... Так вот, Женя, работа ваша меня вполне устраивает. Будем продолжать. А пока...— Анисим обернулся, взял с тахты конверт и положил его перед Храмовым.— Здесь четыре тысячи рублей.

— Но, Анисим Михайлович, я же работал непрофессионально! — воскликнул Храмов.

— Очень даже профессионально. И я вам сейчас же дам еще порцию для правки.

— Но это слишком много — четыре тысячи,— уже спокойнее сказал Храмов, накрывая конверт рукой.

— Такие у нас расценки. Берите. Это честные деньги.

Храмов не заставил себя уговаривать дольше, положил конверт во внутренний карман.

— Вы не интересуетесь, для кого работали? — спросил Анисим.

— Если не секрет.

— Есть одно американское издание на русском языке. Вам его читать, наверное, не приходилось.

— Наверняка не приходилось.

— Хотите выпить чего-нибудь?

— В принципе я не пью. Разве что каплю вина.

Анисим пошел на кухню, а Храмов огляделся. Его поразил стоявший в углу на столике огромный плоский приемник, чернеющий эбонитом и сверкающий никелем.

Анисим принес два стакана и бутылку с золотым вином. Когда пробка была открыта, запахло апельсином. Анисим налил по половине и, подавая пример, отпил глоток. И заговорил:

— Видите ли, Женя, я не только заведую отделом литературы, я еще и редактор этого американского издания на русском языке.

Храмов ждал продолжения.

— Американцы — наши друзья. Я занимаю у них должность совершенно официально, с ведома советских властей. Следовательно, вам, дружок, нечего опасаться. А меня вы просто выручите, потому что литредактор, работавший до вас, внезапно уехал из Москвы. Вы не будете в обиде, уверяю.— Он сделал еще глоток.

— Я не опасаюсь.

— И правильно делаете. Вы член партии?

— Нет.

— Тем лучше,— обронил Анисим, а Храмов отметил про себя, что это вроде бы нелогично. Но Анисим, кажется, угадал его мысли.

— Я говорю, тем лучше, потому что вам ни с кем ни о чем не надо советоваться. Но вас не удивляет, что я так быстро проникся к вам доверием?

— Если откровенно — удивляет.

— Вот еще порция, здесь тридцать семь страниц. Срок — пять дней.

— Хорошо.

— У вас дома есть телефон?

— Есть.

Записав номер, Анисим посмотрел на часы и встал.

— Возможно, я вам позвоню и раньше. Надо вас показать начальству. Я-то русский редактор, а есть и заокеанский. Никаких анкет не потребуется, простое знакомство.

Одеваясь в коридоре, Храмов обратил внимание на дверь, ведущую в другую комнату. На ней была наклеена большая, с метр в высоту и с полметра в ширину, фотография, изображавшая голову осьминога. Его глазки смотрели очень выразительно.

Анисим подарил Храмову на прощание обворожительную улыбку и дал пожать свою пухлую руку.

Выйдя на холод, Храмов явственно ощутил исходящий от одежды кофейно-табачно-апельсинный запах — так он пропитался весь у Анисима.

Удивительная личность, думал он. Вещи, окружающие этого человека, создают какую-то пряную атмосферу исключительности, недоступности. Прекрасная атмосфера!

Храмов впервые в жизни готов был признать над собою превосходство другого, уже признавал. Ему даже хотелось подражать Анисиму.

Да, но такое подражание, вероятно, стоит немалых денег? Что ж, он их заработает. Издание выходит официально. И сам Анисим открыто, официально работает редактором, одновременно заведуя отделом в крупнейшей редакции. Чего же здесь предосудительного?

Удаль чувствовал Храмов. Он взял такси, тоже впервые в жизни.

Дома он сосчитал деньги. Сорок сотенных, совершенно новеньких, гремевших в пальцах, как фольга. Жаль сгибать пополам и тратить такие жаль...

Анисим чиркнул спичкой, раскурил трубку, спросил, не глядя на Храмова:

— Я не произвожу впечатления компанейского парня, не правда ли?

Храмов улыбнулся.

— Нисколько.

— Но со своими я свой. Вы, по-моему, тоже не очень-то компанейский.

— Пожалуй.

— Вот видите, значит, мы с вами — свои. И я это сразу понял. И никакого шаманства. Поживете с мое — тоже научитесь. Еще налить? Или кофе?

— Спасибо, ничего не надо.

Анисим достал из портфеля, стоявшего возле тахты, папку с рукописью.

Анисим позвонил через день, под вечер. Голос звучал приподнято:

— Привет, Женя! Вы можете быть свободны завтра в четыре часа?

— Да, в любое время.

— Если быть совсем точным, мы должны встретиться без четверти четыре на Смоленской.

— Я готов.

— Знаете гастрономический магазин на углу Арбата и Смоленской?

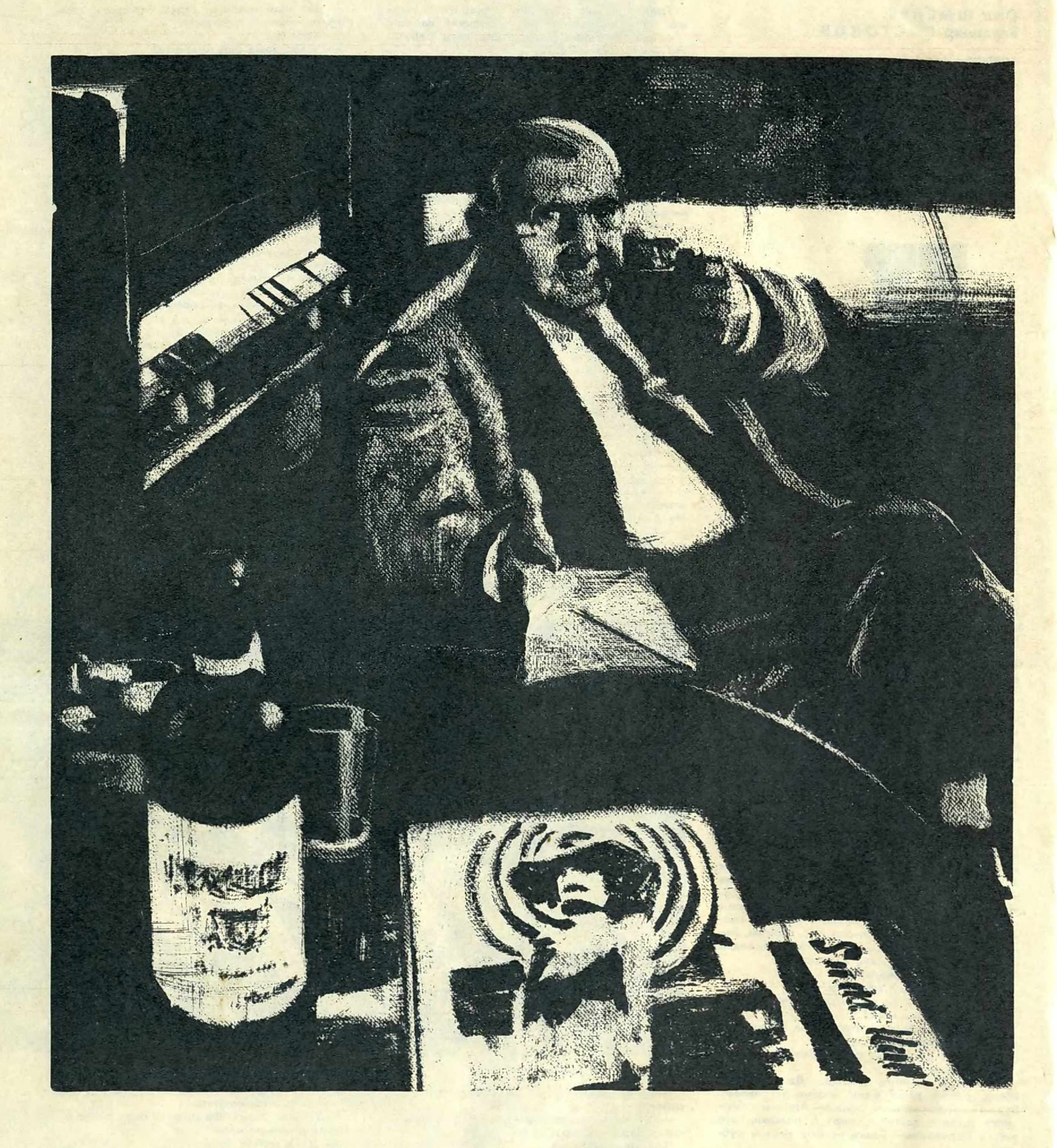
— Не бывал, но знаю.

— Там несколько входов. Вы входите с угла. Слева от дверей — отдел соков. Будьте там.

— Хорошо.

— Без четверти четыре.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2, 3.



...Храмов не любил опаздывать, поэтому Анисим, явившийся без десяти четыре, застал его там, где условились. У Анисима был тяжелый портфель. Храмов свой оставил дома, поэтому предложил:

— Дайте я понесу.

— Спасибо, дружок,— охотно согласился тот.

Они перешли на другую сторону улицы и пошли по Арбату, но тут же свернули направо, в улицу Веснина.

— Не робейте, американцы—люди простые... Ничему не удивляйтесь... Ведите себя естественно...— Анисим говорил прерывисто. У него, кажется, была одышка.— Вот, пришли...— Они остановились перед особняком.

Анисим выдернул из кармана большой клетчатый платок, вытер переносье, вытер под глазами, посмотрел направо, налево, взглянул на часы. Вроде давал себе время отдышаться. Потом сказал:

— Пора.

В прихожей они отдали пальто и шапки швейцару. Из прихожей через широкий проем в противоположной стенке, по бокам драпированный материей, был виден светлый холл, куда вело несколько ступеней. Прямо против них, лицом к дверям, сидела машинистка. Она печатала. Над пепельницей стоял голубой жгут дыма. Анисим поманил Храмова за собой. Они поднялись в холл, Анисим поздоровался с машинисткой, повернулся направо и застыл. Проследив за его взглядом, Храмов увидел в углу человека, стоявшего на руках. Ноги уперты в

стену где-то под потолком, пепельного цвета пиджак упал вниз, едва держится на плечах, галстук лижет языком светлый ковер. Окончив «производственную гимнастику», человек оттолкнулся ногами от стены, принял нормальное положение, отряхнул одну о другую руки и, подойдя, протянул правую Анисиму, сказав по-русски:

— Ковер чистый.

Анисим сделался как-то суетлив.

— Мистер Смит, разрешите представить моего молодого коллегу. Мистер Евгений Храмов. Он будет нашим литературным редактором. Я вам уже говорил о нем.

Мистер Смит протянул руку Храмову, прямо глядя при этом ему в глаза своими серо-голубыми, совершенно русскими глазами. Он был выше Храмова почти на полголовы, а у Храмова рост — сто восемьдесят сантиметров. Худой. В выражении лица проскальзывает что-то мальчишеское.

— Очень приятно, мистер Храмов. Будем работать вместе.

— Очень рад.

И мистер Смит, еще раз внимательно посмотрев на Храмова, стремительно покинул холл.

— Вот и все! — веселым тенорком громко сказал Анисим, как говорит добрый доктор малышу, боявшемуся показать горлышко.— Вы свободны, мой дорогой мистер Храмов!

— А вы разве не идете?

— Мне надо тут побыть еще немножко.

Храмов все стоял, словно ему не хотелось уходить.

— Знаете, кто это? — Анисим перешел на шепот.— Очень, очень большой шеф. Идите. Вы приняты.

...У Храмова завелись крупные деньги. Он шутя за неделю зарабатывал у Анисима шесть тысяч — так было каждый месяц. То, что он когда-то снял с книжки, было снова положено в сберкассу и служило неприкосновенным запасом. Теперь он клал на книжку аспирантскую тысячу, а остальное тратил. Он резко изменил свои привычки, словно какая-то плотина прорвалась. Анисим приносил для него по дешевой цене американские костюмы, туфли, рубашки, галстуки. Он купил золотые запонки. Он стал ходить к маникюрше. В полгода он сделался неузнаваем. Ради того, чтобы возможность доставать прекрасный трубочный табак не пропадала зря, он научился курить. Анисим подарил ему английскую трубку, сказав, что это из самых дорогих. Такие трубки раздаются матросам королевского флота вместе с табаком, матросы в плавании целый год обкуривают их. Трубка, обкуренная в море, обретает особые свойства...

Храмов не постеснялся и спросил, может ли Анисим помочь приобрести такой же приемник, какой стоит у него дома, и Анисим продал ему свой приемник за полцены.

И вот — стоп. Как-то поздно вечером в квартире Киреевых зазвонил телефон, просили Храмова. Он взял трубку из рук дяди Лени.

— Слушаю.

— Евгений Петрович? — спросил вежливый мужской голос.

— Да.

— Это говорят из министерства госбезопасности.

Храмов повернулся лицом к стене, сказал тише:

— Да, слушаю.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Пожалуйста.

— Не по телефону. Будьте, пожалуйста, завтра в пять вечера у парикмахерской на Кузнецком мосту. Наверху, ближе к Дзержинке, эта парикмахерская. Знаете?

— Знаю.

— Домашним скажите, если спросят: звонил кто-нибудь из института.

— Хорошо.

Уже положив трубку, он спохватился: а как же они друг друга узнают? И этот товарищ тоже ничего не сказал... Стало быть, его, Храмова, узнают...

У парикмахерской к нему подошел человек неприметной наружности, лет на десять старше его, в черном пальто, в серой мерлушковой шапке.

— Евгений Петрович, здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Перейдем улицу.

Они вошли в приемную КГБ, и там в одной из комнат состоялся недолгий разговор.

— Мы пригласили вас для того, чтобы предупредить. Вы человек уже не молодой, правомочный, образованный, должны все понять правильно. Путь, которым вы идете, может завести вас очень далеко.— Он помолчал.— Вы давно знакомы с Анисимом Михайловичем?

— С сентября... с конца сентября.

— На какой почве познакомились?

— Я принес в редакцию рассказ...

— А потом?

— Рассказ набрали, но так и не напечатали. Анисим Михайлович предложил мне редактировать переводы с английского...

— Больше ничего не предлагал?

— Н-нет.

— Знакомил вас с кем-нибудь?

— На улице Веснина мы были в каком-то особняке. Там он меня представил мистеру Смиту.

— Вы знаете, кто это?

— Понятия не имею. Какой-то большой начальник.

— Не предлагали вам сотрудничества другого толка, помимо редактирования?

— Н-нет.

— А много он вам платит за работу?

— Тысяч шесть в месяц.

— Вы считаете, плата справедливая?

— Более чем справедливая.

— Вот именно — более.— Он встал.— Советуем вам найти другую работу.

— Хорошо, обязательно... Но мне, собственно, и не надо, я в аспирантуре.

— Вот именно. Приятно, что вы все поняли. Будьте здоровы.

— Мне можно идти? — удивился Храмов.

— С одним условием: о нашем разговоре никому не сообщать.

И все.

Анисим Михайлович вскоре был арестован и осужден. Чуть позже Храмову стало известно, что мистер Смит — матерый разведчик.

Храмов благодарил судьбу, что сам не попал в нехорошую историю, точнее, не судьбу, а того товарища, который беседовал с ним в приемной на Кузнецком. Но благодарил лишь до той поры, пока не улетучился страх. А потом начал ругать, и чем дальше, тем злее. Он горевал. Ничто не утешало его. Защита диссертации прошла отлично — ему никакой радости. Пригласили на работу в институт — он в запальчивости отказался. Ректор позвал его к себе в кабинет и смущенно взывал к его гражданской совести: мол, институт, а если быть точным, то государство через институт потратило на образование Храмова достаточно, чтобы ожидать от него какой-то отдачи. Храмов отвечал ректору, не выбирая выражений, и хлопнул дверью. Вызванный в партбюро, хотя и был беспартийный, он услышал более жесткие слова. Ему напомнили, что он получал сначала студенческую, а потом аспирантскую стипендию в течение девяти лет, положили перед его глазами вычисленную кем-то и записанную на бумажке сумму, в которую обошлось государству его обучение и которая составлялась из зарплаты преподавателей, стоимости оборудования и т. д. Ему уже тридцать два года, а он не работал ни часу...

Он не внял ничему. И ушел, не простясь.

Позже Храмов склонен был объяснять собственное поведение временной невменяемостью. Но он был вменяем. Скорее, тогдашнюю его демонстрацию следует расценить как своеобразную и несколько запоздалую тризну по Анисиме. Крах человека, которого единственно он взял себе за образец, выбил у Храмова почву из-под ног, образовал пустоту в его жизни. По прошествии многих лет он признается, что никто, ни мать, ни отец, не оказал на него такого влияния, как Анисим, вернее, не он сам как личность, а все, что он собою олицетворял, что окружало и сопутствовало ему.

Он все забыл, все бросил. Лежал дома. Жена дяди Лени готовила ему, он ел и снова ложился.

У Петра и Ольги, живших в отдельной квартире на Зубовском бульваре, родилась дочка, звали его на символические крестины в символические кумовья — не пошел. Звонила много раз женщина, которой он клялся в любви три месяца назад,— сказал, чтоб не звонила. Кризис духа, если можно определить так капризы затосковавшей по кудеснику Анисиму великовозрастной институтки в брюках, разрешился неожиданно просто. Храмов вдруг собрался в один день и уехал отдыхать к морю — в тот благословенный город, где живет и поныне. Прогуливаясь однажды по улице, он увидел объявление, гласившее, что технологический институт объявляет конкурс на замещение вакантной должности преподавателя. Профиль ему подходил. Город очень понравился. Храмов собрал необходимые документы, для чего пришлось съездить в Москву, подал их в институт, и место осталось за ним.

Все вроде бы налаживалось. Студенты его полюбили. Год он жил в гостинице, потом ему дали комнату, а потом и квартиру, отличную однокомнатную квартиру в старом доме, перепланированном и имеющем все удобства. Вскоре его сделали старшим преподавателем.

В 1951 году летом умер отец, но он на похороны не ездил, так как Петр не мог его разыскать, он никому не сообщал своего адреса. Мать переехала к Петру и через два месяца скончалась. И ее не хоронил младший сын. Об этих двух смертях он узнал лишь в 1952 году, когда ездил в Москву во время отпуска. Петр в разговоре опять назвал его «ленинградцем», и Евгений Петрович Храмов больше брата не навещал.

И дядю Леню хоронить он не ездил. Он отрезал прошлое навсегда. Так ему было удобнее. Время шло. Честолюбие вновь вспыхнуло в его душе, он снова сделал попытку написать докторскую диссертацию. Но не было ни материала, ни темы, ни свежести мысли. Он с ужасом осознал, что никогда уже ничего не напишет. А кругом поднималось молодое, напористое, глядящее только вперед и не оглядывающееся по сторонам. А он смотрел ему вослед, в спину, зависть своим остреньким жалом все больнее колола его. Ни мимолетные, легкие успехи у женщин, ни обилие денег не утешали его. Он катастрофически старел душой и отставал в развитии,— тут уместно вспомнить, что он в свое время развивался быстрее сверстников. К 1974 году это был уже, так сказать, законченный старик, старик в пятьдесят восемь лет.

В 1973-м скончался от инфаркта Петр, следом за своей женой Ольгой, у которой был рак печени. Храмов превозмог себя, отправился на похороны, потому что получил телеграмму от его дочери Гали, оставшейся круглой сиротой. Правда, в применении к двадцатипятилетней женщине слово «сирота», как считал Храмов, несколько отдает карикатурой, но она сама назвала себя так, сказав ему со слезами на глазах, когда они встретились у открытого гроба: «Дядя Женя, я теперь совсем сирота». Или он не прав насчет карикатурности? Может быть, иногда человек становится сиротой и в пятьдесят лет?

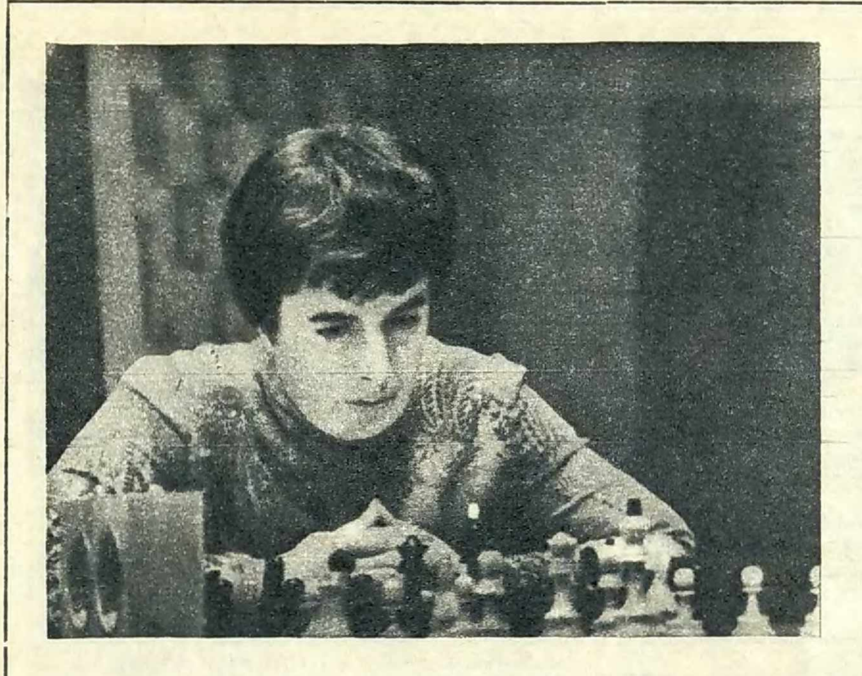
Он уехал прямо с кладбища, не пожелав остаться на поминки: его пугали незнакомые люди с суровыми лицами — многие в военном,— собравшиеся на похороны Петра.

Нет, наверное, никто никогда не разрешит загадку, почему два родных брата, наследовавшие одну кровь и выросшие в одном обществе, бывают порою разительно непохожи.

...Обо всем этом и еще о многом другом в мельчайших подробностях будет вслух горько вспоминать Евгений Петрович Храмов перед чужим человеком, годящимся ему в сыновья, и перед магнитофоном. А нам нужно продолжать рассказ о текущих событиях, предварив его небольшой оговоркой.

В описываемой истории есть только два случайных совпадения. Одно из них никакого значения не имеет. Другое сыграло определенную роль в том, что капитан Краснов едва не почел себя профессионально несостоятельным, потому что совпадение это заставило его усомниться в правильности своей версии. Но, может быть, так даже лучше: лишний опыт никому не мешает, вернее, опыт лишним не бывает, если иметь в виду опыт порядочных людей.

Продолжение следует.



Нона ГАПРИНДАШВИЛИ, чемпионка мира по шахматам

БОРЮСЬ

Приходилось ли вам слышать выражения: «женские шахматы», «женская игра»? Мне приходилось, и не раз. Причем иногда произносилось это мужчинами-шахматистами с оттенком нескрываемого превосходства. Да, женщины играют слабее, добавлю, пока слабее мужчин. И на то есть и объективные причины, которые почему-то игнорируются, и субъективные. Существуют женский волейбол или баскетбол, либо, скажем, женская легкая атлетика, но в определениях этих нет для женщин ничего обидного, и говорится об этом без всякой иронии. Наконец, есть немало видов спорта, таких, как бокс, борьба, тяжелая атлетика, футбол, водное поло, заниматься которыми женщинам по их чисто физиологическим особенностям противопоказано. Так вот в шахматах эти физиологические особенности попросту игнорируются. Как и мужчины, женщины играют в длинных турнирах, которые длятся порой около месяца — с ночными анализами отложенных партий, с нервными переживаниями, недосыпанием и т. д. и т. п. Как и мужчинам, нам дается по два с половиной часа на 40 ходов.

Значит ли это, что я считаю необходимым сделать для шахматисток какие-либо послабления? Ну, допустим, сократить число контрольных ходов с 40 до 35? Нет! Хотя женщина в силу особенностей своей физиологии, психики уступает мужчине в бойцовских качествах, она все же обладает, опять-таки в силу тех же самых особенностей, некими компенсирующими данными. Не зря же появился призыв: «Берегите мужчин!»

Да, женщина пока не может в шахматах на равных бороться с мужчинами, это так. Но если взять чисто творческую сторону, а она, как критерий мастерства, является, быть может, самой важной в оценке игры шахматиста, то женщины в этом смысле не так уж и уступают мужчинам. Иначе говоря, разница между классом игры шахматистов и шахматисток менее велика, чем разница между силой их игры. Некоторые стратегические идеи, комбинационные замыслы, тактические выпады шахматисток отличаются большой глубиной и яркостью. Во всяком случае, у сильнейших шахматисток мира было немало творческих достижений, которыми, не сомневаюсь, гордились бы и гроссмейстеры.

Несведущие люди обычно думают, что шахматы требуют только нервных, психических нагрузок (с чем женщины, как порой думают, справляются не хуже мужчин), но не физических. В действительности и перед нервными нагрузками более эмоциональная женская натура чувствует себя менее стойкой, а к тому же шахматная борьба, особенно если в турнире большое количество участниц, требует и самой обыкновенной физической выносливости.

В книге «Три матча Анатолия Карпова» М. М. Ботвинник пишет: «Шахматы хотя и интеллектуальный, но напряженный труд, шахматист обязан выдерживать жесткую нагрузку». Далее Ботвинник рассказывает о том, сколько времени и сил отнял у него анализ и двукратное доигрывание 20-й партии матча-реванша с М. Талем. И затем продолжает: «Способен ли на такое напряжение человек, если он не настоящий шахматист? Вряд ли». А каково «настоящим шахматисткам»? Разве им легче?

Правда, женщинам не приходится встречаться с мужчинами, здесь борьба ведется раздельно, но в последние годы нередко устраиваются смешанные турниры. Выступая в мужских турнирах, я с удивлением обнаружила, что на последнем часе игры, чаще всего в последние 15—20 минут, совершаю обиднейшие промахи. Если бы я не выпускала победу на последних ходах, насколько выше были бы мои результаты на этих смешанных турнирах!

Значит, меня не хватает на последний час игры? Нет, до сих пор я была достаточно хорошо физически подготовлена и если и совершала ошибки на пятом часу игры, то не чаще, чем на предыдущих четырех. Просто я убедилась в том, что мужчины даже в безнадежных позициях защищаются упорно и яростно, бьются до последней капли крови — таков уж мужской характер. Женщины же, если они убеждаются, что их позиция проиграна, как правило, опускают крылья.

Вообще мужчины склонны недооценивать творческие возможности шахматисток. И зря!

В связи с этим хочу припомнить случай, который произошел во время одного из матчей между сборными СССР и Югославии. Когда Кира Зворыкина надолго задумалась над своим ходом, несколько гроссмейстеров — участников нашей команды — были вне себя: в распоряжении нашей шахматистки имелась не очень сложная, но весьма эффектная комбинация, и мужчины негодовали, как это Зворыкина ее не видит! Между тем та продолжала думать и в конце концов сделала другой ход, увы, прозаичный, который, правда, тоже привел к победе. Но, когда после партии гроссмейстеры с торжествующим видом показали Зворыкиной упущенную ею возможность, она с нескрываемой иронией продемонстрировала им вариант, опровергающий гроссмейстерскую комбинацию. Оказывается, Зворыкина разобралась в позиции глубже, чем ее торопливые критики!..

Пусть не сочтет читатель за нескромность, если я приведу здесь пример и из собственной практики. В 1974 году я выступала в мужском турнире в Дортмунде (ФРГ). В третьем туре моим противником был мастер из ФРГ Сервати. В этой партии мне удалось осуществить красивую комбинацию с жертвой двух ладей, и под угрозой неизбежного мата Сервати вынужден был сдаться уже на 17-м ходу. Победа эта доставила мне огромное творческое наслаждение. Партия обошла всю мировую шахматную печать, и сам Михаил Таль, лучший эксперт в мире в области комбинационной игры, дал этой партии очень высокую оценку. Другой известный гроссмейстер в журнале «Огонек» и вовсе рассыпался в комплиментах, назвав партию «бессмертной» и заявив, что она «войдет в золотой фонд шахматных шедевров».

Как ни лестны были для меня эти отзывы, а все же казалось мне, что скрывается за ними некоторый обидный подтекст. Дескать, смотрите — женщина, а как красиво играет! Надо сказать, что международная шахматная организация—ФИДЕ в течение десятилетий проявляла откровенное неуважение к женскому шахматному движению, а ведь девиз ФИДЕ гласит: «Мы — одна семья». Так-то оно так, а только в этой семье долгое время сохранялись домостроевские устои. Достаточно вспомнить, что женские шахматные олимпиады начали свое существование на тридцать лет позже, чем мужские, да и проводились далеко не регулярно и с большими интервалами. Только начиная с 1976 года (спасибо и за это!) число участниц в команде увеличилось с двух до трех при одной запасной. Лишь с конца 1975 года было введено звание гроссмейстера среди женщин. И это несмотря на то, что некоторые шахматистки не раз побеждали в личных встречах даже сильнейших гроссмейстеров. До сих пор не проводятся чемпионаты мира среди девушек, в то время как у юношей проводится и чемпионат Европы.

А между тем женские шахматные соревнования вызывают порой огромный интерес и проходят в столь же драматичной борьбе, как и мужские. Стоит вспомнить хотя бы финальный матч претендентов 1975 года Наны Александрия и Ирины Левитиной. После того, как 12 встреч не дали перевеса ни одной из них, матч продолжался до первой победы, причем в таком невыносимом напряжении соперницы провели еще пять встреч. Можно смело утверждать, что ни один из финальных поединков претендентов-мужчин не отличался таким спортивным накалом. Подумать только — 17 партий! А ведь М. М. Ботвинник утверждает, что оптимальное число партий матча между мужчинами не должно превышать 20.

Матч Александрия — Левитина оказался тяжелым не только для них, но и для их тренеров. Во всяком случае, тренер Наны Александрия гроссмейстер Бухути Гургенидзе вернулся с матча бледным и осунувшимся. В интервью, которое он дал после окончания затянувшегося поединка, Гургенидзе заявил, что, по его мнению, претендентка на шахматный престол должна выявляться не в серии матчей — пусть этим мучительным делом занимаются мужчины,— а в матч-турнире шести или четырех участниц. Совершенно ясно, что перед шахматистками многоступенчатая система отбора ставит слишком сложные задачи. Для сравнения напомню, что

ЗА РАВНОПРАВИЕ

мне самой, чтобы встретиться с Быковой, достаточно было сыграть в двух соревнованиях — чемпионате страны (который был одновременно зональным турниром) и турнире претенденток. Но вернемся, однако, к тем причинам, которые продолжают мешать женщинам добиваться тех же спортивных высот, что и мужчинам.

Одна из причин в том, что на протяжении веков шахматами интересовались лишь отдельные представительницы высших слоев общества. Шахматы среди женщин не имеют поэтому традиций, своей истории. Экс-чемпионка мира Быкова, проделав большую работу, собрала обширный материал об отдельных одаренных шахматистках прошлого. Но лишь об отдельных. Женское шахматное движение оформилось только после первой мировой войны. У некоторых народов игра женщин в шахматы поощрялась лишь как свидетельство светскости, образованности, тонкого вкуса. В Грузии, например, существовал давний обычай вместе с приданым давать невесте и шахматы. Все это, однако, не могло идти ни в какое сравнение с популярностью шахмат среди мужчин.

Есть и другие, по-своему очень важные обстоятельства. Мужчина, как правило, не обременяет себя домашними заботами. Я знаю многих больших шахматистов, таких, к примеру, как гроссмейстер Геллер, которые работают над шахматами по 5—6 часов в день, а венгерский гроссмейстер Портиш трудится над шахматами по восемь часов — полный рабочий день.

И все же... Читатель, быть может, обратил внимание на то, что, говоря об отставании шахматисток от шахматистов, я употребила слово «пока». Да, несмотря на все специфические трудности и препятствия, класс шахматисток непрерывно растет. Это не изолированный процесс, не заслуга отдельных одаренных личностей, а логическое следствие тех огромных социальных перемен, которые происходят в мире и позволяют женщине в самых различных сферах культурной и духовной жизни становиться вровень с мужчиной, а иногда даже кое в чем и превосходить его.

В высшей степени характерен такой вроде бы не столь уж многозначительный факт, как участие женщин в турнирах по переписке. Прежде, например, 15—20 советских шахматисток играли в мужских турнирах по переписке, женских соревнований такого типа вообще, если не ошибаюсь, не было. А теперь у нас в стране проводятся личное и командное первенства среди женщин с пятью-шестью полуфиналами, проводится и чемпионат мира. Были случаи, когда женщины, выступая в мужских соревнованиях по переписке, опережали мужчин.

С удовлетворением хочу отметить, что женские шахматы не только крепнут, набирают силу, но и молодеют. Помню, когда я (а затем Нана Александрия) в 15 лет выступила в чемпионате страны, это вызвало подлинную сенсацию. Но вот Майя Чибурданидзе в 13 лет становится международным мастером и участвует в чемпионате. Через год вместе с ней выступает в чемпионате страны среди взрослых и 13-летняя Нино Гуриели. Становится призером чемпионата ВЦСПС еще более юная Нана Иоселиани.

На наших глазах меняется стиль женских шахмат. Девочки играют с бесшабашной смелостью, не боясь никого, не робея перед именами, и некоторые их атаки можно поставить в пример мужчинам. Как ни покажется это странным, но некоторые юные шахматистки играют от[illegible]задиристее, острее, чем их све[illegible]ники-юноши. В 1973 году в матче СССР — Югославия всех удивила Майя Чибурданидзе, которой тогда было всего 12 лет. Многие видели, что во встрече с Калхбреннер она может после подготовительных ходов провести комбинацию, но Майя осуществила эту эффектную комбинацию немедленно, без подготовки! Очень смело играют Наташа Ручьева, Нана Иоселиани, та же Гуриели. «Женские шахматы» заметно помолодели и стали, я бы сказала, «девичьими», и это отразилось на их характере, который становится все более решительным.

Добиться уважения у мужчин было не так-то просто, хотя я не раз довольно успешно конкурировала с ними. Так, например, в Гётеборге я выступала вместе с Геллером и заняла третье место. В Гастингсе я заняла первое место в турнире мастеров и тем самым добилась права выступать на следующий год в главном турнире, где заняла 5-е место (напомню, что в своем первом выступлении в Гастингсе Ботвинник разделил 5—6-е места), на турнире в Дортмунде в 1974 году разделила 3—4-е места. А в прошлом году в турнире в польском городе Сандомире я разделила второе — четвертое места с гроссмейстером Кнааком из ГДР и советским мастером Нисманом, отстав на полочка от Бронштейна и выполнив норму гроссмейстерского балла.

Таковы были до сих пор мои лучшие спортивные результаты в мужских турнирах. Но при этом следует учесть, что я находилась по сравнению с остальными участниками в неравных условиях: мужчины стыдятся проигрывать шахматистке, даже если она чемпионка мира. Они играют со мной с полной отдачей всех сил. Даже шахматисты, занимающие последние места в турнирной таблице, со мной играют на большом подъеме.

Вы думаете, гроссмейстеры, встречаясь с женщиной за шахматной доской, проявляют хоть каплю галантности? Как бы не так! Играя со мной, они забывают порой даже о правилах хорошего шахматного тона. Никогда не забуду, как один гроссмейстер, мужчина с безукоризненными манерами, доигрывал со мной партию в совершенно равной позиции в течение нескольких часов и примирился с ничейным исходом лишь тогда, когда на доске остались одни короли.

Пожалуй, ни с кем из мужчин-шахматистов не было у меня таких принципиальных поединков, как с румынским мастером Чокылтя. Он выиграл у меня в довольно равной борьбе на международном турнире в Тбилиси. На званом обеде я публично пообещала ему, что возьму реванш, на что Чокылтя полушутя-полусерьезно заявил, что никогда в жизни не проиграет женщине. И вот мы снова встретились с ним на турнире. Обычно он всегда начинает партию ходом королевской пешки, а тут сыграл 1. f4. Я удивилась и взглянула на него с улыбкой, на что Чокылтя не совсем вежливо сказал мне: «Надо за доской думать, а не разыгрывать заготовленные варианты». Партию я проиграла, и жажда мщения охватила меня с еще большей силой. И когда на турнире в городе Врнячка-Баня Чокылтя опять начал партию иначе, чем всегда, выведя первым ходом королевского коня, я его спросила: «Что, опять хотите думать за доской?» И я «подумала так», что уже к пятнадцатому ходу позиция белых оказалась настолько бесперспективной, что Чокылтя... предложил мне ничью. Я, конечно, отклонила это любезное предложение и добилась победы, сдержав тем самым свое слово.

Самолюбивый Чокылтя после этого три дня избегал меня, даже не здоровался, что вызывало непрерывные шутки и смех со стороны остальных участников. Наконец, дипломатические отношения были восстановлены, и с тех пор румынский гроссмейстер стал относиться ко мне с полной серьезностью.

Говоря об игре шахматисток в мужских турнирах, а также об эволюции женских шахмат, я не могу здесь не коснуться роли первой чемпионки мира и, кстати, первой шахматистки, не без успеха выступавшей в мужских турнирах.

Вера Менчик, царившая на шахматном троне с 1927 по 1944 год (она трагически погибла во время бомбежки Лондона), несомненно, опередила свое время, сыграв как популяризатор шахмат среди женщин неоценимую роль. Дочь чеха и англичанки, Менчик родилась в Москве в 1906 году и была перевезена в 1921 году родителями в Англию. Любопытно, что в первом чемпионате мира в 1927 году Менчик, как приехавшую из Советской России и говорившую по-русски, даже в таблицу записали представительницей России.

Вера Менчик навсегда сохранила любовь к нашей стране и пользовалась у нас ответными симпатиями. Когда она выступала в Московском международном турнире в 1935 году, публика горячо болела за нее. А когда Менчик сделала ничью с гроссмейстером Флором, претендовавшим на первое место, то получила множество поздравительных телеграмм.

Вера Менчик побеждала в чемпионатах мира семь раз, причем в четырех выиграла все встречи. Не удивительно, что, обладая незаурядной шахматной силой и не имея себе равных в женских соревнованиях, Вера Менчик охотно участвовала во множестве мужских турниров. По подсчетам Е. Быковой, Менчик посчастливилось девять раз встречаться за доской с Капабланкой, восемь — с Алехиным, пять — с Эйве, дважды — с Ботвинником, а также с Флором, Кересом, Файном, Решевским, Тартаковером, Видмаром, Мароци, Лилиенталем, Найдорфом и другими гроссмейстерами и мастерами. Всего она выступила в 50 мужских турнирах (говорю это с завистью!), сыграла 487 партий — 147 выиграла, столько же закончила вничью и 193 проиграла.

Меня иногда спрашивают, как бы я, по моему мнению, сыграла в матче с Верой Менчик? Находились такие знатоки, которые уверяли, что Гаприндашвили, дескать, играет сильнее, чем Менчик. Мне подобные сравнения и рассуждения кажутся неуместными. Вера Менчик и я выступали в разные эпохи шахматной истории, и сравнивать класс нашей игры, поскольку мы не только не встречались друг с другом, но и не встречались с одними и теми же соперницами, неправомерно. Может быть, будущие историки шахмат найдут какие-то объективные критерии, по которым можно будет сопоставлять силу и класс шахматистов, живущих в разные эпохи. Но есть нечто такое, в чем Вера Менчик никогда не будет иметь соперниц: своим шахматным творчеством она первой доказала, что и в такой спортивно-интеллектуальной сфере, как шахматная борьба, шахматное искусство, женщина вполне способна достигать тех же вершин, что и мужчина. Словом, время так называемых женских шахмат проходит!

ПОД ЗВЕЗДО

Александр ГОВОРОВ

АВГУСТ

Весь август свеж, хоть нож бери и режь,
И — съешь!
Лишь небо рассмеется серебром,
Запью его
Прозрачным сентябрем.
Спасибо, поле русское,
За хлеб,
За то,
Что я не зря
За урожай боролся,
За то,
Что каждый год
Вплетаешь в Герб,
В державный Герб, отборные колосья.

СЫНУ

Саше.

С годами и камень,
Сын,
Обрастает мхом,
А человек —
Умом
и добром.
Будь же умным,
Сын,
Будь же добрым,
Сын,
Будь не шумным,
Сын,
Будь же гордым,
Сын.
Набирайся сил,
Сын! —
Сильный прямо
Стоит,
Слабый
Гнется и стелется...
Будет счастье у тебя,
Мой сын,
И отцовское сердце
Возле
согреется.

ТАМ ВОЗДУХ ТАКОЙ ВЕСЕЛЫЙ

Я и не тешусь лестью,
В душу чужую не лезу.
Вышел я светлою вестью:
к речке,
к полю,
к лесу.
Там воздух такой веселый,
Что не слыхать печалей.

Сам я без отчих далэй
Просто совсем невесомый.
Я не испортил песню
Ту, что мне Родина пела,
Я не скулил за печью;
Я не сидел без дела.
И говорю, волнуясь:
— Честно я сею
И строю...

Если ж мне жизнь
Улыбнулась,
Значит,
Чего-то я стою.
Да лишь без отчих далей
Я вот совсем невесомый...

Там воздух такой веселый,
Что не слыхать печалей.

ДОНУ

Здорово, Дон! Поклон тебе!
Здорово, Дон Иваныч!..

Дон весь разнежился в тепле,
В туман оделся на ночь,
И, как казак,
В седле сидит,
Плывет между излучин.

Сарыч, как из сопла сипит,
Жарищею измучен.

Мне так легко в волнах тугих.
Вода — ну, просто счастье.
Сок виноградников твоих
Воды твоей не слаще.
Здорово, Дон!
Тебе поклон,
Ты бьешь волной свитою...

Я не от вин донских хмелен —
От воздуха с водою.
Полна искристым хмелем грудь,
То в яви иль не в яви...
Всегда наш, Дон Иваныч, будь
Во здравии и славе.

ПОД ЗВЕЗДОЙ ВЕЧЕРНЕЙ

Вот и зима за летом
Медленно прикатила.
Шел за тобою следом,
Слушал,
А ты говорила:
— Любишь или не любишь.
Обманешь иль не обманешь.
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь —
Вспомянешь.
И под звездой вечерней
Так неуютно было,
Словно со всей Вселенной,
А не со мной говорила.
Сейся,
снежок,
Да сейся,
Рассеивайся по полю...

— Зла не держу на сердце,
Лишь сожаленье с болью.
Знаешь?
Ну, если не любишь,
Сердце свое не обманешь.
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь —
Вспомянешь.

●

Просишь:
— Ветра б со снегом!
Хочешь?
— Хорошо б!
И смешалась
Земля с небом.
— Снега!
— Снега!
Снег пошел.
И смеешься, смейся, смейся,
А в веселье
Ты так мила.
Словно смех
Со всего поднебесья
Мягкой варежкою смела.
И хохочешь:
— Вот это — счастье,
Что же нужно еще зиме?..
Кто-то выдумал,
Что ненастье —
Это ветер
И снег на земле.
Ах, ты, ветер!
Смеется иль плачет?
Ах, ты, снег!—
Переплеск,
пересверк...
Если кто-то отчаялся,
Значит,
Это конченый человек.
Ты смахнула
Отчаянье смехом.
Расцвела,
Да и сам я расцвел...

И смешалась
Земля с небом.
— Снега!
— Снега!
... Снег пошел!

А ТЫ МНЕ, МИЛЫЙ, ПОДАРИ...

Я лишь одну тебя люблю,
Люблю тебя
И все терплю.
И вновь
Под майскою луной
Я песню нежную совью,
А в ней —
Лишь только я
С тобой.
Прошу,
Ну, снова говори

Й ВЕЧЕРНЕЙ

И слово нежно повтори:
— А ты мне, милый,
Подари
В убранстве снежном
Светлый дом,
Чтоб распевали снегири
На ветках сливовых кругом.
Чтоб в нем была
Большая печь
И печь могла
И греть
и печь,
Пшенично-весело дыша,
И чтоб звала
Ее душа
С устатку на часок прилечь.
О, если бы построить смог,
О, если б жизнь
Была легка!..
Я, может, счастье
Уберег,
Когда бы звали за порог —
лишь лес,
да поле,
да река.

ИНТЕРВЬЮ

Друзьям журналистам.

Я сохранил в себе доверье
Еще к поверьям древних дней...

Ну, что скажу я о деревне? —
Она всегда в душе моей,
С ее застенчиво-глубинной,
С ее надежною судьбой.

И воздух яблонево-дынный
Легко струится над землей.
Мне целый год пришлось поститься,
И вот взахлеб деревню пью...

И вот сюда,
В Путивль почти что,
Я взять приехал интервью.
Здесь тоже ливни,
Как из прорвы.
Но вот июльский первый день,
Ну, словно солнечный плетень
Меж тучами воздвигнул плотный.
И даже тучки перьевые
Проскальзывали далеко.

И хмурый сеятель впервые
Вздохнул глубоко и легко,
И улыбнулся наконец-то,
И в пальцах колосок помял.
Я думал,
Что улыбку
К месту,
Строкой
на карандаш
Поймал.
Воображалось:
Так вот будет —
Улыбка эта,
Этот жест,
И ветерок чуть воздух студит,
И тучные поля окрест,
Как туесок, лесок
И луг,
И опишу его мудрейшим,
И наконец
Перед заезжим
Он исповедуется вдруг...

Но все не так случилось там —
Перед надежной чистотою,
Обвитой светлой добротою,
Я
исповедался вдруг
сам!

О сеятель!
Земля святая! —
Свои мне тайны отвори,
Чтобы всегда,
Стихи слагая,
Я смог сказать:
— Они твои!
Они твои,
моя деревня,
Они твои, как весь я сам...
Они рождались
На доверье
И к древним и к грядущим дням.

●

О, как мне в жизни повезло —
В меня
Влюбилось ремесло.
И от взаимности такой
И по такому случаю
Себя
я на земле родной
Незаменимым
чувствую.
Мне нужно
Больше всех
успеть,
Не зря
Любовь заставила
Трудиться так,
Как песню
петь,
А песня была —
душа таяла.

И СИЯЙ НАД ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Грусть свою светло рассеяв,
Я сижу сейчас с гостями.
И меня закутал север
И весельем
И вестями.
С величальной песней снова
Гонят северных оленей,
И сияющее слово
Возвратилось для волнений,
Жгуче-жаркое:
— Спасибо!
Полушелковое:
— Здравствуй!
Забирай меня и властвуй,
Царствуй
Нежно и счастливо,
И свивай венок весенний,
В струи чистые бросая,
И сияй над всей Вселенной,
Ни на миг
Не угасая.
За любовь! —
Всегда без хамства,
За любовь! —
Всегда без грязи,
За любовь! —
Да без печали,
За любовь я пью,
Да разве
За любовь не дашь полцарства,
Если за коня давали!

ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ НАШЕЙ ТАЙНОЙ

Уже года прошли, и все же
Я ничего не позабыл:
— О, если б я была моложе,
О, если б ты
Постарше был...

Ладошку поднеся к устам,
Шептала с нежностью печальной:
— Пусть это будет
Нашей тайной,
А впрочем, что уж,
Что уж там...

Стоял, молчал, не понимая
Ее печали неземной.

Года прошли,
И вот иная
Нежданно встретилась со мной.
И понял я, вконец уставший,
Слова, что чуть не позабыл...

О, если б ты
Была постарше,
О, если б я
Моложе был!..

А САМЫЙ ЛУЧШИЙ МИГ ЛЮБВИ...

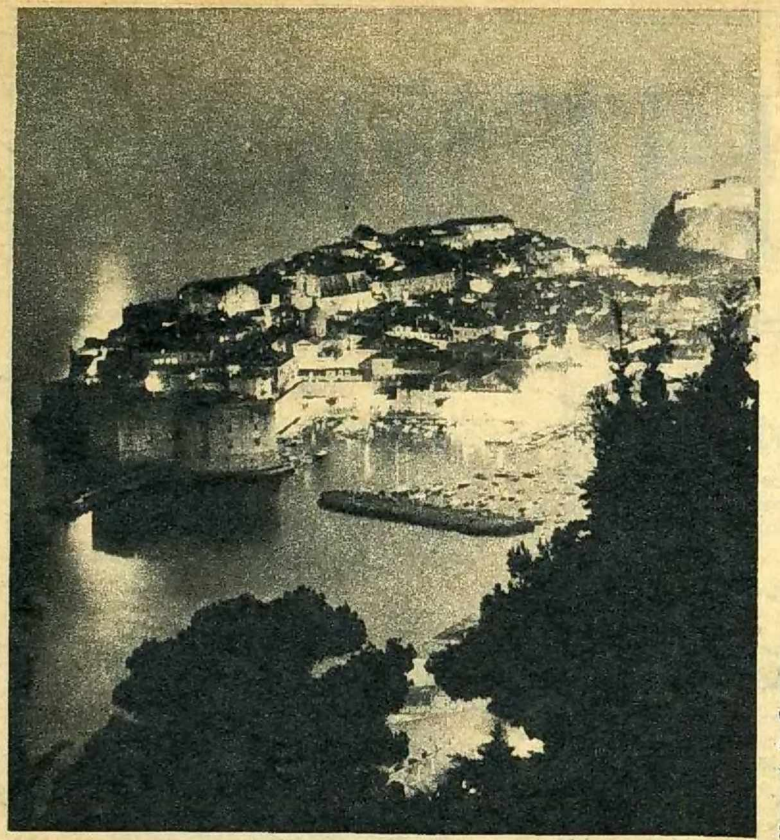
От счастья можно ошалеть,
Не позабудь —
Будь
С ним
Искусным...

О, если выпадет мне,
Впредь
Я стану скрытным,
Стану грустным,
Я стану говорить с людьми,
Что нету счастья,
Это небыль...

А самый лучший миг любви?
Вон тот,
Который еще не был.

ЛИВЕНЬ

От ярой молнии до грома
Невольно замирает дух.
И вот
Травинки и солома
С шуршаньем приподнялись вдруг,
И опустились,
И ослабли,
Пронесся вихорь,
И за ним
Вдруг первые большие капли,
Подернутые голубым,
С шипеньем закопались в пыль
И взорвались...
И грянул ливень!
Он был до жути сладкой
Дивен,
Он поднебесным вздохом был.



Ночной Дубровник.

Мало, наверное, есть на свете городов, которые могут сравниться с Дубровником по удивительной слитности того, что создано человеком за многие века его деятельного присутствия на этом скалистом полуострове Ядранского моря, и окружающей природы, того, что построено сотни лет назад и сегодня. Впечатление такое, как будто и старый город с его могучими крепостными стенами, и белые дома с красной рябью черепичных крыш, и утопающие в густых садах прекрасные современные гостиницы созданы природой одновременно со спокойным и ленивым морем, зелеными островами на горизонте, крутыми, поросшими лесом скалами. Видимо, врожденное чувство гармонии и ответственность перед будущими поколениями, перед теми, кто придет на смену, вдохновляли дубровницких архитекторов, инженеров, каменотесов, всех тех мастеров, которым мы обязаны сегодняшним обликом Дубровника.

НЕИЗМЕННАЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Сергей ВЫСОЦКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Дражко БУБРЕШКО

Самолет из Дубровника на Белград улетал после полудня. Жаркое июньское солнце накалило камни, горы подернулись легким голубоватым маревом. Мы круто развернулись над морем. Трепетные солнечные зайчики, отраженные водой, скользнули по салону, и самолет полетел над горами. Стюардесса объявила: высота — девять тысяч метров, а глаз различал рябь на поверхности озер и небольшую, стремительную птицу, которая летела низко-низко над землей, чуть впереди по курсу. Тень самолета... Солнце у нас за спиной, и тень несется впереди. Вот она приблизилась к небольшому городу, рассекла змейку шоссе и пролетела над узкой рекой, зацепив крутой пролет каменного моста...

Город Требинье. Два дня тому назад я стоял на этом крутогорбом мосту, построенном двести лет назад замечательными дубровницкими мастерами под руководством великого визиря Мехмед-паши Соколовича. На каменной плите — мемориальная доска со словами о том, что мост «перенесен сюда в неизменном облике в 1970—72 годах, чтобы и далее служил людям и оставался доказательством искусства старых мастеров».

Там, где он находился раньше, создано водохранилище.

Этот мост, эта мудрая надпись, хоть и увидел я их не в Дубровнике, а по соседству, в горном краю, стали для меня ключом к пониманию города, о котором Бернард Шоу сказал: «Те, кто ищет рая на земле, должны приехать в Дубровник».

ЧТО ТАКОЕ «БАБИН КУК»!

... Все утро вместе с Дражко Бубрешко, корреспондентом журнала «Илустрована политика», мы бродили по узким улочкам старого Дубровника. Вверх-вниз, вверх-вниз... Ступеньки, ступеньки... Жаркие волны от нагретых солнцем стен, и вдруг — струя прохлады из распахнутых настежь дверей, и в сумраке средневековой квартиры — самые обыкновенные люди двадцатого века, занятые обыденными делами.

Красно-белый город, словно окаменелое ядро ореха, стянутый скорлупой крепостных стен, кажется, особенно издали, с гор, совсем маленьким. Некоторые улочки — если шагнуть прилично! — шириной всего в два шага, но обойти город, как говорится — «выходить», нелегко. Однако иначе пропустишь самое важное, самое интересное.

Бубрешко рассказывает мне об истории Дубровника, о том, что раньше он назывался Рагузой и где-то рядом, в окрестностях, родился римский император Диоклетиан.

— В тяжелые времена Дубровницкая республика благодаря своим искусным дипломатам сохранила независимость, лавируя между различными завоевателями,— говорит Бубрешко.

«И благодаря своим мощным стенам»,— думаю я, поглядывая на неприступную каменную твердыню.

К двенадцати часам жара стала невыносимой. Мы едем в новый гостиничный комплекс со странным названием «Бабин кук», в полдень назначена встреча с инженером Михо Лазаровичем, руководителем строительства этого комплекса. «Очень кстати,— думаю я.— Сейчас мы отдохнем от жары, удобно усядемся в креслах где-нибудь в холле гостиницы и будем беседовать, попивая холодную минеральную воду под тихий шум кондиционеров».

Десять минут езды — и машина въезжает на холм, поросший деревьями. Останавливаемся у современного — стекло и бетон — одноэтажного здания. Рабочие приваривают на крыше огромную золотую букву «И». Судя по четырем, уже приваренным, отель называется «Президент».

Прекрасный просторный холл, административные службы, бар, заполненный молодежью... Нас встречает подвижный, с живым лицом мужчина в темных очках. Михо Лазарович.

— А где же сам отель, где живут люди? — оглядываясь, задаю первый вопрос.

Лазарович смеется:

— Увидите.

И приглашает на большую террасу с видом на море. Мы садимся на самом пекле. Надежды на прохладу и удобные кресла рушатся. Правда, запотевшая бутылка минеральной воды тут же появляется на столе.

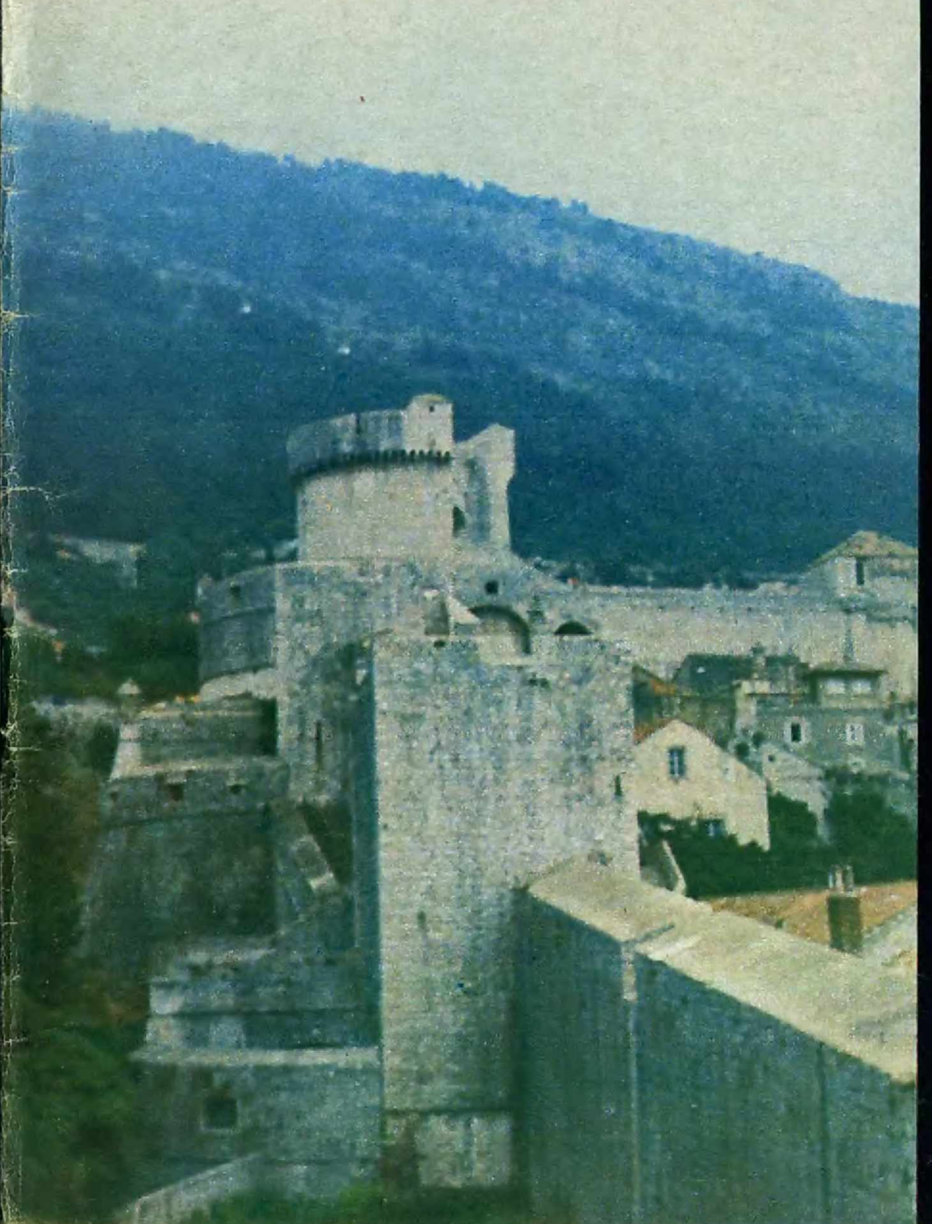
— Не жарко? — с надеждой спрашиваю я Лазаровича, и так уже загорелого до черноты.

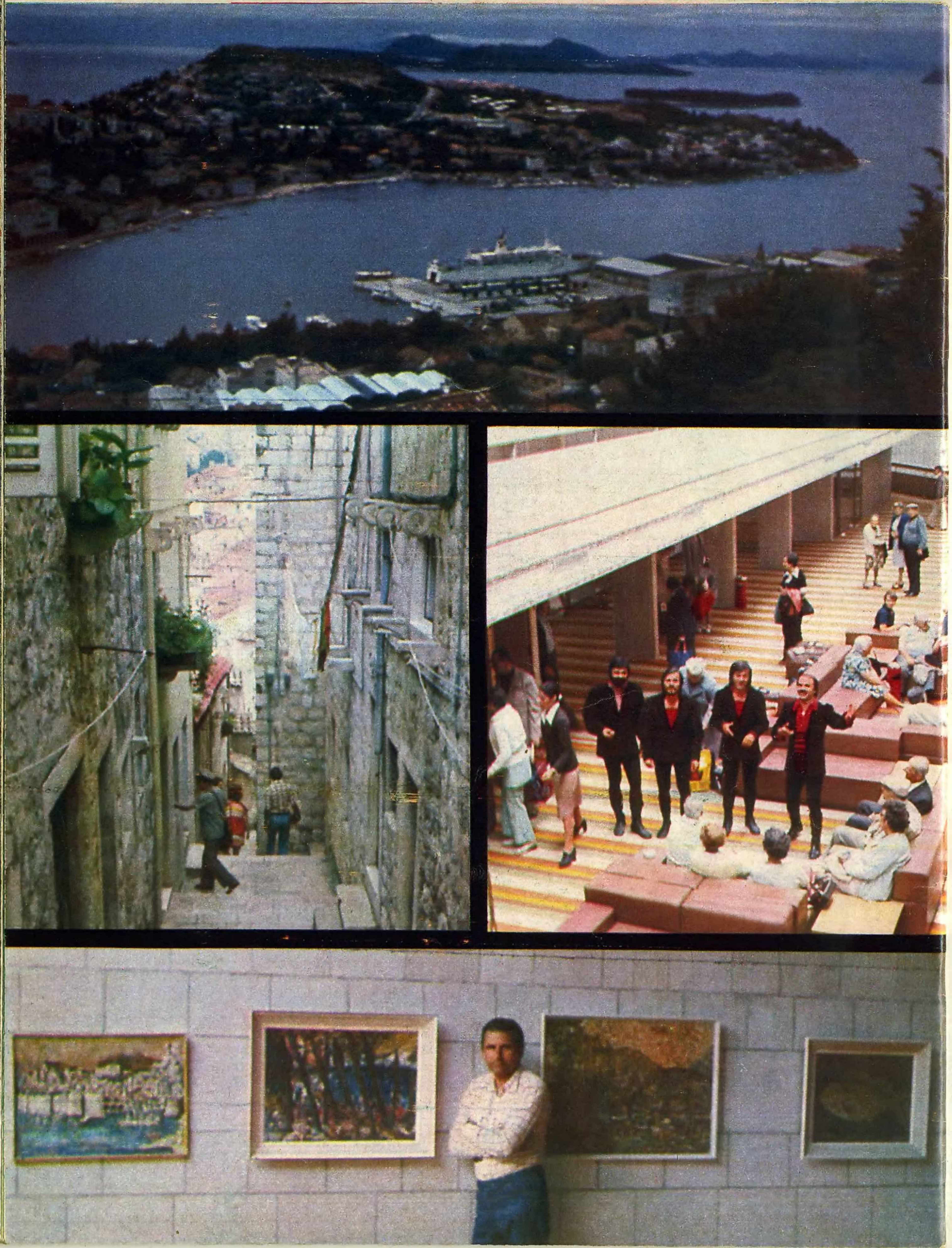
Он соглашается и показывает рукой на море, на зеленый остров вдали.

— Но зато какой вид!

Я слежу за его рукой и тут только замечаю, как этажами-уступами опускается отель к морю.

**Дубровник строится.
Могучие стены старого города.
Здесь всегда много туристов.**





— Вот он, отель, — улыбается Лазарович. — Каждого, кто остановится здесь, ждет прекрасный вид на море, балкон, залитый солнцем, и искусственный климат в номере. Такое архитектурное решение позволяет нам не нарушать исторически сложившийся городской ландшафт и природу Дубровника. Никаких отелей-небоскребов! Наша гостиница словно обтекает прибрежную скалу. Полностью вы можете увидеть ее только с моря.

Михо Лазарович воодушевляется:

— Шестнадцать месяцев назад начали строительство комплекса, а сегодня уже прибыли первые туристы! Построим вторую очередь — сможем принимать пять тысяч человек.

— Пять тысяч?! — с сомнением говорю я. — Это уже не отдых, а вавилонское столпотворение...

— Никакого столпотворения! — В голосе инженера явственно угадываются интонации матери, у которой несправедливо обидели ребенка. — Небольшая прогулка — и вы все поймете.

Инженер Михо Лазарович.

— Оглянитесь,— предлагает Лазарович, когда мы выходим из гостиницы.— Видите другие отели комплекса? Нет? Еще бы! Они так удалены друг от друга и так ловко вписаны в местность, что человек не чувствует никакой скученности. Не будет большого греха, если я скажу, что здесь действуют две силы — центробежная и центростремительная. Отели, многочисленные рестораны, бары, а следовательно, и отдыхающие максимально рассредоточены. А сама система сервиса, кстати, полностью автономная, строго централизована, имеет единый центр управления. Нет такого вида услуг, который мы не смогли бы предложить здесь.

Мы идем от отеля к отелю по дорожкам, совсем недавно заасфальтированным, мимо только что разбитых розариев. Лазарович подробно рассказывает о том, как шла работа над проектом комплекса, о том, как строили «Бабин кук», о скоростном методе укладки бетона... Слушая увлеченный рассказ инженера, я вдруг подумал о том, что каждому строителю и архитектору, наверное, хочется построить такое здание — неважно, дворец это или жилой дом,— чтобы крыша его касалась облаков, чтобы люди, завидев сооружение издали, говорили: эту громаду строил имярек!

Но только один, наделенный редким чувством гармонии и ответственности перед будущим, знает, что и где нужно строить, а другой, лишенный этих небесполезных качеств, идет напролом. Строитель лишь материализует замысел архитектора, но насколько удачнее получается, если их эстетические принципы совпадают!

— А что думает по этому поводу инженер Михо Лазарович?

— Я вырос среди рыбаков острова Шипан. Это там.— Инженер кивает на море.— Каждый год стараюсь съездить на родину. Маленький остров, а какие прекрасные люди! Я для них свой. Зовем друг друга по имени. Идем в море. Никто тебе не надоедает, можешь промолчать хоть целый день...— Он задумчиво качает головой.— Красив наш Шипан! Леса, глушь, а вокруг одно море. Моя мечта — построить на Шипане большой отель, чтобы приезжали туристы, чтобы изменился образ жизни моих земляков... Но я не стал бы строить модерное «нечто», не испортил бы остров памятником безвкусице. Все должно быть гармонично. Возьмите Дубровник. Разве нечему поучиться у старых мастеров? Мы же строим не на пустом месте, начинаем не с нуля!

— Что означает «Бабин кук»? — спрашиваю я Лазаровича при расставании.

Он смеется. Смотрит на Дражко Бубрешко.

— Бабушкин бок! — говорит тот.— Нравится?

Машина мчит по улицам Дубровника мимо белых домиков, построенных из природного тесаного камня и увитых цветущими розами и олеандрами, мимо многочисленных отелей. Пестрые толпы туристов идут по улицам.

Уже вернувшись из Югославии домой, я заглянул в «Спутник туриста», выпущенный в Петербурге в 1906 году. На все югославское побережье Адриатики, находившееся под властью Австро-Венгрии, там был отведен один абзац, а про Дубровник сказано: «Рагуза. Старинный город, прежде венецианский, у подошвы горы Сергио». И никакого намека на курорт и туристов.

В 1975 году Дубровник, одну из жемчужин Социалистической Федеративной Республики Югославии, посетили около миллиона четырехсот тысяч туристов.

◀ Гавань и порт.
Крутые ступени старых улиц в «Бабином куке».
Ансамбль «Дубровницкие трубадуры».
Художник Милорад Глухаич.

В ГОСТЯХ У ЛАЛИЧА

Мы с Бубрешко ехали из Дубровника в Херцегнови на встречу с одним из популярнейших югославских писателей, Михайло Лаличем. Я уже привык к тому, что Дражко прекрасно говорит по-русски, а тут он вдруг запел. Русскую песню. Я поинтересовался, откуда он так хорошо знает русский язык.

— Случай помог. Мне с детства хотелось выучить русский. И вот, когда стал учиться в гимназии, попал к русскому учителю, Ване Феофилактовичу. Старый человек... Я думаю, Феофилактович был эмигрантом. Правда, сам он никогда об этом не говорил, но мы догадывались. Очень он по России тосковал. Учил нас русским песням... Чаще грустным. Запоет и вдруг заплачет. Тоскливо без родины.

Херцегнови... Оставив машину в центре, шагаем по узким улочкам, по набережной в поисках дома Лалича. Спрашиваем первого встречного — каждый знает писателя и с удовольствием помогает нам отыскать кратчайший путь.

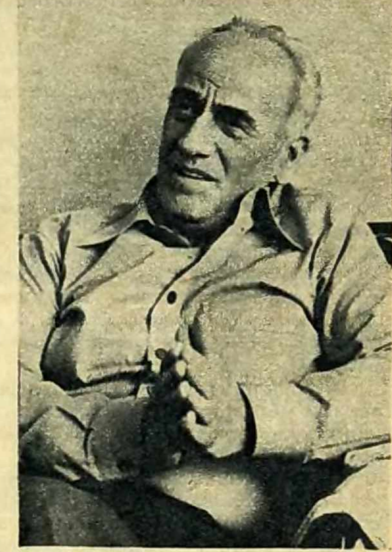
Имя Михайло Лалича, его романы широко известны не только в Югославии, но и за ее пределами. Коммунист-подпольщик в предвоенные годы, участник борьбы с фашистами в Черногории, Лалич нарисовал яркую и достоверную картину партизанской войны. Его романы «Лелейская гора», «Свадьба» и другие произведения переведены на русский язык. А впервые советского читателя познакомил с Михайло Лаличем журнал «Огонек».

...Небольшой, увитый цветущим олеандром дом на берегу моря. Рядом с домом — пляжи, шум прибоя, распластанные на горячем песке бронзовые тела отдыхающих. По крутым каменным ступеням поднимаемся в дом. И первый, кто встречает нас,— землячка Татьяна Вирта, давняя переводчица произведений Лалича на русский язык.

Лалич сухощав, сед, плотно сжаты темные губы, глубоко посаженные глаза внимательны и серьезны. В них не прячется ничто затаенное. Хорошие глаза, которым сразу веришь. Открытый, прямой взгляд.

Писатель неторопливо рассказывает о себе, о том, как пришел в литературу, как начал писать.

— Первый импульс дал Максим Горький,— говорит Лалич.— Прочитал я его «Детство» и подумал: что это за писатель такой, горький? Недоволен жизнью, сердит, пишет о простых людях. Горький научил меня тому, что действительность можно передать словом. А потом, во втором классе гимназии, познакомился с книгами нашего Иво Андрича и открыл для себя, насколько интересны обычные люди, те, кто тебя окружает. Я понял, что они могут стать интересными и для других, если написать о них интересно. Мне казалось, что Андрич пишет о моем Иванграде, о селе Трепча, в котором я родился... Через Горького я понял, что литература может бороться за светлые идеалы. Вот и пишу...— Лалич улыбается доброй улыбкой.— Здесь, между морем и горами, хорошо дышится. Встаю в пять утра. Работаю до одиннадцати-двенадцати часов. (Татьяна Николаевна Вирта рассказала нам, что каждый день после работы, в час дня, Лалич идет один в горы. Подумать в тишине... «Сон наяву, — говорит он сам об этих восхождениях.— Далеко видно с гор».)



Михайло Лалич.

— Не так давно напечатан мой новый роман «Военное счастье». Опубликован в журнале, выходит в издательстве «Нолит» десятитысячным тиражом. Для Югославии тираж очень большой. Роман непростой, я думаю, читатели будут о нем спорить. «Военное счастье» — первая книга многоплановой эпопеи, над второй книгой я продолжаю работать. Она называется «Заточници»...

— По-русски, наверное, узники? — спрашиваю я.

— Нет, нет...— Лалич качает головой.— Не могу подобрать синонима. Знаете, есть у черногорцев народная песня времен турецкого владычества. Один турок вызвал на поединок древнего старика. Кому не ясно, чем это кончится? Но другой черногорец, молодой и сильный, выходит драться вместо старика. Это старая черногорская традиция. Таких людей называют заточници...

— Заступники — вот, пожалуй, самое близкое значение,— говорит Дражко Бубрешко.

— Пожалуй. В книге, над которой я работаю, действие происходит в нынешнем веке и в прошлом. Это как бы панорама нашей жизни за столетие. Течение времени непрерывно... Один из главных учителей — история. Только не всегда мы слышим голос этого учителя среди многих других голосов. Моя книга будет дневником нового времени, поверяемым столетней историей.

— Чем, на ваш взгляд, должен обладать молодой писатель,— кроме таланта, разумеется! — чтобы добиться успеха? — спрашиваю я.

Писатель улыбается, разводит руками.

— Если бы кто-то знал это точно! — Он задумывается, смотрит в окно, на море, словно вспоминает что-то далекое, и продолжает: — Наверное, не обойтись без влюбленности в литературу, в литературный процесс. И без постижения жизненного опыта! Иногда слышишь: мо-

лодой писатель должен изучать жизнь. Я думаю, писатель должен не изучать жизнь, а жить. Жить вместе с народом, жить его радостями и заботами. Пусть от простого смертного его будет отличать лишь способность постичь, осмыслить суть этой жизни и высказать ее в печатном слове. И еще: писатель должен любить человека.

— Но это все очень субъективно, — тут же оговаривается Лалич. — Могут быть и другие мнения...

Мы прощаемся. На улице жара, с пляжа доносится смех, веселые крики детей. От раскаленных плит лестницы веет жаром. У калитки стремительной молнией пересекает дорогу маленькая змейка...

ХУДОЖНИК МИЛОРАД ГЛУХАИЧ

Как-то вечером в одном из холлов гостиницы «Либертас» обнаружил я выставку работ художника Глухаича. По стенам было развешано более пятидесяти работ, на некоторых имелись таблички «Куплена». И цены — от тридцати до ста пятидесяти долларов. О самом художнике на афише было сказано очень скупо: «Милорад Глухаич, родился в 1932 году в Дубровнике. Участвовал в коллективной выставке в ФРГ в 1975 году. На первомайской выставке «Дубровник-1976». Техника: масло, акрилак, темпера, графика».

Я ходил по залу, разглядывая работы. Многие мне очень нравились, особенно пейзажи Дубровника. Яркие, сочные, смелые, они весьма точно соответствовали моим первым впечатлениям от города. Какой-то высокий мужчина, одетый в джинсы и голубую рубашку, остановился рядом и о чем-то спросил меня. Я не понял. Он повторил:

— Нравятся ли вам работы?

— Нравятся.

Мужчина оживился:

— Я художник Милорад Глухаич. А вы русский?

И без всякого перехода стал объяснять, путая английские и русские слова, что хотел бы подарить русскому свою картину. На добрую память о Дубровнике.

— В прошлом году мне посчастливилось побывать в Москве и Ленинграде. Я полюбил русских, Советский Союз...

Мы разговорились.

Велико было мое удивление, когда я узнал, что Милорад работает электриком в аэропорту, а живописью занимается в свободное время. Отец — крестьянин, мать — из рыбацкой семьи. Глухаич еще мальчиком любил лепить фигурки из глины. Однажды его родственник, такой же, как и он, гимназист, попросил Милорада выполнить за него школьное задание — вылепить голову человека. Увидев эту голову, учитель, известный дубровницкий скульптор Митрович, с пристрастием расспросил своего ученика и доискался до истины. Так у Глухаича появился первый учитель-профессионал, советы и помощь которого были неоценимы.

Закончив гимназию, Милорад стал работать в аэропорту, потом учился в техникуме. Обзавелся семьей, двумя дочерьми... Десять лет руки не прикасались к глине. Но, если у человека есть талант и человек не погубил его вольно или невольно в погоне за сиюминутным призрачным благополучием, талант рано или поздно расцветет.

На теннисном корте Милорад познакомился с художником Иованом Обичаном. Оба прекрасные игроки, у Глухаича даже диплом тренера по теннису. Однажды Милорад показал художнику свои старые скульптуры. Они были одобрены. Вместе с Обичаном Милорад лазил по горам, искал глину, чтобы снова лепить.

— Но после встречи с Обичаном меня уже не интересовала скульптура, — смеется Глухаич. — Меня интересовал Обичан и его живопись.

Милорад стал часто бывать у художника, подолгу смотрел за его работой. Обичан подарил Глухаичу первые краски и холст. Сказал: работай!

Глухаич не стал учеником Обичана—он не заимствовал его художественный метод, манеру письма, — но именно встреча с Обичаном, общение с ним дали тот толчок, который вывел из состояния покоя способности Милорада.

— В картинах Обичана всегда чувствуется обобщение, в них есть что-то от карикатуры, — говорит Глухаич. — Его люди всегда смеются с картин. А мне хотелось писать сцены из жизни, хотелось писать портреты простых людей. Я люблю подолгу, незаметно рассматривать лица людей, искать в них индивидуальность, характер. Не помню, кто очень верно сказал, что самая занимательная поверхность на земле — человеческое лицо... Были у меня и неудачи. Как-то написал портреты своих детей. Считал, что получилось хорошо. А Обичан сказал: «Очень хорошо, но это фотографии». Я стал изучать импрессионистов.

— Судя по выставке, один из главных ваших героев — Дубровник?

— Когда мне говорят: «Дубровник красив», — я смотрю и вижу: действительно красив. Но если бы он не был красив, я рисовал бы его тоже. Это мой Дубровник, и потому я его рисую. Рисую его крепости и дома, его природу. Она неисчерпаема. Ее простота лишь кажущаяся. Разве вы не согласны?

А я вспомнил изречение одного старого философа о том, что благородная простота в произведениях природы весьма часто заключается в благородной близорукости того, кто наблюдает природу.

Иован Обичан писал о художнике: «Смотреть и анализировать картины Мила Глухаича — удовольствие для каждого, кто любит и знает искусство... Он умеет нырнуть в глубину художественной проблемы и там находит окончательное решение... Глухаич всегда внимательно глядит в жизнь, следит за ее проявлениями, строит жизнь под нашим ядранским солнцем. Это человек, который твердо стоит на земле. Его принципы — познать глубину мира, серьезность, неизменная радость жизни».

* * *

Три встречи... Строитель, выдающийся писатель, художник-самоучка. Три непростых, разных судьбы... И в этих судьбах одно общее — их слитность с судьбами народа.

Грегорио, друг Эрнесто

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки И. УШАКОВА

Грегорио снова улыбнулся:

— Он меня то «маленьким» называл, то «вьехо», и я его называл по-разному: сначала сеньор Хемингуэй, потом дон Эрнесто, а уж после — Папа... Я люблю всех называть по-разному: нашего патрона Луиса я зову Луисито или «гальего» — галисийцем... Кстати, ты говорил, Хулиан, что бывал у меня на родине на Канарских островах, в Лас-Пальмасе... Изменился ли город? Как он выглядит?

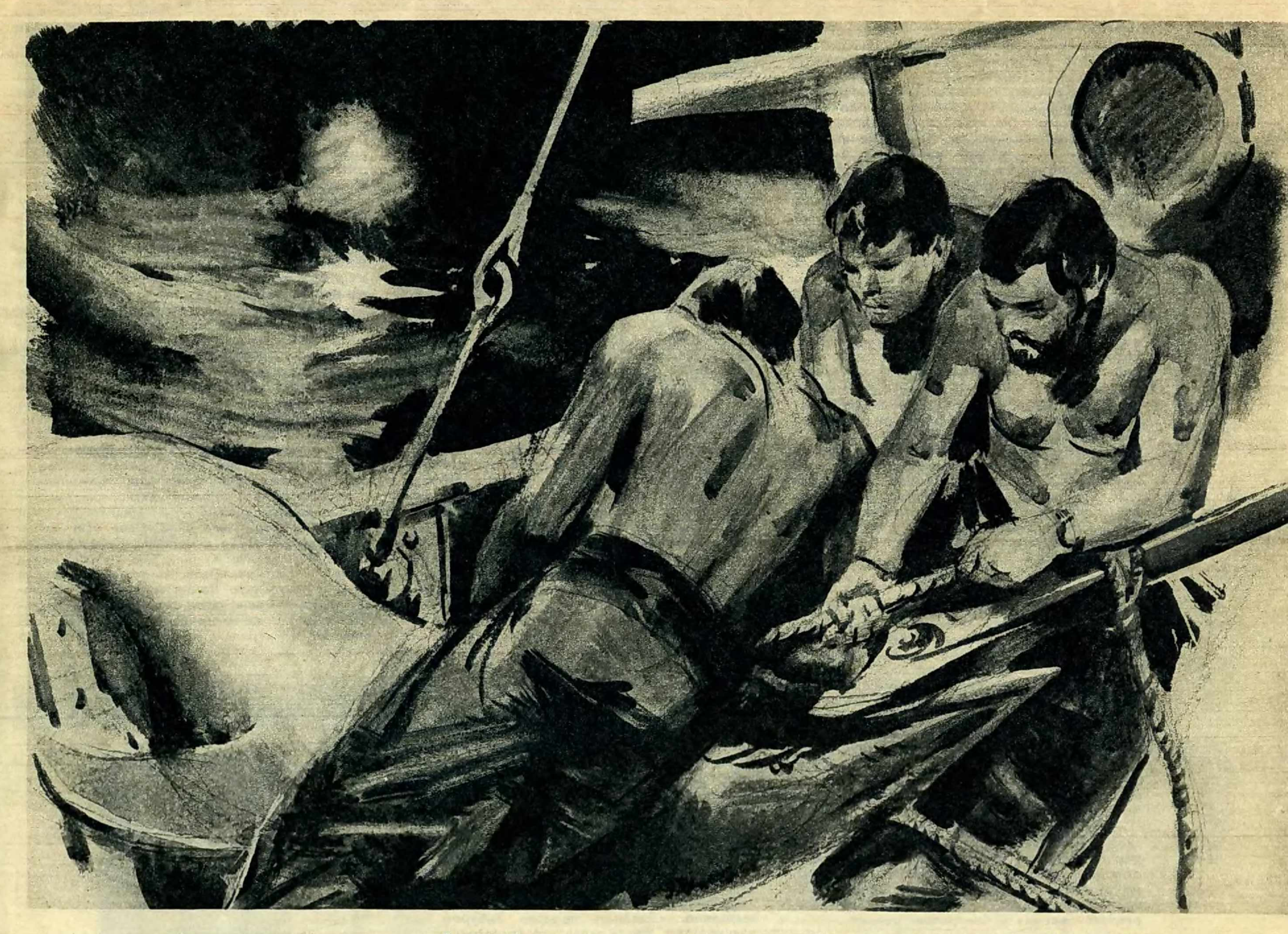
(Я понял, что Грегорио, вроде Папы, перепроверяет меня и, наверное, немного ревнует, потому что раньше он был один на всем северном берегу Кубы, кто жил на Канарских островах, а я неосторожно сказал, что прилетал туда три раза, и ездил в горы, и жил на «Плайя-Инглез», и видел, как моряки дерутся в порту на рассвете — молча и страшно, а вокруг них стоят сутенеры и наблюдают драку, а чуть поодаль, возле грязных провалов ворот, которые уводят в лабиринт трущоб, жмутся мелкие жулики, которые схватят того матроса, которого сшибли кастетом, поволокут его в темень, разденут, отберут деньги и снимут часы, чтобы перепродать их наутро индийским купцам.)

— Вообще-то, — ответил я, — Лас-Пальмас — странный город, и сказать, что он нравится мне, будет неправдой, Грегорио. Очень уж он разделен, будто три разных города в одном: там, где торговый порт, очень пыльно и грязно — одни пакгаузы, и переулочки вонючие, и домишки облупившиеся, дряхлые, с пыльными или битыми стеклами в окнах; торговый центр полон «жучков», того и гляди обчистят; а вот плайя, где стоят пятизвездочные отели, — это другая сторона косы, — там красиво, и кажется, что нет вокруг ни грязи, ни драк, ни темноты: только пять километров сыпучего белого песка, и если смотреть сверху, то, наверное, этот пляж покажется шпагой, которую стремительно вонзили в синее тело моря.

Грегорио затянулся «табако», легкая ухмылка тронула его красивый рот, и он сказал:

— Я никогда не врал Папе, поэтому, видно, мы с ним так дружили. А что значит не врать другу? Ведь друг никогда не посмеет спросить: где ты пил, с кем спал и кто поставил тебе синяк под глазом? Спрашивать про т в о е, что принадлежит одному лишь тебе, — это не те вопросы, которые задают друзья. А если они начинают задавать такие вопросы, значит, не такие уж они тебе друзья. Другое дело, коли ты сам решил поделиться, — значит, тебе это надо, значит, ты ищешь помощи, тут друг должен быть рядом. А если он ставит тебе вопросы, на которые неприятно отвечать, — значит, он хочет унизить тебя, показать свою над тобою власть, — какая уж тут дружба?! Папа всегда чувствовал, если человек говорил ему неправду. Но он не доверял чувству, он долго лазал по своей библиотеке, читал, находил в книгах и альбомах подтверждение тому, что человек лгал, и уж после этого отказывался видеть того, кто врал ему, или, если тот все равно приходил — есть и такие наглецы, — Папа становился словно большая ракушка: замыкался в себе и молчал... Помню, он пригласил меня в Перу: там снимали фильм про то, как ловят рыбу. Папа очень ругался с киношниками, они много выдумывали от себя, и поэтому он решил лететь

Окончание. См. «Огонек» № 3.



с ними в Перу, чтобы все держать под контролем. Он им каждую мелочь показывал: как крючок привязывать, как леску держать, как рыбу вести на глубине и как подтягивать ее к яхте. Так вот, купил он билеты в Лиму и сказал: «Грегорио, надень пальто». Я удивился и спросил, зачем надевать пальто, которого у меня, кстати, нет? «Я прошу тебя надеть пальто,— повторил Папа,— мое пальто, черное, длинное, очень красивое. А под этим длинным красивым пальто ты спрячешь две фляжки с виски. Я тоже надену пальто, только белое, и тоже пронесу с собой две фляжки виски, потому что, как выяснилось, эта дрянная авиакомпания не позволяет на борту пить виски, а я не могу летать, если не промочу горло хорошим глотком». Мы с Папой пришли в аэропорт, как два контрабандиста, все смотрели на нас со страхом, и Папа сказал, что, если спросят, отчего мы надели пальто, надо будет ответить, что нас трясет лихорадка. Я ж говорю, он не умел врать: разве лихорадочных пустят в самолет?! Дожидаясь рейса, мы взмокли, как мыши, все волосы слиплись, борода у Папы стала всклокоченной, зато как же нам было хорошо, когда Папа, миссис Мэри и я хлебали виски из наших пузатых фляжек! Папа именно тогда сказал: «Я тебе верю, старик! Я только потому пью с тобой, что верю, и мне спокойно, когда ты рядом. Мне ведь и с врагами приходится пить, а раньше приходилось еще больше! Но это — н у ж н о было, а вот с тобой пить — это в радость...»

— Эй, вьехо! — крикнул Томас.— К столу!

Мы спрыгнули с носа нашей шхуны к «макине», на которой был накрыт стол: черная фасоль с рисом, жареная рыба и ром, чуть разбавленный сладким сиропом и вдосталь смешанный с лимоном, тонкокожим, сочным — кубинским, одним словом.

— Я не буду есть, Томас,— сказал Грегорио.— Большое спасибо, все очень вкусно, но я не стану. Я никогда не ем, когда ловлю рыбу,— пояснил он мне,— ведь сытого человека тянет в сон, а на рыбалке нельзя смыкать глаз. Когда мы рыбачили с Папой, я никогда не спал, я все время высматривал рыб, они же хорошо видны с рубки, их чувствуешь поначалу, а уж потом видишь. Папа тоже не ел, когда рыбачил,— он был очень хорошим рыбаком, это правда. Только один раз я не узнал его: это когда он тащил в Перу ту рыбу-меч, которая стала его трофеем, раньше я таких громадин и в глаза не видел. Он часов пять тащил ее, и когда почти подвел к лодке, агуха дрогнула и рванулась, удилище согнулось чуть не пополам, а потом хрустнуло и обломилось. «Старик, скорей, старик!» — закричал тогда Папа, и я впервые в жизни услышал испуг в его голосе. Я остановил движок и бросился к нему. Я увидал испарину на лбу Папы, увидал кровь на руках, все понял, бросился за вторым удилищем и в самый последний момент успел перевязать леску на это, целое, и он снова начал водить агуху, а это была тяжелая работа, до кровавого пота, почти такая же, как у того старика, про которого он писал свою книгу.

— Эрнесто Хемингуэй понимал толк в нашем деле,— согласился патрон Луис.— Я слышал, как он говорил в Кохимаре седому артисту, который играл роль Старика, про людей нашей профессии. Он говорил по-инхему, на языке янки, но когда увлекался, начинал объяснять на кастельяно,— разве на другом языке объяснишь, как надо ловить рыбу в Карибах? Хемингуэй — тут Грегорио прав — никогда не дышал ноздрями и был такой же, как все мы, небритый, в шортах, часто босой. Если б не акцент — кубинский рыбак, да и только.

— Но писал он без ошибок,— сразу же вступился Грегорио,— без единой ошибочки, какой уж тут акцент...

— Так ты ж читать не умеешь, вьехо,— сказал Томас.

— Зато я умею слушать,— ответил Грегорио,— а он читал мне, если я просил, а когда он кончил «Старика и море» — а это было ночью, на «Пилар»,— он вышел из каюты и сказал: «Малыш, я сегодня закончил одну книжку и так увлекся, что побил свой дневной рекорд — написал полторы тысячи слов. Такого со мной никогда еще не бывало, так что давай отметим это дело. Я считаю, что это будет вполне заслуженное «хайболито».

(Кубинцы — ласковый народ; в отличие от прагматичных каталонцев, они любят уменьшительные: они говорят не «момент», а «моментико», не «чико», а «чикитико», а вместо категоричного, американского «хайбол» говорят «хайболито».)

— Поешь хоть немного, вьехо,— сказал Хуан.— Нельзя быть всю ночь голодным. Или ты ревнуешь, как старый сервидор, готовку нашего Томаса?

— Тот, кто знает себе цену, лишен чувства ревности,— ответил Грегорио.— Я знаю, что могу готовить не хуже любого повара из пятизвездочного ресторана. Раз, помню, Папа позвонил ко мне в Кохимар из Сан-Франциско-де-Паула и сказал: «Малыш, к нам приедет один мой знакомый, он дорого стоит, у него много отелей в кармане, постарайся

приготовить что-нибудь вкусненькое: я хочу показать ему, как ловят рыбу и как готовит мой друг Грегорио». Я приготовил спагетти по-кубински, с черным соусом; тот ел и ахал и все спрашивал, как называется это блюдо, а я ответил, что это кубинское блюдо называется «коме и калья». Тот стал спрашивать, как это переводится, а Папа хохочет и не переводит. А как это перевести? Обидится гость на это «коме и калья» — «ешь и помалкивай». Папа ему тогда сказал, что это нельзя перевести, и предложил мне поехать с ним в Европу...

Грегорио вдруг отставил стакан с ромом, чуть приподнялся на носки; лицо его собралось мелкими, напряженными морщинками, а потом он воскликнул:

— Двадцать первый опрокинулся!

В длинной звездной полосе наших факелов образовалась черная пустота: первая рыба ухватила в холодной, темной глубине жирную полосатую наживку — макрель.

В долю мгновения Хуан запустил «макину» и стал к рулю, патрон Луис начал делать петлю из толстого, податливого каната, а Грегорио схватил багор, и мышцы на его руках вздулись длинными буграми.

Нос нашей «Сигмы» разбрызгивал звезды, они исчезали, поднятые волной, а потом снова зажигались, шлепаясь в темень воды, и от этих сильных ударов рождались новые звезды, только они были какими-то слишком уж для настоящих звезд юркими, словно маклеры на ипподроме.

Грегорио раскачивался медленно, вместе со шхуной, в такт волне и поэтому казался слитым воедино с морем и небом, и наша барка была частью первозданной океанской природы, она подчинялась ее законам, принимая и ветер и волну как благость бытия, ибо проявление бытия всегда разностно,— мир, лишенный ночных штормов и циклонов, которые задувают с Сан-Сальвадора, кончился бы, захирел от тоски и ленивого однообразия.

Патрон Луис включил прожектор; белый, льдистый свет его придал морю особую окраску — легко-зеленую, невероятно глубинную. Грегорио и Томас начали выбирать снасть, которая казалась сейчас нереальной, слишком уж голубой, а потому слишком тонкой, ненадежной.

— Большая рыба!— обернувшись на миг, сказал Грегорио, и я увидел, какое одухотворенное у него лицо, сколько силы в нем — отнюдь не старческой, но зрелой, гордой своим знанием и ощущением собственной умелости, подтвержденной мощью мускулов, остротой зрения и быстротою реакции.

Грегорио ощутил податливую тяжесть рыбы, когда леска натянулась, и место, где проходила зримая грань, было отмечено рваным зигзагом голубой лески: в воде она казалась толстой и надежной, очень прозрачной, а в воздухе становилась тоненькой-тоненькой, натяжной, слабенькой, вибрирующей (вот-вот оборвется), принадлежащей всей своей обреченной слабостью и непрочностью людям, а отнюдь не пучинам морским.

— Страхуй, вьехо! — выдохнул патрон Луис.— Она близко!

— Сейчас она начнет водить,— пояснил Хуан, зачарованно глядя в ярко-зеленое высвеченное слепящим прожектором море.— Если только старик прав, если это тибурон, будет драка. Эмперадор живет в глубине, он дохнет, когда его тащишь наверх, агуха тоже долго не может держаться вверху; тибурон может все.

Леска стала вроде басовой струны рояля после заключительного аккорда. Я вспомнил Вэн Клайберна в его первый приезд к нам, до того еще, как он стал Ван Клиберном, вспомнил его пальцы, потому что такие же длинные и сильные пальцы Грегорио сдерживали режущую вибрацию лески.

— Эмперадор! — сказал патрон Луис, отбрасывая свое тело назад, чтобы выбрать побольше лески.— Это эмперадор, вьехо!

И тут я увидел, как из фиолетовой провальной жути моря в зеленую его освещенность начала втягиваться серебряная ракета; потом ракета стала обретать более реальные формы: огромный нос-сабля, диковинные плавники, длинные, вкрадчивые, голубые полосы вдоль туловища. Я ужаснулся размерам рыбины, которая медленно, упружисто поднималась вверх, подвластная силе и опыту Грегорио и Томаса.

Патрон Луис прошлепал по узенькому, вздымающемуся борту нашей барки, сохраняя равновесие. Он, словно канатоходец, широко распластал руки, спрыгнул на палубу около крана, который был укреплен на носу, развязал крепежный узел и скрежещуте опустил раскачивающуюся шею крана к воде; потом так же, акробатом, перебежал на бак, забагрил рыбину, подтянул к борту и ловко, словно лассо, набросил на громадную голову узел, приготовленный им заранее, стремительно затянул его и крикнул:

— Кабальерос, к крану!

(Впервые вместо привычного «компаньеро», «товарищ», я услышал «кабальеро».)

В ту ночь Грегорио не спал ни минуты: он наблюдал за факелами. Мы взяли трех эмперадоров, агуху и тибурона-гальвана. Последним перевернул факел «тигр». Он водил нас минут двадцать; руки кровоточили, разрезанные леской; запах пота перебивал запах солярки нашей «макины»; «тигр» наконец сдался, и мы увидели его громадное тело, плавники, будто руки, серпообразную черную пасть, словно бы вспоровшую брюхо — от плавника к плавнику. «Тигр» уже был рядом с бортом, и патрон Луис держал в руке багор, а Томас зажал дубину, чтобы ударить рыбу по громадной, хищной голове, а Грегорио приготовил узел, но в это последнее мгновение расслабленное тело вдруг спружинилось; тибурон перевернулся, и вместо беспомощного белого брюха рядом с бортом вздыбилась серая, в черных полосах спина, и прежде чем «тигр» рванул вниз, Грегорио, угадав это движение, воскликнул:

— Ушел! Ушел!

Тибурон мощно двинул вниз и вбок, перевернулся резко, сверкнув белым — теперь уже не беспомощным, а хищным, «ВВСовским» алюминиевым брюхом (такие «фантомы» над нами во Вьетнаме носились), потом мне показалось, что он включил какие-то таинственные, не познанные еще реактивные двигатели; где он был только что, какое-то мгновение держалась его черная, громадная тень, а потом она исчезла, будто ничего там и не было.

Руки Грегорио ослабли, он вытер пот с висков, подтащил большой кованый крюк, разогнутый тибуроном, покачал головой и вздохнул:

— А все-таки песка вьеха не так уж плоха.

Он кивнул на номер, выведенный на перевернутой крестовине, где крепился фитиль. По белому пенопласту черной краской было выведено: «Двадцать четыре». Тибурон был как раз там, где и ждал его Грегорио.

...Выбрав снасть, мы взяли курс на Кохимар. Голубоглазый патрон Луис, заросший жесткой, рыжеватой, истинно галисийской щетиной, прикорнул на корме. Томас устроился поспать на палубе, возле движка; Хуан стоял у штурвала, а Грегорио сидел на носу «Сигмы», смолил «табако», любовался восходом, и в его прозрачных голубых глазах отражались багряные облака, пронизанные густой синевой.

— Грегорио, а отчего Папа застрелился?

Он пожал плечами.

— Он не мог поступить иначе. Он прислал мне открытку из Испании, с последней корриды в Памплоне. Он писал, что очень сильно похудел, что весит он не сто девяносто фунтов, как обычно, а сто пятьдесят. «Я съел слишком много «марискос» в моей жизни,— писал Папа,— и теперь врачи не знают, как им освободить меня от них; все эти креветки и морские ежи, словно ракушки, нарастающие на киле, облепили мои кишки». Он всегда подшучивал над собой, Папа. В тот последний год, когда он жил у нас, незадолго уж перед его отъездом, мы вышли в море. Он поймал двух хороших жирных дорадо — это глупые, красивые и вкусные рыбы. Я приготовил ему хайболито,— я знал, что ему надо приготовить, я по лицу его определял, что он хочет, по глазам. Он, кстати, тоже знал, что для меня надо приготовить, когда я ночью стоял на вахте во время войны и вел «Пилар» через протоки в маленьких островах. Я с радостью готовил ему и хайболито, и дайкири, и мохито, потому что надо понимать меру работы каждого: ему жизнь-то в радость была только на море, все остальное время он думал, как надо писать. Как же мне не готовить ему вкусные хайболито, если он не для себя жил — для всех?! Это только темные люди не понимают, как это приятно ухаживать за такими, как Папа,— сколько их на земле-то?! Так вот, он поймал дорадо, и я приготовил ему выпить, а он стал очень грустным и сказал: «Знаешь, вьехо, у меня вроде бы рак крови. Если это так, тогда плохо мое дело. Это долгая болезнь, это не рак живота, где все кончается за полгода. Этот рак лечат. А я позволяю ухаживать за собою, только пока здоров. Если я пойму, что мои дела плохи, я все решу сам, я никому не позволю делать из меня промоченный матрац, который днем сушат на солнце...» Я не удивился, когда узнал, что Папа сделал с собой. Мне только стало очень одиноко, но я не был удивлен, как другие. Я тогда здорово выпил, пошел на берег и долго смотрел на море. Я-то Папу знал не по фотографиям, и не так, как знали гости, которые приходили к нему на часок-другой, и даже не так, как знали его те американцы, которые давали ему задания во время войны: они-то служили, звания себе зарабатывали, звезды, а его никто не заставлял, он был человеком долга и очень не любил фашистов... Папа был очень сильный человек, и когда он заболел, он, как все сильные, испугался своей слабости, потому что слабый не может делать добро — это труднее, чем пакостить, наушничать, сплетничать; зло делать легко, зло может любая сопля сделать, а вот для того, чтобы делать добро, нужна сила. Папа всю жизнь делал добро. Даже в мелочи... Семья нашего героя команданте Камила Сьенфуэгоса жила рядом с домом Папы, и это была бедная семья, поэтому-то Камил и ушел в революцию. Камил Сьенфуэгос очень дружил с детьми Папы, когда те приезжали к нему на каникулы, и играл с ними в бейсбол. Но

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Ушел от нас старейший огоньковец Сергей Григорьевич Егоров. Он рано начал трудовую жизнь. После окончания энергетического института работал на московских предприятиях инженером-электриком. Но читатели знают его как остроумного и неутомимого журналиста, который на протяжении десятилетий был автором и организатором раздела кроссвордов, вдумчивым и доброжелательным наставником сотен и тысяч любителей занимательных задач. Его перу принадлежат книга «Занимательная крестословица» и много забавных юмористических рассказов. Он был добрым, отзывчивым товарищем.

ОГОНЬКОВЦЫ

у мальчиков были белые формочки, как у взрослых бейсболистов, а Камил бегал в рваных трусах. Тогда Папа сшил ему точно такую же форму, как своим мальчикам. Кто-то из Сан-Франсиско-де-Паула стал благодарить дона Эрнесто. Он рассердился: благодарить надо за храбрость или нежность, больше не за что.

Грегорио вздохнул, и морщины на его лице разошлись, сделались не такими, как обычно — рублеными, глубокими, резкими, а мягкими — старческими.

— Поспите,— сказал я,— хоть часок.

— Нет. Пора будить наших, видишь — земля показалась.

— Скоро устроим хорошую плайю,— сказал патрон Луис, проснувшись.— Только подойдем еще поближе к берегу, чтобы обезопасить себя от тибуронов: их сейчас плывет за нами штук двадцать по меньшей мере. Грегорио станет смотреть за водой, а мы нырнем с борта и хорошенько поплаваем в море.

— Луисито,— откликнулся Грегорио,— я тоже хочу поплавать. Ты патрон, тебе и следить за водой.

— Утонешь, вьехо!

— Только вместе с твоей шхуной,— ответил Грегорио.

— Ты лучше нас заметишь тибуронов в море,— сказал патрон Луис,— ты их чувствуешь, вьехо. Ты же почувствовал тибурона на двадцать четвертом факеле, тебе и следить.

— Луисито,— сказал Грегорио,— ты помнишь, как я устраивал мою дочь учительницей, еще при Батисте?

— Помню.

— Ты знаешь, как это было трудно?

— Знаю.

— А тебе известно, что я сказал тому начальнику, от которого зависела ее судьба?

— Мне это неизвестно,— ответил патрон Луис.— Меня же там не было, а я верю только тому, что вижу сам.

— Так вот, я сказал тому начальнику,— Грегорио тронул себя за левый бок, где раньше кубинские моряки носили пистолет или наваху,— что таскаю эту штуку не украшения ради, а для того, чтобы убить или быть убитым. Начальник стал суетиться и просить меня не грозить ему. А я ответил, что он меня неверно понял: я не умею грозить — я умею убить или достойно принять смерть самому... И моя дочь получила место учительницы. Так вот, я не потерплю оскорблений. Запомни это, мой маленький. Буду я купаться или нет?

— Нет,— засмеялся патрон Луис и прыгнул в соленое, упругое, бездонное, податливое, голубое море и поплыл навстречу близкому дну, усыпанному громадными ракушками. Но дно только казалось близким, оно было далеко от патрона Луиса, и он вынырнул из глубины, словно пробка, а Грегорио ласково посмотрел на него, покачал головой, взобрался на нос и начал высматривать тибуронов.

Мы долго купались, а он сидел на солнце расслабившись, изредка поглядывая на нас, и ворчал добродушно:

— Ну, только поднимитесь, я задам вам всем на орехи...

Когда же мы собрались вылезать и подплыли к борту, он вдруг закричал страшно:

— Тибурон!

Патрон Луис покачал головой:

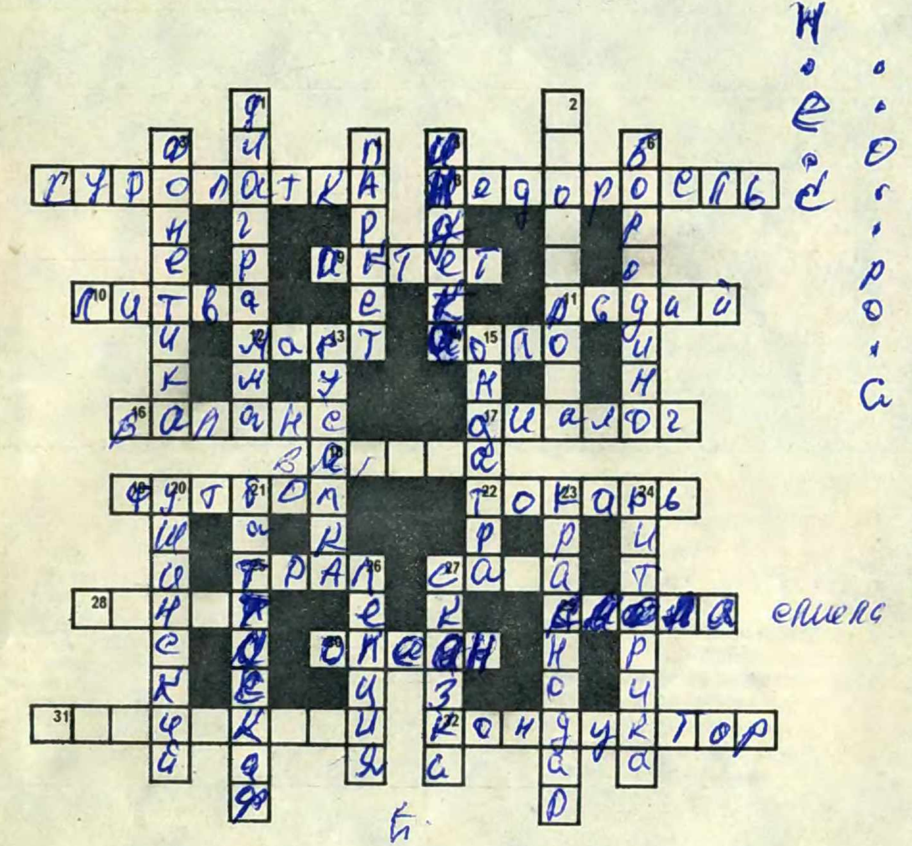
— Он шутит. Когда опасно, Грегорио говорит очень тихо, буква к букве.

А потом мы сделали прощальный обед, и Грегорио рассказал:

— Перед самым отъездом Папа предложил: «Малыш, хочешь уехать со мной?» А я ответил: «Папа, ты же знаешь, на Плайя-Хирон плохо, в горах появились бандиты из Майами, а я умею неплохо стрелять из автомата, я милисьяно, и потом, ведь я кубинец, Папа». Он тогда сделал нам два двойных хайболито, протянул мне и ответил: «Я тебя понимаю, вьехо. Пожалуй, ты прав: жить можно везде, умирать надо с родиной».

Грегорио поднял свой стакан, посмотрел на свет — в роме было много желтого, раскаленного солнца, и холод льда тоже был в нем; он выпил до дна — медленно, сладко и горько, потом отошел в сторону, снял старенькие кеды, положил под голову брезентовую сумку, вытянулся во весь свой рост и сразу же уснул. Его седые мягкие волосы осторожно трогал бриз, и они шевелились, к старости волосы сделались мягкими, шелковистыми. Дышал он глубоко и спокойно, огромные руки его лежали около лица расслабленно, но недокуренная «табако» была тем не менее зажата между указательным и большим пальцами. Он улыбался во сне. Что снилось Грегорио? Папа? Рыбы, которых они ловили? Долорес, с которой он провел «разъяснительную беседу» шестьдесят лет назад и которая с тех пор любит его и принимает таким, каков он есть? Холодное тело немецкой подводной лодки, медленно всплывавшей из воды? Земля Испании, куда он впервые ступил семьдесят лет назад? Не знаю. Мне отчего-то казалось, что ему снились львы, которых он видел в Африке и про которых говорил Папе; огромные львы, совсем не похожие на тех, что живут в зоопарке и едят разрубленное мясо из рук хмурых смотрителей, которые к слову «свобода» относятся как к морфологической данности, но отнюдь не как к такому понятию, которое определяет человеческое счастье.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Птица отряда куриных. 8. Комедия Д. И. Фонвизина. 9. Ансамбль из восьми исполнителей. 10. Союзная республика. 11. Химический элемент, металл. 12. Картина И. И. Левитана. 14. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 16. Равновесие. 17. Разговор между двумя или несколькими лицами. 18. Ящерица. 19. Спортивная игра. 22. Специальность рабочего. 25. Большая рыболовная сеть. 27. Поэма Н. А. Некрасова. 28. Порт во Франции. 29. Сок хвойных растений. 30. Водное пространство. 31. Итальянский композитор XIX века. 32. Работник транспорта.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Графическое изображение соотношения величин. 2. Украинский философ и поэт XVIII века. 3. Раздел языкознания. 4. Дощечки для настила пола. 5. Список, указатель, перечень. 6. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 13. Опера А. С. Даргомыжского. 15. Пушной зверек. 20. Основоположник русской педагогической науки. 21. Камера для глубоководных исследований. 23. Краевой центр в РСФСР. 24. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 26. Занятие в высшем учебном заведении. 27. Литературный жанр.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. Транзистор. 7. Лемешев. 8. Аризона. 9. Карнавал. 16. Пингвин. 17. Барабан. 18. «Рожь». 19. «Парижанка». 20. Навигация. 21. Кито. 22. Динамик. 24. Мезолит. 26. Барельеф. 31. Дилижан. 32. Никитин. 33. Аристотель.

По вертикали: 1. «Мачеха». 2. Шторка. 3. Предлог. 4. Твен. 5. Роза. 6. Гондола. 10. Рефрактор. 11. «Вольность». 12. Виварий. 13. Кипарис. 14. Ганимед. 15. Ванилин. 23. Афалина. 25. Обочина. 27. Акация. 28. Енисей. 29. «Аида». 30. Миль.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 3/I 1977 г. А 09204. Подп. к печ. 18/I 1977 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 290. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 3264.

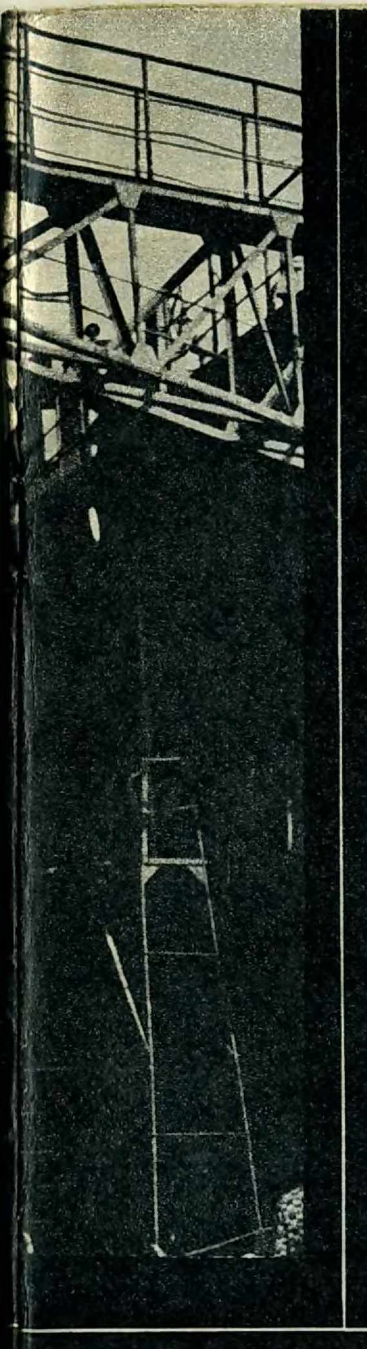
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

На последней странице обложки: На зимовке. Фото А. Бочинина.

В ожидании балтийской волны.

МОЛОДОСТЬ В ДРЕВНЕ

Плавная мелодия Ыйсмяэ.



Н. ХРАБРОВА
Фото В. САЛЬМРЕ

Й ОПРАВЕ

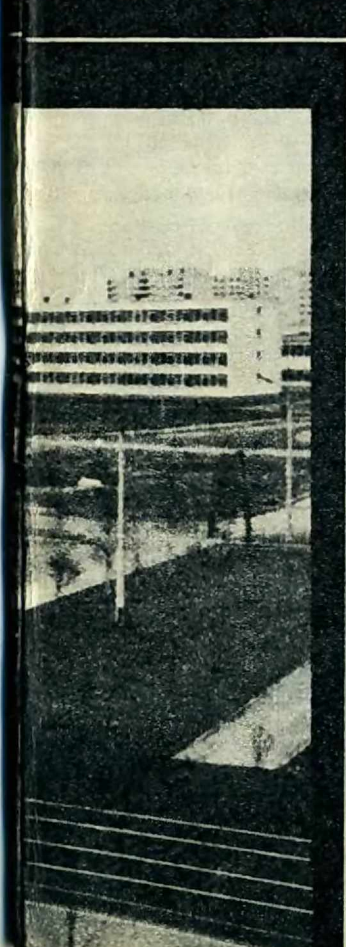
Каждую осень наш город сопротивляется холодам изо всех сил. Разноцветные деревья неслышно и невесомо подолгу стынут в штилевом воздухе, потом налетает норд-ост, швыряет нам в глаза сухую метель листопада, слепит мокрым снегом. И утихает... Тогда и открывается глазу старый-старый Таллин.

Туристы упоенно слушают легенды о Старом Тоомасе, о средневековом таллинском донжуане Иоганне Таубе, о сердитом Старике с озера Юлемисте, который все грозится затопить Таллин, как только город перестанет строиться. Истории то трогательные, то забавные, но вот беда: от многократного повторения они успели потускнеть, как старые переводные картинки. Наверное, пресловутый Старик с озера Юлемисте давно бы рассердился и утопил нас за все очерки, поэмы и репортажи, в коих он выступает главным героем, если бы не ученые. Они строят историю не на шатком фундаменте мифов, а на фактах. Так история Таллина с каждым исследованием становится все строже и интересней.

Профессор Пауль Аристе давно завоевал мировое признание в области сравнения угро-финских языков. Его работы глубоки, интересны и безукоризненно точны. Вот что сообщает он о названиях города:

— Вначале было Линданисе. Кстати, новгородские купцы XII—XIII веков ловко переделали его в Леденец — студеный, видно, был город на берегу холодного моря, на семи ветрах. Слово «Линданисе» связывали с именем мифической героини Линды. Но, очищенная от наслоений, древнеэстонская поэзия не доносит до нас такого женского имени. И следующее имя — Колывань не обязательно связывать с героем эпоса Калевом. Есть эстонское слово «калев» — твердо, надежно. Вот откуда название «Калеван», и вряд ли стоит в нем сомневаться, если придать значение скале, на которой стоит старый город: действительно твердыня. Относительно более позднего названия — Ревель; можно думать, что оно идет или от рифов, которых много в Таллинской бухте, или от эстонского слова «ребала» — место, где обитают лисы.

И, наконец, Таллин. В начале XIII века приплыли к эстонскому берегу датские войска во главе с самим королем Валдемаром II. И была сожжена древнеэстонская твердыня, а на раз-



Швеи наших дней.

валинах началось строительство нового города. В старые хроники, писавшиеся по-латыни, он вошел под названием «каструм Данорум», соседи латыши называли его «Дану пилс», сами эстонцы «Таани линн», в дальнейшем сокращении Таллин, и все это означает «Датская крепость». Во второй половине XIII века «Черная Грета» — датская королева Маргарита — самолично командовала строительством города. А столетие спустя побережье Эстонии с городами Таллином, Раквере и Нарвой было продано за 19 тысяч серебряных марок немецкому ордену. Орденские братья отлично умели служить одновременно и богу и торговле, а также захватывать чужие земли. Поэтому они одинаково прочно строили церкви, пакгаузы и крепости. Святые порталы и по сей день выглядят довольно воинственно: они напоминают туго натянутые луки, а шпили — острые стрелы, которые вот-вот вонзятся в облака.

Карта улиц старого города почти та же, что была в средние века, поэтому мы и теперь можем воспринимать тот, давний Таллин совершенно непосредственно. Ну, а если прибавить чуточку воображения,— голову теряешь от темно-серых высоких башен, от розовой ряби черепичных крыш, от зеленого серпика луны над ночной Ратушной площадью и от стертых плит сказочных улочек «каструм Данорум»...

ИВАР КАЛЛИОН, председатель Таллинского горисполкома.

— Мне тоже нравится эта старина. Вот что я хочу вам посоветовать: познакомьтесь-ка поближе с теми, кем всегда был славен наш город, людьми, которые его строят, реставрируют, изучают, украшают, одевают, кормят, и убедитесь, как он молод.

И мы последовали этому совету...

РАСМУС КАНГРОПОЛЬ, начальник инспекции по охране памятников архитектуры.

— Мне вспоминается одно маленькое событие из таллинских будней XVI века. Однажды весной речка Пирита разлилась и снесла Ируский мост... Магистрат отправил на место происшествия одного из своих членов с заданием: восстановить мост как можно скорее. Каменщики работали согласно договору с восхода до заката, и через неделю высокий горбатый плитняковый мост был готов. Вот бы и нам такие темпы... Но мы реставраторы, мы не строим и даже не восстанавливаем, мы... ищем аромат эпохи. Наша цель — «раскрыть» средневековый город, «освежить» и подарить его нашим современникам. Вышгород, как было и всегда, останется административным центром. В обновленных залах Ратуши происходят торжественные собрания и приемы, камерные концерты знаменитых исполнителей; в башне Кик-ин-де-Кёк — выставки и тоже концерты, в Девичьей башне будет открыто кафе, у монастыря Бригитты, где археологи недавно открыли целый средневековый городок, начнутся театрализованные представления. Пусть вся реставрированная старина служит искусству еще много веков.

ГЕННАДИЙ ФАРАФАНОВ, старший инженер конструкторского отдела ДСК.

— Таллинский домостроительный комбинат мне дом родной. Я поступил сюда маляром, не оставляя работы, закончил институт, стал инженером. Наш ДСК обеспечил блоками молодой жилой массив Мустамяэ — там в 24 600 квартирах живет 110 тысяч человек. Для нового района Ыйсмяэ делаем блоки улучшенной серии, они действительно хороши, в чем я убедился на собственном опыте, недавно получив там квартиру. Мне нравятся изогнутые линии домов этого района, пляжи на берегу озера Харку, уютные дворы с молоденькими голубыми елями и яркими газонами. В будущем году начнем строить Ласнамяэ, этот массив будет хорош уже тем, что наконец выведет Таллин к самому прибою. Я на общественных началах руковожу группой молодых конструкторов, мы сейчас в свободное время проектируем общежитие, в котором будут жить строители парусной Олимпийской деревни. Да, не забудьте нас поздравить: недавно наш комбинат получил первую премию Совета Министров СССР!

РИНА ХЕЙНЛО, главный агроном треста зеленого хозяйства.

— Главный агроном города — звучит необычно, правда? Мне нравится моя работа, и я очень люблю таллинские скверы и парки. Каждый год мы сажаем шестьдесят тысяч цветов и старательно укрепляем газоны. В Ыйсмяэ начался для нас новый этап: мы сдаем теперь новоселам вместе с домами и юную зелень — представьте себе, как радуют людей яркие краски, нарушающие однообразие белых стен. Огорчает меня пока то, что в Таллине маловато роз: украсить ими город — моя давняя мечта!

ЯАН ТУВИКЕ, шеф-повар гостиницы «Виру».

— Гостиница наша стала популярной, и на ее ресторан гости тоже не обижаются. Ежедневно у нас питается до пяти тысяч человек. Готовим мы на разные вкусы — и на западные и на восточные. Ну и само собой, не забываем таллинцев. А у них «национальной едой» стал шашлык по-кавказски, самый большой спрос на него. Поваром я стал по призванию, хотя в детстве я видел себя артистом балета. Но, мечтая об этом, я ежедневно и с удовольствием готовил дома еду. Вот мама и посоветовала мне стать поваром. Работу свою я люблю — она необходима людям, и ее можно смело назвать творческой. Есть у меня и другая любимая работа: коллеги уже не впервые избирают меня секретарем партийной организации. Общественная деятельность давно увлекает меня, я чувствую, что она обогащает людей духовно, а людей, стремящихся к духовным ценностям, я глубоко уважаю.

ИМБИ КРУУС, групкомсорг, лучшая молодая швея производственного объединения имени В. Клементи.

— Случилось так, что я, не закончив школы, поступила работать сюда, во второй цех. И как-то сразу все стало на свои места: и с работой справляюсь, и в десятом классе учусь. На первый взгляд труд мой кажется не таким уж важным: строчу мелкие детали — карманы, воротники, клапаны. Но попробуйте представить себе хорошо скроенный плащ с плохо простроченными деталями, да вы его и надеть-то не захотите!

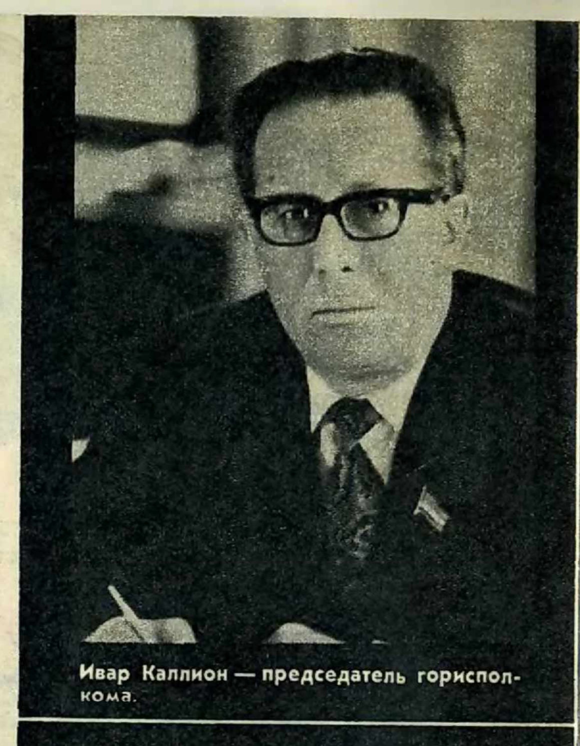
РАЙМО ПУЛЛАТ, секретарь партийной организации Института истории АН ЭССР, доктор исторических наук.

— Еще в университете я интересовался историей средневековых городов, а переехав на работу в Таллин, заметил, что его историей все интересуются, все ее знают и каждый рассказывает по-своему. Наверное, это и послужило толчком к тому, что я стал составителем и одним из авторов двухтомной истории Таллина. Работа была нелегкой — во время войны фашисты вывезли таллинские архивы, так что нам приходилось собирать все по крупицам. Меня избрали председателем Всесоюзной секции по истории городов. Но со средневековьем я все-таки распрощался, сейчас меня гораздо больше интересует структура советского общества — это моя эпоха, моя работа, мои заботы и радости.

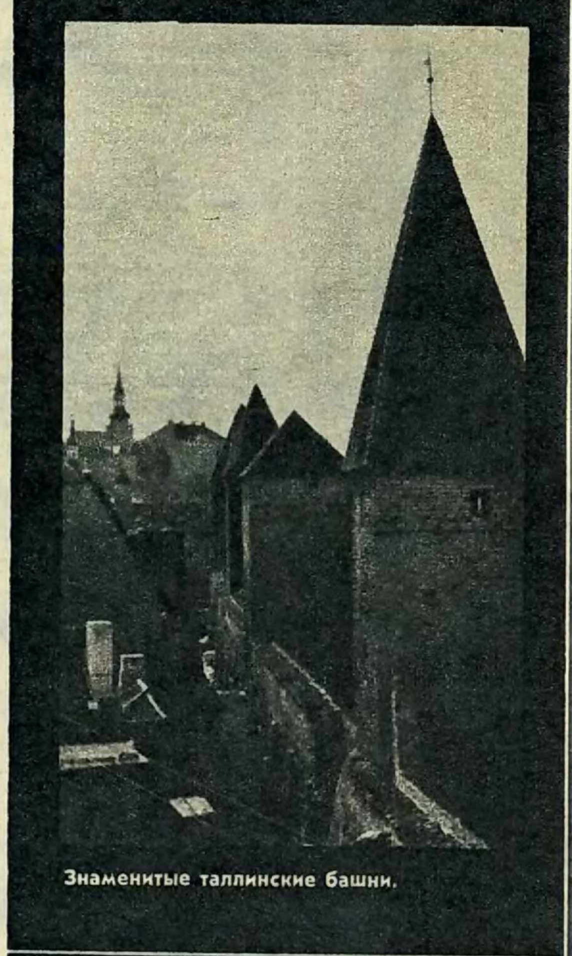
И снова

ИВАР КАЛЛИОН, председатель Таллинского горисполкома.

— Я знаю всех молодых людей, с которыми вы разговаривали. Обратили ли вы внимание на одну характерную особенность? Они не только хорошо и с интересом работают, но и живут активной социальной жизнью и этим похожи на всю нашу молодежь. Вот почему я не люблю, когда Таллин называют городом-музеем. На сессиях горсовета мы многократно обсуждали, каким быть будущему Таллину, и для меня он уже стал почти осязаемым. Старый город, яркий от патины, черепиц, вековых парков, окажется в центре. Вокруг него голубоватой оправой встанут сегодняшние и завтрашние кварталы из бетона и стекла. Я думаю, что наш город можно называть двояко: «древность в юной оправе» и «молодость в оправе старины». Но мне больше нравится последнее: ведь стены старятся, а молодость вечна.

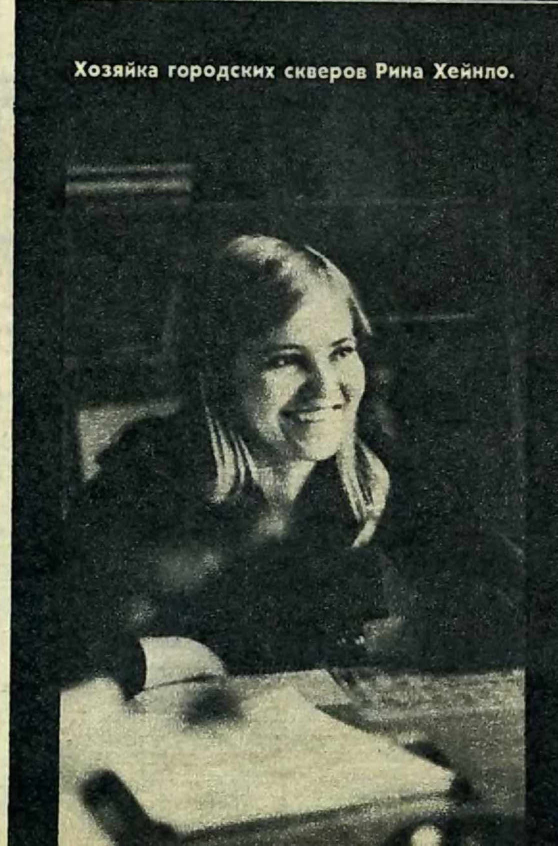


Ивар Каллион — председатель горисполкома.

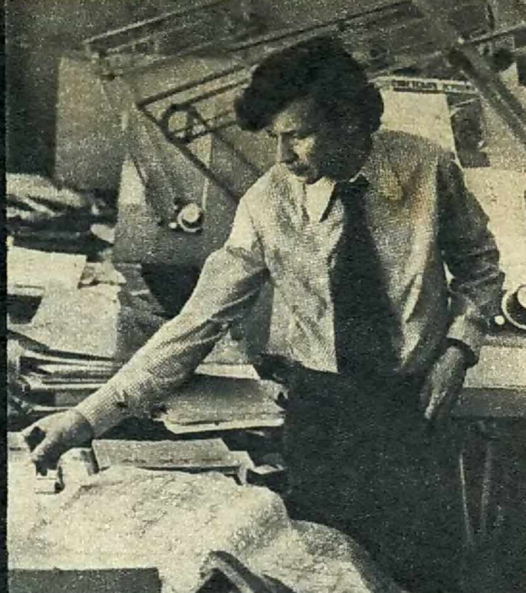


Знаменитые таллинские башни.

Хозяйка городских скверов Рина Хейнло.



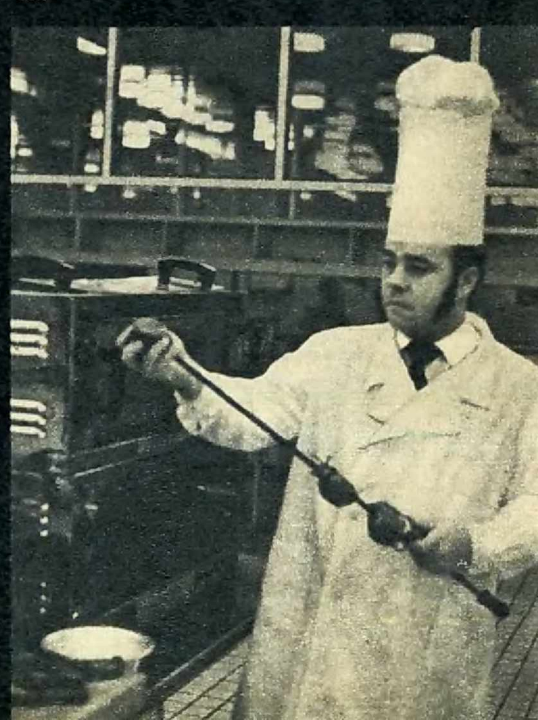
Под снежным покрывалом.



Инженер Геннадий Фарафанов:
— В будущем году начнем строить Ласнамяэ.

Таллинская старина.

Яан Тувике, шеф-повар гостиницы «Виру»:
— Готовим мы на разные вкусы.



Цена номера 35 коп.
Индекс 70663